

Герману Николаевичу -
меткино наццокалькву
Патриоту. Будиништу!
Служботориши у вярменши
Б. Р. 9. 2012
Жетанея

70 лет на земле Казахстана

БЕРЕЖ
НАДЕЖДЫ
И СЧАСТЬЯ

Астана-2007



Приморье. Отсюда в 1937 году начался путь в депортацию

Фото Виктора Ана

Сборник посвящен 70-летию корейцев на земле Казахстана. Эта книга об отверженном старшем поколении дальневосточников, о покалеченных судьбах людей, приговоренных немилостью власти и музiciens к испытаниям вдали от Родины. Она о том, как человек, преодолевая все тяготы и лишения, страдания и невозполнимые утраты, оставался Человеком. Как не дал зачухнуть древу жизни. Как пустил животворные корни на благословенной казахской земле.

Книга издана при поддержке столичного филиала Ассоциации корейцев Казахстана. Адресована широкому кругу читателей.

❖

АССОЦИАЦИИ КОРЕЙЦЕВ КАЗАХСТАНА

*Мои уважаемые сограждане,
дорогие друзья!*

Сердечно поздравляю всю диаспору корейцев Казахстана со знаменательным юбилеем – 70-летием вашего проживания в республике!

В тяжелые 30-е годы депортированным с Дальнего Востока корейцам помогали выжить и обустроиться казахи и другие народы многонационального Казахстана. Корейцы не просто нашли в Казахстане пристанище в лихую годину, а обрели здесь новую Родину.

Все эти годы корейцы проявляли искреннюю благодарность и уважение к земле и народу Казахстана. С мужеством и достоинством, наравне со всем разделяли выпавшие нам трудности и испытания. Трудлюбивая корейская диаспора вносила свой вклад в развитие казахстанской промышленности и сельского хозяйства, науки, культуры, образования, в укрепление взаимопонимания и межнационального согласия в стране.

Я с гордостью отмечаю, что корейцы являются органичной и неотъемлемой частью яркой и многоцветной палитры народов республики. На благодатной казахстанской земле вы сохранили и обогатили свои национальные обычаи и традиции, здесь расцвели таланты и дарования многих сынов и дочерей корейского народа.

Ваши достижения – это достояние и корейской диаспоры, и всего народа Казахстана. В единой дружной семье мы вместе создаем новый Казахстан.

Поздравляю Вас с этой замечательной датой, от души желаю всем казахстанским корейцам крепкого здоровья, благополучия и новых свершений на благо нашей страны!



Президент Н.А. НАЗАРБАЕВ

❖

**Александр КИМ, председатель столичного филиала
Ассоциации корейцев Казахстана**

*Уважаемые читатели,
дорогие соотечественники!*



Вашему вниманию предлагается сборник “Берег надежды и счастья”. На вид обычная книга, и название у нее не претенциозное. Да и люди, о которых она повествует, авторы, откликнувшиеся на просьбу рассказать о себе, о своих родителях, о родовых корнях – наши друзья, добрые знакомые, с которыми мы частенько видимся, общаемся по разным обстоятельствам. Простые, замечательные люди! Но как хорошо или глубоко нам знакома история той или иной семьи, что удивительного, поучительного было у них в прошлом? Ведь об этих близких людях, согласимся, нам известно немного. А теперь, листая страничку за страницей. Вы наверняка откроете для себя немало жизнеописаний, из которых складывается и коллективный портрет нации, и образ эпохи старшего поколения, на долю которого выпала такая горькая чаша испытаний, лишений, неимоверных трудностей, что, как говорится, не дай, не приведи Господь. Это – истории простых людей в непростые времена, отчет которым пошел в 1937 году.

Так повелела смутная судьба-эпоха, что в одночасье дальневосточные корейцы оказались на пустынных, малолюдных землях Средней Азии, Казахстана. Сегодня, спустя 70 лет, о той поре известно многое. Наше старшее поколение выстояло, потому что “приказано было выжить!”. Во имя детей, во имя их будущего. К этому будущему их путь был выстлан страданиями. Анатолий Франс так написал об этом: “Страдание! Какое великос, но не оцененное явление! Ему мы обязаны всем, что в нас есть доброго, всем, что придаст ценность жизни: ему мы обязаны милосердием, мужеством, обязаны всеми добродетелями.” Француз-писатель словно предрекал это испытание корейскому человеку. Но даже без этого испытания восточная нация всегда отличалась гуманными



качествами, общечеловеческими ценностями, высоконравственными принципами и духовностью. И это находит свое подтверждение в нашем сборнике. Корейцы оценили сполна все перенесенные страдания. На земле Казахстана они обрели свой берег счастья, и вот уже 70 лет берегут эту землю как заветный талисман, почитают ее как святыню. Бесценным завоеванием стали дружба, межнациональное согласие с другими народами. Мы – одна казахстанская нация!

Вам, уважаемые читатели, оценивать содержание этой книги-антологии. Одно при этом бесспорно: все изложенное в ней – правда жизни. Она вобрала в себя эпохальные события народа: драму, потери и обретения, неразрывную связь поколений, любовь, великий пример мужества Человека. Она в том, что внуки и правнуки депортированных корейцев сквозь время достойно несут Имя старшего поколения.



ВРЕМЯ, ЛЮДИ, ЖИЗНЬ

Н.В. МУН

председатель совета старейшин



“Человек живет совсем немного – несколько десятков лет и зим”. Это сказано неизвестным поэтом, философски рассуждавшем о бренности и скоротечности бытия. 70 лет отделяет дальневосточную корейскую диаспору, выметенную зловещими ветрами истории с берегов Тихого океана, приморских окраин России. С тех пор старшее поколение, их дети стали зваться советскими корейцами, а нынешние потомки – казахстанскими. Мы одинаково можем гордиться обоими званьями, ибо время показало, что во все минувшие эпохи изгнанный народ сумел выстоять, выжить, сохранить свою главную, духовную суть. В невероятно тяжелых испытаниях, начавшихся в депортацию 1937 года, людям, подвергшимся унижениям и открытым оскорблениям, объявленным “врагами народа”, помогала та внутренняя сила, о которой утверждал немецкий философ А. Шопенгауэр: “Самый распространенный вид гордости – национальная гордость”. И это истина! Как и та, что корейцы глубоко чтят память о прошлом, его поколении, вынесших на своих плечах трагический груз истории. Уже несколько десятилетий, как вошло в обязательную традицию навещать дальние и ближние погосты не только весной, но и обязательно осенью, порой глубокой и сыкатной. Об этом повествуется в одном из очерков о нашем 70-летнем современнике, который раз в году отправляется в 500-километровый путь, чтобы воздать дань памяти своему отцу, бывшему капитану балхашской рыбной флотилии. Седовласый благодарный сын всегда помнит напутствие древнекорейского поэта: “Неповторимо в жизни лишь одно – родителям высокое служение”.

Тогда, в 1937-м, сорванных с тихоокеанской морской кромки, берегов Амура, Усури, Аргуни, корейцев прибило совсем к другим, казахстанским широтам – берегам Балхаша, Или, Каратала, Сыр-Дарьи на юге республики, Ишима, Тобола, Иртыша – на севере. Это были



берега надежды отчаявшегося народа. Обрели они здесь счастье, свою благодатную обитель? Да! Казахская, воистину великая Степь стала теплой, родной колыбелью и следующим поколениям депортантов. Об этом говорится и в поздравлении Президента РК Назарбаева Н.А. в связи с 70-летием казахстанских корейцев, которые “не просто нашли в Казахстане пристанище в лихую годину, а обрели здесь новую Родину”. Глава государства подчеркивает, что все эти годы корейцы проявляли искреннюю благодарность и уважение к земле и народу Казахстана. И это тоже истина!

Окидывая взглядом прошлое, погружаясь в исследования и поиски, которые неустанно ведут казахстанские ученые Г.В. Кан, Г.Н. Ким, другие историки, казалось бы, можно утверждать, что мы знаем о депортации многое, если не все. Нет. В этой истории еще остаются белые пятна. Такие, например, о которых поведал ученый Олег Ли на страницах газеты “Российские корейцы”. Казахстанцам, наверняка, будет небезынтересным узнать, что к переселению корейцев с дальневосточных земель имел отношение еще в XIX веке... Н.М. Пржевальский. Да-да, известный ученый-путешественник, написавший книгу “Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869”. По странному обстоятельству, рассказывает О. Ли, она была переиздана не когда-нибудь, а именно в 1937 году. “Мистика? Случайность? – размышляет ученый. – Тогда почему не предположить, что “случайно” изданная книга не оказалась у Сталина?! А может он сам намекнул, кому надо, о переиздании книги?”. Далее автор раскрывает суть: Пржевальский побывал в Уссурийском крае спустя несколько лет после заселения этих мест корейцами, и его первые впечатления таковы: “Конечно, в настоящее время, когда корейские колонии существуют так недавно, еще нельзя дать о них определенного мнения, но мне кажется, следует на время приостановить дальнейший прием корейцев в наши пределы, по крайней мере до тех пор, пока хотя сколько-нибудь выяснятся результаты, которых можно ожидать от этих колонистов... С другой стороны, поселение перешедших к нам корейцев в такой близости от границы есть немалая ошибка... Как ни тяжка была жизнь на родине, но все-таки с нею связаны для них воспоминания, самые дорогие для каждого человека... Притом же близость границы дает им возможность знать и интересоваться тем, что делается на родине, даже самый вид

родных гор, сияющих вдаль за берегами Туманги, все это сильно напоминает им о былом и устраняет возможность всякого активного влияния с нашей стороны.

Другое дело, если бы эти корейцы были поселены где-нибудь подальше, например, на среднем Амуре или даже хотя бы в степной полосе между озером Ханка и рекой Суйфун. Здесь бы они жили вдаль от родины и притом среди наших крестьян, от которых исподволь стали бы проникать к ним русский язык и русские обычаи". Не за это ли зацепился тов. Сталин?

Как видим, отношение русского ученого-путешественника к корейцам проникнуто искренним сочувствием, даже трогательно. Другое дело Сталин. Олег Ли пишет, что один из исследователей официально утверждает, что вождь якобы собирал все материалы о российских корейцах в специальную папку еще с 1922 года, но "эту папку автору настоящей статьи найти пока не удалось". Пока?

Интересны работы казахстанского ученого Тлеу Кульбаева, который приводит высказывания очевидцев, свидетелей событий далекого 1937 года: "Не может быть, чтобы решение о выселении принял товарищ Сталин. Надо послать ему телеграмму... Не мог сказать тов. Сталин, чтобы нас выселили, кому мы тут мешаем, живем мирно, спокойно. Были среди корейцев и настроения затаенной надежды – "наверное, нам дадут автономную область". Действительно, наивные надежды. После длительного, мучительного переезда иллюзии бедного народа окончательно рассеиваются. Уже 24 августа 1937 года в НКВД Казахстана и Узбекистана поступают секретные шифротелеграммы о мерах "по предотвращению бегства корейцев в другие районы и распыления их по Советскому Союзу".

"Выяснение результатов" от корейских колонистов, о которых размышлял Пржевальский, состоялось на казахской земле. Каких результатов добился изгнанный с Дальнего Востока народ – об этом рассказывается в нашем сборнике "Берег надежды и счастья". В книге собраны воспоминания людей, которые, будучи детьми, отчетливо помнят события осени 1937 года. Авторы рассказывают о дальнейшей жизни в Казахстане, утратах дорогих людей в годы войны, в тылах трудовой армии, о становлении нации в последующие годы. Корейцы благодарны людям других национальностей, но в первую очередь



великодушным, милосердным казахам, делившимся с бедствующими корейцами своим шаныраком и лепешкой. Кроме личных воспоминаний в сборник включены материалы, в разные годы опубликованные в республиканских СМИ, в национальной газете “Ленин кичи”-“Коре ильбо”(“КИ”). Сделано это потому, что наверняка ранее эти публикации не доходили до широкой читательской аудитории. Теперь же на страницах книги Вы встретитесь со многими замечательными людьми, нашими друзьями и добрыми знакомыми, больше узнаете об их прошлом и настоящем. Перед Вами целая галерея удивительных личностей, которые стоят того, чтобы запечатлеть их в печатной строке; некоторые фамилии представлены двумя-тремя поколениями, например, Цой-Опенько. Жизнь акмолинских старожиллов – живая история, успехи их потомков в сегодняшней яви – залог счастья детей в дне завтрашнем. Сборник повествует и о реалиях 90-х годов, когда городская корейская община испытывала другие “результаты” – горбачевской перестройки, развала единой страны; о том как сумели сохранить национальный дух, единство.

Моя Родина – Казахстан. Это обыденно звучит в устах нового корейского поколения. Но в год 70-летия тема обретенной Родины получила яркое освещение и в конкурсе на лучшее сочинение среди молодежи республики. Столичная школьница Дарья Лигай написала: почему, когда звучит песня “Ариран” старики плачут? Почему, когда их чествуют в День пожилых людей, они не могут сдерживать своих чувств? Она приходит к изумительному заключению, назвав эти чувства “синдром опаленной памяти”. И книга “Берег надежды и счастья” являет собой тот синдром памяти о времени, людях, жизни корейского народа на казахской земле, который должен всегда быть в нашей душе и сердце.



*... Лишь память свою берегите –
Это – необходимо!
Дело рук берегите,
Храните ночью и днем.*

*Совесть и честь не тратьте –
Это в нас неделимо,
Это в мир прорастает,
В землю упав зерном!*

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Вячеслав .Ш



Согласно корейским нравственным канонам, нет ничего дороже у человека, чем его родители. Они когда-то подарили каждому из нас счастье жить на благословенной Земле. Они растили и воспитывали нас, оберегали от всех бед и напастей. Были всегда рядом с нами и в радости, и в горе. Родительский дом – это тот остров в океане жизни, где нам всегда тепло и уютно. Где мы делали первые шаги. Это священная память на всю нашу жизнь.

Увы, с годами многого забывается. Таково свойство нашей памяти. Помнится главное, детали, подробности уносит ветер времени, словно песок кочующих барханов в пустыне.

Моему отцу в октябре 2007 года исполнилось бы 90 лет. Его имя, данное ему при рождении – Ли Чан Вон. Позже, в Казахстане, казахи стали его называть Нургали, затем переименовали и он стал Николаем Николаевичем Ли. Я его очень любил и гордился им. Он всегда был в работе. Отдыхом для него были любимые занятия: живопись, музыка, созерцание природы.

В недавний воскресный день мы вспоминали о тебе, мой отец. К нам в гости пришел мой друг, писатель Владимир Коченов. Его интересуют судьбы людей, которые оставили яркий след в истории столицы.

В нынешнем году твой бывший сельхозинститут, а ныне Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина отмечает свои 50-летие.

К юбилею выпущен сборник, в котором отмечается твой вклад в подготовку специалистов для агропромышленного комплекса страны. И, в частности, указано, что на кафедре политической экономии, которой заведовал и состоял профессором, ты проработал 33 года.

Мы сидим в гостиной маминой квартиры. Мама хлопочет на кухне, а мы с Владимиром рассматриваем твои живописные работы, которые удалось сохранить. Так уж случилось, что, переезжая с одной квартиры на другую, многое терялось, к тому же свои картины ты щедро раздавал. Увы, только после твоего ухода из жизни пришло понимание того, что ты был самообытным, талантливым художником. Владимир обратил внимание на еще одну грань твоих картин: они пропитаны пронзительной грустью. По его словам, эти картины являются художественным воплощением философских мотивов великого Бердяева. Сейчас толика твоих работ размещена в экспозиции Музея современного искусства, посвященной 70-летию проживания корейцев в Казахстане.

На стене в гостиной – твой портрет, написанный твоим учеником Талгатом Хиесмагуллиным. На нем ты по обыкновению собран, красив, серьезен и смотришь вдаль. На портрете время для тебя превратилось в вечность. Я вспоминаю, как ты гордился тем, что разглядел в своем ученике, 16-летнем акмолинском пареньке Жанатас Шарденове большой художественный талант. Став маститым, народным художником Казахстана, Шарденов с большой теплотой вспоминал тебя, своего первого учителя живописи. Владимир Григорьевич внимательно слушает мои воспоминания о тебе. Мама часто дополняет и нередко поправляет меня.

Ты появился на свет на Дальнем Востоке, в селе Синельниково Приморского края 24 октября 1917 года. Твой день рождения практически совпал с началом эпохи, которую большевики с присущим им воинственным оптимизмом называли Великой. Несколько иначе охарактеризовал это время русский писатель Александр Куприн. Он назвал его океанным. Отец, тебе, равно как и твоим братьям по крови, в полной мере довелось пережить, прочувствовать, испытать на собственной шкуре все “прелести” того времени. Красный молох революции перемалывал прошлое и настоящее Российской империи, разрушал судьбы людей, народов.

Уже в раннем детстве ярко проявились твои незаурядные способности к учебе. Твой отец очень хотел, чтобы ты получил хорошее обра-



зование. Он происходил из обедневшей дворянской семьи (янбан). Гордился своими предками, хорошо знал свою генеалогию. У корейцев давняя традиция отслеживать свою родословную. Поэтому стремление деда дать своему младшему сыну образование вполне понятно и объяснимо.

В соседнем селе, за несколько верст от отчего дома, была маленькая, но хорошая школа. Осенью, пятилетним мальчонкой, тебя отправили туда пешком. Твой отец сопровождал тебя, с удовлетворением наблюдая, как ты стойко преодолеваешь немалый пеший путь. Оставили жить в чужой семье. Тебе было одиноко и до слез обидно вдали от матери, которая в тебе души не чаяла. Когда пришло время забрать тебя на лето домой, ты удивил отца своими успехами. За несколько месяцев ты освоил тысячу китайских иероглифов. Такое было под силу лишь очень даровитым ученикам. Полученные тогда знания ты сохранил до конца жизни.

На Дальнем Востоке китайский в те годы был языком межнационального общения, как некогда французский для русского дворянства. А потому начало образования начиналось с изучения китайского письма. Перед каждым учеником на парте стоял ящичек с песком, на котором дети упражнялись в начертании иероглифов. Сделал задание, дощечкой разгладил поверхность песка и снова за дело. Жить и учиться в чужой семье для ребенка – большое испытание. Ты его преодолевал с недетским мужеством и упорством. Твои способности к учению возвышали тебя над невзгодами. Но не оберегали от нападков со стороны более старших, но менее даровитых однокашников.

Следующим этапом твоего творческого становления стал Никольско-Уссурийский корейский педагогический техникум. Ты был самым юным студентом, шупленьким подростком, которому едва исполнилось 14 лет. На первые занятия пришел в трусах, чем от души позабавил своих однокурсников. Девушки, видя твое бедственное положение, взяли над тобой опеку и первым делом сшили тебе брюки. Ребята никому не давали обижать тебя. Ты был любимцем техникума. Студентам в те времена жилось особенно трудно и голодно. Ты всегда с благодарностью вспоминал нечастые встречи с родными. Однажды к тебе после демобилизации из Красной Армии заехал старший брат Федор. Он с грустью глядел на тебя, а затем повел в хорошую столовую, где накормил “до отвала”. Вкус той еды ты запомнил на всю жизнь.

Быстро прошли-промчались годы учебы в техникуме, но они остались в твоей памяти на всю жизнь. Несмотря на нелегкие времена, ты рос, креп и мужал. У тебя были отличные успехи в учебе, быстро развивались музыкальные, художественные и спортивные способности. Уже в зрелые годы ты вспоминал, что тебе повезло в юности. Ты учился у блестящих педагогов. Это были политические ссыльные, большие интеллектуалы, люди, получившие в свое время классическое образование в университетах Москвы, Санкт-Петербурга, Киева.

У тебя были редкие природные данные к изучению языков: буквально на лету схватывал грамматические особенности нового для тебя, русского языка, поражая своими способностями однокурсников. Ты был лучшим русистом. Любовь к русскому языку, русской литературе ты сохранил на всю жизнь и всегда с благодарностью вспоминал своего учителя по фамилии Оселедько. Позже с легкостью овладел казахским языком, вызывая восторг своей языковой виртуозностью у знатоков “Қазақ тілі”. В дружеской беседе часто можно было слышать: “Николай Николаевич Ли – наш брат-казах”. Тебя уважали, любили, высоко ценили. Но все по порядку.

Начало твоей трудовой деятельности состоялось в Биробиджан. Это центр новой автономной области, которая в те годы была образована как место для постоянного поселения евреев. Как пишет в своей книге о Сталине известный российский историк Рой Медведев, по указанию вождя в стране проводилась “зачистка” всех звеньев власти на предмет увольнения лиц еврейской национальности с последующей высылкой их в Еврейскую автономную область.

В корейской начальной школе кирпичного завода в г. Биробиджане выпускнику учительского техникума Ли Чан Вону довелось поработать около двух лет. Осенью 1937 года отца, к тому времени уже директора школы, освободили от работы, как отмечалось в приказе “по случаю переселения корейского населения”. И с этого времени твоя судьба, отец, стала типичной судьбой советского корейца. Вас стали называть депортированными, перемещенными, за вами сохранилось лишь одно право – право на физическое выживание.

И все-таки учительство в дальневосточной корейской школе стало яркой страницей в твоей жизни. Кстати, именно тогда, случайно, во время записи на радио, ты впервые увидел свою будущую жену, мою маму – Хван Раису Ундеевну.



У тебя были редкие музыкальные способности, которые ты развил, еще учась в техникуме. Самостоятельно научился играть на скрипке, мог на слух исполнять сложные классические вещи. Многие считали, что у тебя образование консерватории.

Эта первая мимолетная встреча моих отца и матери стала их судьбой. В далекий Казахстан они сехали в одном эшелоне, в соседних вагонах. На стоянках поезда отец бегал в другой вагон, чтобы только увидеть ее. Это было время рождения вашего большого и светлого чувства, имя которому – любовь. Казалось, что она родилась в самое неподходящее время, в эшелоне со спецпереселенцами, но вы с мамой сумели пронести ее через всю жизнь.

Рассказывать о том, как депортировали с насиженных, обжитых мест целые народы, наверно, нет нужды. Об этом немало написано. Недолгие сборы, ограниченный багаж и – вперед, в телячьи вагоны. Депортация происходила осенью. В тот год был богатый урожай, но убирать его было некому. Все пропало. “Везли нас больше месяца. Выгрузили на станции Шортанды. Первое, на что мы обратили внимание, это то, что встречавшие нас на подводах люди были похожи на нас, – дополняет мой рассказ мама. – Помаявшись на точке № 31 без работы, мы стали настойчиво просить, чтобы нас переселили в Акмолинск. У нас ведь были городские профессии, в городе мы были бы нужнее. Нашу просьбу вскоре удовлетворили”.

Ты был деятельным человеком, папа. У тебя всегда были цели и мечты. Они окрыляли, наполняли смыслом твою жизнь. Пересехав в Акмолинск, первым делом приступил к организации корейской школы. В то время ты был единственным среди корейцев, депортированных в Акмолинск, дипломированным учителем. Открытая тобой школа просуществовала недолго, ее закрыли после очередной кампании по ликвидации национальных школ. Советская идеология ставила целью нивелировать национальные культуры, лишить человека его корней. Усреднить всех, сделать безликими и похожими. Такими легче управлять.

Заведующий отделом образования Мукат Мейрманов недолго присматривался к молодому и симпатичному учителю Ли Чан Вону: “Поедешь в село Тайтубе, будешь работать в казахской школе”. В Тайтубе отец поселился в семье Шикибаевых. В простой казахской семье к нему относились как к родному человеку. Он с энтузиазмом и душевной теплотой работал с казахскими детьми, которые на всю жизнь сохранили уважение и благодарные чувства к учителю русского языка Нургали. Именно так, с легкой руки деда Шикибая, стали звать молодого учителя-корейца. Позднее в Акмолинске его новое имя переименовали на русский лад – Николай, над отчеством также долго не гадали – Николаевич.

Из села отец нарочными посылал письма моей маме, наполненные романтическими чувствами и поэзией. В то время в глазах моей мамы отец был недосягаемо образован. Она была смущена вниманием учителя, который был старше ее лишь на несколько лет, а потому не отвечала на письма. В Акмолинске мама, после корейской семилетки, училась в русской школе, а затем поступила на учебу в медицинское училище. Ее семья в то время жила трудно, отец осужден как “враг народа” по 58-й статье. Это потом, в XXI веке, его назовут в числе героических патриотов Кореи и посмертно наградят высоким орденом “За независимость Кореи”. Братья – подростки и мама, работающая не покладая рук. Но мои молодые родители любят друг друга и не страшатся трудностей. Начало вашего супружества было обставлено весьма скромно и поначалу не нашло понимания даже среди родственников с обеих сторон. Спустя более полувека свадебная церемония по древним корейским канонам была проведена для вас международной корейской организацией “Rotary club”, которая проводит свадьбы в традиционном стиле для тех корейцев, которые не смогли, по разным причинам, сделать это в свое время и прожили совместно более полусотни лет. Я смотрю на свадебные фотографии, разделенные десятками лет, на ваши счастливые лица и вижу, что время было невластно над вашими чувствами.

Твой брат Зын Вон, в предвосные годы жил и учился в Самарканде. Он позвал тебя к себе для продолжения твоей учебы. Ты едешь и поступишь в Институт народного хозяйства. Родственники собирают деньги и отправляют в Самарканд, вслед за тобой, твою молодую жену. Путь неблизкий и небезопасный. Мама продолжает прерванную учебу в



Самаркандском медучилище. Вам живется непросто на скудные стипендии, но мама успешно заканчивает учебу и ее даже оставляют в мединституте для дальнейшего обучения. В апреле 1940 года рождается мой старший брат Артамон. Молодым родителям становится еще сложнее. И они везут первенца в Акмолинск. Когда после трудной и долгой дороги вы с младенцем добираетесь до Акмолинска, до дома, маленький Артамон, заболевший в пути, едва жив. Бабушка его выводит и он станет ее любимцем. Мама устраивается работать медсестрой, а папа возвращается в Самарканд для продолжения учебы и работы. Грянула война, а за ней в семью пришла крайняя нужда. Ты, отец, переводиться учиться в Алма-Ату, но голод и разлука становятся невыносимыми. Морально угнетает и осознание гражданской второсортности. Корейцев считают неблагонадежными и не призывают на войну.

Ты оставляешь учебу и возвращаешься домой. Мама до сих пор отчетливо помнит твоё возвращение. Зима, крутые морозы и ты на пороге – замерзший, полураздетый, в парусиновых развалившихся туфлях, с перевязанной шарфом головой. Но зато вы теперь вместе!

В военные годы мама самоотверженно трудится в больницах Акмолинска. Медики спасают и лечат раненых, беженцев, сосланных. Не раз мама сопровождала раненых в город Томск. Отец, ты бы радовался вместе с нами, когда мама в этом году была награждена украинской медалью “60 лет освобождения Украины от фашистских захватчиков”.

В 1942 году ты, отец, становишься экономистом Сталинско-Магнитогорской ж.д. магистрали. Затем тебя переводят на должность начальника планово-финансовой группы, далее старшим экономистом. Но ты вдруг решаешь резко поменять работу. Дело в том, что в тот период ты знакомишься с эвакуированными московскими художниками и испытываешь огромный прилив творческих сил. Москвичи впечатлены твоим самобытным художественным дарованием. Это окрыляет тебя, ты много работаешь, твоё мастерство растёт и оттачивается быстрыми темпами. Тебя зачисляют в Московский художественный институт имени Сурикова, но поехать в Москву, получить профессиональное художественное образование в военное время будет не суждено. В тот период ты известный в городе художник, великолепный портретист, виртуозный мастер техники “сухая кисть”. В те годы ты единственный из художников, кому официально разрешалось делать портреты вождей и коммунистических

лидеров. Ты любил и мастерски выполнял рисованные афиши к популярным советским кинофильмам. Акмолинцы поразились портретному сходству киноактеров на афише и экране. У тебя много молодых энергичных, талантливых и творческих друзей. Художник-москвич Александр Бренёв, казах Кенетаев, чеченец Инаркиев, художники-самоучки Ерофей Ли и Аполлон Огай, молодой художник Иван Феров, Аюп Касымов и вернувшийся с фронта полный кавалер орденов Славы Алихан Сембинов и многие другие.

Тяга к знаниям у тебя была неодолимая. Работая, зарабатывая на жизнь художничеством, музыкой, ты никогда не упускал из виду свое предназначение, главную жизненную цель – получить хорошее образование. В 1950 году, преодолевая творческий спад, возвращаясь на учительскую стезю в СШ № 1, директором которой долгие годы был твой старший товарищ, замечательный человек и выдающаяся личность – Лю Николай Иванович. Ты как бы осознаешь, что учительская и преподавательская деятельность также является твоим призванием, частью твоего многогранного таланта. В 1953 году ты получаешь высшее педагогическое образование и начинаешь преподавать не только рисование и черчение, но и историю. Ученики школы № 1 того времени с благодарностью вспоминают тебя и твои уроки.

С тех времен я хорошо помню, а сейчас и глубоко понимаю твое огромное влияние на мое воспитание. Ты привил мне художественный вкус и восприятие изобразительного искусства, любовь к художественному творчеству. До сих пор я храню в своей памяти твои сказки, рассказы, афоризмы и мудрые мысли. В молодые годы ты был неплохим спортсменом, гимнастом, бильярдистом. Ты учил меня любить спорт и поощрял мои спортивные увлечения. Развивал во мне чувство юмора и философское отношение к разным сторонам бытия. Многие знания я вначале черпал из общения с тобой, а уже потом, позднее, они приходили и приходят ко мне из учебников, книг и жизненного опыта.

В 1957 году, в год запуска Первого искусственного спутника Земли, ты сделал мне незабываемый подарок. Из старого глобуса смастерил для меня карнавальный костюм первого советского спутника. Шар с прорезями для глаз и улыбки одевался мне на голову. Четыре антенны задорно торчали из затылка. Костюм дополняли пластилиновый нос и серебристый плащ из бумаги. В тот год все главные призы на новогодних



утренниках были мои. В 1958 году тебя перевели в городской комитет Компартии Казахстана в качестве лектора. В это время ты получаешь второе высшее образование в Казахском государственном университете имени С.М. Кирова. Твои яркие лекции о странах, о международном положении всегда воспринимались слушателями с восторгом и благодарностью. Надо отметить, что в ту пору в Акмолинске ты был одним из самых разносторонне образованных людей. Это факт. Твои ораторские способности, умение анализировать политические процессы в стране и в мире, сделали тебя в короткое время интересным и востребованным лектором. Тебя приглашают с лекциями на крупные предприятия, в организации, вузы, но твои творческие силы, как неиссякаемый родник ищут нового выхода. И вскоре тебя приглашают на работу в недавно образованный Акмолинский сельхозинститут, где в 42-летнем возрасте началась твоя научная карьера, которой ты посвятил всю оставшуюся жизнь.

О твоём весомом вкладе в становление, полувековое развитие агроуниверситета достаточно полно сказано в юбилейных публикациях. В стенах этого вуза ты создал научную школу, вел плодотворную педагогическую деятельность. Десятки научных работников, сотни аспирантов, тысячи студентов были зажжены твоим научно-педагогическим факелом. После твоего ухода из жизни, на протяжении пятнадцати лет я много раз встречался со знакомыми и малознакомыми мне людьми, которые говорили мне, твоему сыну, добрые слова памяти и благодарности профессору Ли Николаю Николаевичу. Да, мой отец, память о тебе живет в умах и сердцах очень многих людей. Ты никогда не отказывал людям, которые обращались к тебе с разными просьбами. Ты помог получить образование многим молодым корейцам.

В 1965 году итогом твоей научно-исследовательской работы стала диссертация, которая была успешно защищена в Уральском государственном университете. Тебе была присуждена ученая степень кандидата экономических наук, а через год присвоено ученое звание доцента. Забавно, что научный руководитель, профессор Готлобер после твоей успешной защиты сделал тебе дорогой подарок со словами: "Вы единственный из полсотни моих учеников, который совершенно самостоятельно сделал и защитил диссертацию. Даже во время вашей защиты я находился в больнице".

В этом же году решением бюро Целиноградского горкома Компартии Казахстана Н.Н. Ли переводят в недавно созданный Целиноградский педагогический институт на должность проректора по учебной и научной работе. Был дефицит профессионалов и для усиления потенциала вуза он и был направлен на работу в педагогический институт. За годы работы отец немало сделал для организации научной и учебно-методической работы в молодом высшем учебном заведении. Через три года, когда работа в пединституте вошла в свою колею, произошла, в общем-то, случайная встреча с ректором сельхозинститута, профессором Моисеем Ароновичем Гендельманом. Состоялся такой разговор: “Николай Николаевич, ты ведь специалист по экономике сельхозпроизводства. Пора тебе возвращаться в родной институт, готовить докторскую диссертацию. Это твое призвание”.

В 1970 году отец начинает работать над актуальными проблемами формирования агропромышленного комплекса страны. В 1978 году по результатам проведенных исследований он успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук. Это была первая в Союзе диссертация по агропромышленному комплексу страны. Защита проходила в Академгородке Новосибирска, в цитадели советской науки. Диссертационная работа вызвала огромный научный интерес среди экономистов-аграриев. Амбиции ученых из крупных научных центров СССР были немало уязвлены тем, что столь крупная работа была сделана, по их мнению, в научной глубинке. Из Целинограда на защиту выехала целая группа поддержки Целиноградского сельскохозяйственного института. По тем временам это было событие городского масштаба. Защита проходила в острой дискуссионной форме и длилась несколько часов. Моему отцу было задано более 50 вопросов. В результате ученый Совет проголосовал за присуждение степени доктора экономических наук единогласно. А уже через три месяца Н.Н. Ли было присвоено ученое звание профессора.

Ты автор более 100 научных публикаций, в том числе ряда фундаментальных работ по вопросам формирования и развития агропромышленного комплекса целинного региона Казахстана.

Свою научно-педагогическую деятельность отец успешно сочетает с общественной, являясь членом парткома института, членом ученого и специализированного Советов института. В течение ряда лет заведует кафедрой политической экономии вечернего университета марксизма-ленинизма, читает лекции и руководит методической комиссией на



курсах повышения квалификации советских и партийных работников при Целиноградском обкоме компартии Казахстана. Он активный пропагандист общественно-политических и экономических знаний. Избирался членом Целиноградского горкома Компартии Казахстана, являлся председателем городской организации общества "Знание". Всею свою жизнь он твердо придерживался активной гражданской позиции, был разносторонним человеком, его живо интересовало буквально все.

С середины 90-х годов прошлого столетия началась активизация национального самосознания. После нескольких десятилетий вынужденного молчания, советские корейцы, в первую очередь интеллигенция, стали поднимать вопросы своего национального возрождения, развития языка и культуры. Повсеместно в больших и малых городах стали создаваться общественные национальные организации. В октябре 1989 года состоялось собрание корейцев, проживающих в Целинограде. Ты, отец, был одним из главных вдохновителей этого движения. Собранные поддержали создание в нашем городе корейского национально-культурного центра. Председателем правления организации был избран Вонгай Александр Дмитриевич. В марте 1990 года состоялся учредительный съезд корейцев Казахстана, а в мае того же года в Москве была создана Всесоюзная Ассоциация советских корейцев, где ты, отец, был избран в состав руководства.

И вновь, после полусотни лет, ты организовал в нашем городе воскресную корейскую школу для всех желающих изучать родной язык. Ты с большой отдачей готовился к занятиям, с удовольствием проводил уроки для детей и взрослых, несмотря на свою занятость. В последние годы жизни ты принял участие в международных конференциях в Пекине, в Сеуле, посвященных корейской культуре, языку и диаспорам. Поездка в Республику Корея произвела на тебя огромное впечатление. Ты был счастлив прикоснуться к исторической Родине. Знание языка, культуры, традиций позволили тебе с большой глубиной и чувством познавать современную Корею. Богатыми впечатлениями от поездки ты щедро делился с друзьями, близкими, со всеми кто интересовался закрытой доселе страной.

*"Достоинны уважения те, кто зажгет свечу возрождения,
Кто оберегал огонек свечи от заблуждений и поветрий,
Кто зажгет свечой другие свечи,
Чтобы стало светлее в наших душах..."*



Эти мои слова, в первую очередь, относятся к тебе, мой дорогой отец.

Отец, ты горячо любил своих детей, но твоя любовь к внукам не знала границ. Они унаследовали от тебя, на генном уровне, много твоих замечательных качеств и способностей к учению, рисованию, языкам и музыке.

25 сентября 1990 года нашу семью постигло страшное горе, трагически погибли моя жена Людмила и семилетняя дочь Ирина. Огромная беда придавила всех членов семьи. Внешне ты стойко переносил удар, но твое сердце, мой дорогой отец, не выдержало...

Уже 16 лет тебя нет с нами, но твое незримое присутствие и участие в нашей жизни неизменно. У мамы не проходит и дня без воспоминаний о тебе. Думаю, отец, ты был бы доволен жизненной дорогой каждого из нас, кого оставил. У тебя появились правнук, правнучка и еще одна маленькая внучка.

Пишу эти строки в день твоего ухода... Спасибо тебе, что ты был и навечно остаешься моим мудрым ОТЦОМ.

ХВАН Унден (1899-1989)

Хван Унден – Личность! Историческая, легендарная. В августе 2005 года Президент Республики Корея Но Му Хен издал Указ о награждении гражданина Казахстана Хван Ундена орденом “За вклад в строительство государства” (посмертно).

Он родился в уезде Онсон провинции Северная Хамгенбукто в семье крестьянина-бедняка. Окончил четыре класса сельской школы. В 20 лет пересел в уезд Денсон, работал. Здесь народ также был охвачен Первомартовским восстанием. Молодой патриот вступает в подпольную группу, которая вскоре была раскрыта. Он совершает побег в Китай через реку Туманган, вступает в ряды Корейской революционной армии. Отряд был тесно связан с Приморской подпольной организацией русских большевиков. Хван Унден – командир взвода, ликвидирует крупную банду хунхузов





“Пусандей”. В 1921 г. была организована “Приморская корейская революционная молодежная организация”, он становится ее секретарем. В августе того же года Хван Унден был принят в ряды Всесоюзной Коммунистической партии большевиков (ВКПб).

В октябре 1922 г. в г. Верхнеудинске (Улан-Уде) Хван Унден был делегатом Объединительного съезда корейских коммунистов. В 1923 году после роспуска партизанских отрядов в местечке Удугоу молодой коммунист создает коммуну из 200 человек. В 1923 г. Хван Унден направляется в село Раздольное, где избирается первым председателем колхоза. Через два года он направляется на партучебу. В 1925 г. – делегат 1-го краевого съезда Советов в Хабаровске, встречался с Я.Б. Гамарником, П.Г. Смидовичем. В том же году направляется в совпартшколу во Владивостоке, которую окончил в 1928 году. В последующем учился в Хабаровском Комвузе, по окончании которого направлен в г. Биробиджан, инспектировал работу среди корейского населения. Всего в Еврейской автономной области было создано 10 начальных и 3 неполных средних школ на корейском языке. Был членом райкома и обкома партии. В 1933 году направляется директором школы в село Благословенное, откуда впоследствии вышло немало ярких, замечательных личностей.

Хван Унден оставил потомкам свои мемуары. В них он пишет: “Моя активная работа стояла поперек горла у врагов социалистического преобразования. Они стали готовить заговор против меня, который возглавил местный священник Цай Андрей... И они это сделали. Я был исключен из партии, осенью 1935 года меня арестовали как “врага народа”. Затем без суда осудили. Так я оказался в Карагандинском лагере (Карлаг)”.

Рассказывает дочь бывшего узника Раиса Унденовна Хван: “После освобождения мы воссоединились в городе Акмолинске. Папе с его ярлыком “политически неблагонадежного” очень трудно было устроиться на работу. Но встретились мудрые, благожелательные люди, тоже из ссыльных, помогли. И отец не гнушался никакой работы. Был киоскером на вокзале, работал на складе книжного магазина и т.д. Потом послали учиться в Омск на зоотехника. Вернувшись, работал в одном из подсобных хозяйств в пригороде. В 1953 году переехал в г. Алматы. Похоронен он в южной столице.

После смерти Сталина для Хван Ундена настали лучшие времена. Он был восстановлен в партии, стал пенсионером союзного значения,

несколько раз был на приеме у Д.А. Кунаева. В частности, ветеран партии, корейского движения инициировал организацию в республике корейского радиовещания, первая передача которого состоялась в 1984 году.

Мемуары Хван Ундена заканчиваются словами сожаления: “Во время моего ареста многие ценные личные документы были изъяты. Партийный билет за номером 0459767, партизанский билет, мандат делегата 1-го Владивостокского губернского съезда Советов, фотографии, многие другие документы. Они дороги для меня как память о моей деятельности и могли бы стать семейными реликвиями, но они пропали бесследно”.

Но осталась память о нем. У всех, кто знал этого замечательного, легендарного человека.

КИМ Василий Харитонович (1935-2004 гг.)

Василий Харитонович был светлым, добрым человеком, жизнелюбом, оптимистом. В некрологе газеты “Коре ильбо” написано: “Сегодня столичный филиал АКК ориентируется на бесценный опыт патриарха национального возрождения. В.Х. Ким был и останется в памяти людей чстью и совестью корейской нации”.

Он уроженец Приморского края. Депортация занесла его с родителями в Казахстан, город Уштобе. Биография, как и у многих сверстников. Школа, комсомол, служба в армии. Учеба в Казахском госуниверситете им. Кирова на механико-математическом факультете. Распределение в г. Целиноград, в строительный техникум. Блестящий математик, прирожденный педагог, мастер спорта СССР по тяжелой атлетике. Благожелательный, открытый, искренний, он был любимцем не одного поколения студенческой молодежи. Дальнейший профессиональный рост пришелся на пору работы в Целиноградском инженерно-строительном институте, которому отдано почти двадцать лет. Здесь он снискал неоспоримый авторитет как среди вузовских коллег, так и студентов. И те, и другие усваивали уроки Кима – науку гуманизма, человеколюбия, интернационализма.





В начале 90-х годов В.Х. Киму поручили, доверили возглавить городской корейский культурный центр. То было трудное постперестроечное время, когда стала рассеиваться эйфория возрождения первых лет, наступили нелегкие времена материальных проблем. Василий Харитонович сумел сохранить на плаву начатое дело, потому что рядом были единомышленники, ему верили. Его по-настоящему уважали творческие деятели города, ему всегда шли навстречу. Так была успешно воплощена идея создания творческих коллективов – танцевального ансамбля “Мисон”, хорового коллектива “Ченрю”. Развивалась воскресная школа по изучению корейского языка, в которой учились не только дети. Благодаря неустанной работе председателя, правления центра корейская диаспора Целинограда, Акмолинска стала уверенно заявлять о себе на областных, республиканских фестивалях, смотрах и конкурсах, занимать призовые места.

Не оставались без внимания ветераны труда, пенсионеры, трудармейцы. Василий Харитонович всегда находил для них время, использовал все возможности для предоставления им житейских радостей, каких бы трудов ему это ни стоило. Так в неустанном горении прошли пять его председательских лет. Большое поле его деятельности – работа с молодежью, верные ориентиры и приоритеты, которые вырабатывались под его руководством.

Неуемная, неравнодушная душа его не знала покоя и после выхода на пенсию. Он создает общество пожилых людей при филиале АКК, его называли “Ноин дан”. Василий Харитонович до последних дней жизни осуществлял добрые деяния, стремясь всячески скрашивать бытие своих подопечных. И люди видели, высоко ценили его гуманные человеческие устремления. Он заслуженно оценен и общественностью, руководителями столицы, имсет множество Почетных грамот и благодарностей. Последняя была от акима Астаны – за вклад в сохранение и упрочение межнационального согласия, в развитие диалога культур.



ЖИЗНЬ ОТЦА – МОЕ ПРЕКРАСНОЕ НАСЛЕДИЕ

В этом году исполняется 35 лет со дня кончины Алексея Андреевича Пака. Родился он в г. Зее Амурской области, похоронен на Кунецевском кладбище г. Москвы – таково было решение правительственной комиссии.



Он наш земляк. В 60-е годы прошлого века А.А. Пак жил в Целинограде, был в должности заместителя начальника Целинного краевого управления сельского хозяйства. Целиноград тогда был официальной столицей края. Времена были трудные, волюнтаристские решения в аграрной отрасли поставили ее на грань катастрофы: губительная ветровая эрозия грозила смести все достижения, обретенные тружениками села в годы освоения Целины. Алексей Андреевич внес свой посильный вклад в спасение ее, отдав этому благородному делу часть своей трудной, яркой жизни. Государство по достоинству оценило его, а в награду было очередное назначение с переводом в Москву. Но это не означало, что подобное повышение осчастливило человека. А.А. Паку поручили возглавить союзную отрасль по развитию птицеводства – самую скороспелую и малозатратную: на страну надвигался голод – мясные отделы гастрономов пустовали, изредка здесь появлялась дешевая морская рыба типа пристипомы.

Алексей Андреевич с честью выполнил труднейшую задачу, вывел огромную страну из продовольственного кризиса.

Каким был этот Человек, что было присуще ему, какими уникальными качествами обладал он? Своими воспоминаниями делится сын Михаил Алексеевич Пак, ветеран столичной Медицинской академии.

Трудовая биография Алексея Андреевича началась с подросткового возраста на дальневосточной земле, а затем, после 1937-го, продолжилась на земле Казахстана. Рядовой агроном, директор крупнейшего зерносовхоза, начальник Кустанайского облсельхозуправления, затем руководитель отрасли в Целинном крае. Последняя перед пенсией трудовая пятилетка – на посту начальника Главптицепрома СССР. Он умер в год своего юбилея, в 60 лет. Сердце не выдержало невероятных нагрузок, огромных усилий, которые были всецело положены на алтарь раз и навсегда избранного дела жизни.



Алексея Андреевича любил Никита Сергеевич Хрущев, но баловнем судьбы Пак не был. Он смело возражал главе государства, который, как известно, наломал немало дров в сельском хозяйстве. Руководитель Главптицепрома страны пользовался большим доверием Алексея Николаевича Косыгина, но никогда не злоупотреблял им. Огромным счастьем и почестью считал приглашения на охоту с Георгием Константиновичем Жуковым.

А.А. Пак – Личность! Яркая, талантливая, светлая. На свой жизненный Олимп он вознесся благодаря своим принципам, фанатичной трудоспособности. Алексей Андреевич одним из первых наших соотечественников в пору “хрущевской оттепели” был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Не стоит при этом забывать, что на высокий государственный пост он был назначен уже в другие, брежневские времена, когда в стране налицо были признаки продовольственного кризиса.

– Да, жизнь отца оборвалась в результате “взрыва” сердца и мозга. В начале 70-х годов в отечественной медицине подобное состояние юльного было малоисследованным явлением, и как врач я знаю, что произошло. Колоссальные нагрузки, моральное напряжение, высочайшая ответственность, которые он испытывал десятилетиями, враз “запалили” смертельный детонатор. Нас, детей, всегда поражала его несомненная работоспособность, поразительная целеустремленность. Наверняка, будь отец другим, прожил бы дольше. Характером был волевой, а по молодости слыл отчаянным человеком. Мать как-то рассказывала: когда в 1937-м нас везли через всю страну, на одной из станций уголовники, наши “дорогие” соседи, затеяли с пустым ведром игру в футбол. Один удар пришелся в голову матери, раздался лошадиный хохот “зеков”. Ярость отца была ужасной, за ним бросились в драку все корейцы и вмиг усмирили уголовную сволочь. До этого смертельно напуганные неожиданным переселением, в ту минуту наши земляки и не подумали о возможных последствиях. Ведь, как пишет А. Солженицын в “Архипелаге ГУЛАГ”, вся эта тюремная мразь ценилась властями выше, чем разные там “политические” и “неблагонадежные”. К последним как раз и относились несчастные корейцы.

Но вообще в нашей семье не принято было говорить о тяжелых событиях 1937 года. Конечно, родители понимали, что свершилась страшная несправедливость. Каким же мудрым было старшее поколение и мой

отец, которые видели свое спасение в труде, до разрыва сердца... Кстати, в энциклопедическом справочнике “Советские корейцы Казахстана”, где дважды значится имя отца, допущена ошибка, хотя и не очень досадная. В нем указан год рождения Алексея Андреевича – 1911-й, на самом же деле – 1913-й. Это понадобилось для того, чтобы устроиться железнодорожным рабочим. Нужно было помогать родителям, ведь корейские семьи, как правило, были многодетными.

В справочник вкралась еще одна ошибка, на этот раз – принципиальная. С 1938 по 1941 год отец работал агрономом совхоза имени Молотова Федоровского района (он окончил Владивостокский сельхозинститут), затем до 1947 года в совхозе “Кенаральский” в Кустанайской области. А потом в течение 12 лет возглавлял один из крупнейших в стране зерносовхозов – “Кустанайский”. Вот здесь отец развернулся! Хотя, как помню, он порой в минуты отчаяния негодуяюще восклицал: “Масштабы есть, свободы – нет...” До войны это сельхозпредприятие отгрохали как образцовое: трехэтажные дома и другие атрибуты города. Ставилась пресловутая цель “смычки города и деревни”, затем, как водится, идек похоронили, село обветшало, народ стал разбегаться. Кому-то “наверху” пришла мысль: дело может спасти Алексей Пак, хваткий и энергичный мужик. “Верхи” не ошиблись, дело было выиграно, и честь спасена. Именно в те 50-е годы, когда совхоз встал на ноги, превратился в одно из передовых хозяйств страны, сюда по рекомендации Н.С. Хрущева зачастили всевозможные делегации. Было чему поучиться, на что посмотреть, что перенять.

А с чего начинал новый директор? С жилья, кадров и бани. Люди жили в землянках, бараках, трехэтажки попросту развалились. То было тяжелое, послевоенное время, народ еще не успел насытиться хлебом, а чудак-директор рисовал им в перспективе новые добротные дома, электрификацию, прочие блага, причем в ближайшее время, чуть ли не завтра. Неверующих было немало. Что предпринял молодой руководитель? Договорился с уральскими леспромхозами, а совхозным шоферам сказал: “Пятьдесят ходок – на общее дело, пятьдесят первая машина с лесом – ваша. И стройся на здоровье”. Шоферы перестали “болеть”, наладилась трудовая дисциплина, а леспромхозы благодарили директора – выбились в передовики. Лес заготовили. Вскоре его стали менять на кирпич. Бартер! Этого слова тогда не знали. Люди входили в азарт,

кирпича не хватало. Тогда отец вместе с геологами нашел поблизости месторождение красной глины, и в селе появился свой кирпичный завод.

Невероятно по тем временам и другое дело. Он сумел (!) приобрести списанные моторы с подводных лодок, которые были приспособлены для выработки электроэнергии. И все восемь отделений совхоза, восемь деревень были электрифицированы. И в каждой в обещанный срок стали куриться бани. В совхоз потянулись люди, специалисты, с которыми отец работал в других хозяйствах. Совхоз креп год от года.

Потом грянула целинная эпопея. Кустанайская нива поначалу щедро одаривала целинников, хлебным потоком захлебывались. Но порой зерно ггло – не успевали перерабатывать. Директор со специалистами не мог с этим смириться. В темпе стали сооружать механизированные тока с системами веялок, сушилок, опрокидывателей и т.д. Это было совершенно новое дело, подобная механизация, технология сохранности зерна осуществлялась в СССР впервые. Вот где экономилась государственная денежка, вот где бился родничок материального благосостояния людей.

Полновесный совхозный колос уже приносил совхозу славу. В песнях и стихах прославлялись стопудовые урожан, а в “Кустанайском” они превышали сто одиннадцать пудов. И это на 42 тысячах гектарах пашни!

В те годы от сельчан требовали одно – хлеб, больше хлеба. Отец был другого мнения: живёшь, работаешь на земле – значит, твори, пробуй, экспериментируй. Настоящее сельхозпредприятие должно быть многоотраслевым. Вот почему в совхозе были и крупный рогатый скот, и свинополовье. Затем, поначалу в диковинку, появились птицесфермы, причем птицеводство развивалось на основе промышленной технологии. Потом у Пака в прудах завелась карпы, была внедрена система кормовых угодий, применялись гербициды. Но, главное, сельчане стали зажиточными, хорошо жилось и местной интеллигенции. К примеру, учителя, врачи были прикреплены к совхозным ларькам и складам, практически не имели житейских проблем.

Удивлялись люди, начальство, гости. Сколько энергии, инициативы, оригинальных и полезных дел и идей! Совхозный люд крепко держался за своего директора, гости учились уму-разуму, а вот из начальства кое-кто недолго любил настырного, удачливого Пака. В разгар сельхозкампаний к нему чаще, чем к другим, слали “уполномоченных по зяби” (пом-



ните, из кинофильма про милиционера Аниськина?) – выискивали компромат. А отец на сей счет был хитрющий человек. Многих проверяющих он знал, нутром чуял, кто чего стоит. Скажем, по весне идет трезвон по всей области: сеять сразу же после Первомайских праздников, “сей в грязь, будешь князь”. Отец дает специалистам, механизаторам указание: “находиться на полевых станах, создавать видимость незавершенного ремонта техники, ждать только моей команды”. А назойливого уполномоченного в это время соблазнял то рыбалкой, то охотой, то просто природой. Скажу, аскетом он не был, любил и застолья, но отличался умеренностью, пьяниц же ненавидел и презирал. Был великолепным рассказчиком – собеседники заслушивались. Он много читал, ездил, был делегатом партсъездов и всегда одаривал земляков новостями, идеями. Так и недоброжелатели становились друзьями, вчерашний предубежденный уполномоченный менял свое мнение о строптивом Паке. Он все время стремился к новому, к прогрессу, но зачастую завистники и тугодумы старались вставить палки в колеса. Тогда-то и прорывалось: “Масштабы есть, свободы – ек”. Помню, бывал удручен, но мы, дети, не знали истинной причины. Позже узнавали о выговорах по всяким линиям, по надуманным поводам. Бывало, и шпыняли подленько, дескать, куда прешь, не забывай, что ты из “неблагонадежных”. Отец тяжело переживал обиды, но на людях этого не показывал.

Думаю, что самые трудные для него годы были военные и первые послевоенные, ведь от тыла требовалось максимальное напряжение сил.

Мать рассказывала, да и я, сегодня уже пенсионер, помню то время – мы редко видели отца. Работа от зари до зари. Наградами его обходили, на старшем поколении лежала зловещая тень 37-го. Признание и слава пришли к отцу уже в 1957 году, тогда он был награжден золотой звездой Героя Труда. Была еще одна награда – материальная, автомобиль “Победа” – лучшей машины в стране тогда не было. Но ни отец, ни мы так и не покатались на ней. Он продал ее, по своей цене. Причина была очень прозаическая: мы уже учились в институтах, а у отца никогда не водились “лишние” деньги. В нашей семье был культ знания, и отец с матерью положили немало сил, чтобы мы стали хорошими специалистами. Впрочем, пожалуй, это вообще характерно для корейцев – дать детям образование.

Отец шагал по жизни широко, размашисто, так, по крайней мере, видится мне его путь. Был щедр во всем, ничто не делал напоказ. Любил



одаренных, перспективных людей. Решительно выдвигал молодых специалистов, иногда в ущерб себе. За двенадцать лет работы в совхозе “Кустанайский” его школу хозяйствования прошли десятки людей, впоследствии выросшие в руководителей разного ранга. Помнится, в 1954 году, с началом освоения целины, у него оголили бригадирский корпус, но он смог подготовить, и очень быстро, смену. Растил Хлеб и Человека! Иногда думаю: дед был золотоискателем, но драгоценную жилу он так и не нашел. Богатство же деда заключалось в его детях, примером тому мой отец. А его старший брат, Андрей Андреевич, до массовых репрессий был ведущим специалистом и одним из руководителей в оборонной отрасли страны. Здесь есть повод для раздумий... Кореец, “неблагонадежный”, на таких должностях, да в такой отрасли... Славное старшее поколение, трагическое... Дурное, смутное время, большой вождь... Сколько же надо было силы и воли, чтобы выстоять в то лихолетье, утвердить себя полноценной личностью, занять достойное место в недостойном обществе. Помню, отец отрывал от нас, от себя последнюю копейку для своего московского брата, когда тому приходилось очень тяжело, ведь Андрей Андреевич также был честнейшим человеком.

Родители мои – умные, благородные люди, в этом наше счастье, ибо они и сегодня для меня и моих детей – пример для подражания.

Несколько слов о матери, самом дорогом человеке. Родом она из дальневосточного села Благословенное, удивительного селения на окраине России. Удивительного хотя бы потому, что оттуда вышло немало талантливых, ярких людей. Взять материнский род. Дядя ее был священнослужителем в православной церкви, дед выучился в кадетском корпусе, был полковником русской армии, репрессирован в г. Харбине. К сожалению, не сохранились даже его фотографии, все было изъято и уничтожено. Зинаида Николаевна, моя незабвенная мама, свято оберегала наш семейный очаг, во всем была опорой беспокойного непоседливого мужа. Единственно, в чем она принципиально перечила родителю, – не хотела, чтобы дети повторили его трудовой путь. Ведь она видела, как он сжигает себя в работе, как многого требует от человека труд на земле. Мать настояла на своем: ни один из нас не стал аграрием. И здесь должно и нужно понять женскую логику, выстраданную вечную тревогу и боль за отца, всего себя отдавшего государственному

делу. Кем мы стали, что обрели благодаря своим родителям? Моя старшая сестра Алла Алексеевна живет в г. Ессентуки, врач, заведует отделением в горбольнице. Младший брат Геннадий работает в Московском институте авиационной промышленности, двоюродная сестра Татьяна Андреевна – тоже в российской столице, доцент кафедры педиатрии института усовершенствования врачей.

Помнится, отцу частенько говорили: “Алексей, ты родился не в свое время, куда ты рвешься?” А он просто опережал время, эпоху, в которой жил. Когда он возглавил Птицепром, в стране уже “гулял” продовольственный кризис, мясные отделы гастрономов были пусты. Положение могло спасти птицеводство, самая скороспелая отрасль. Алексей Андреевич Пак выполнил правительственное задание! В одном только Казахстане белое мясо стали поставлять более 60 птицефабрик. Главное было то, что фабрики дистической продукции работали по промышленной технологии. Но руководителю отрасли этого было мало, в то нелегкое время он выдвигал другие проекты. Так, он предлагал развивать в птицеводстве консервную промышленность, производство копченостей, колбас, сосисок. От этих идей отмахивались, в высоких кабинетах бывали крутые “воспитательные” разговоры, дескать, пока не до жиру... А ведь сегодня все это есть. Взять птицефабрику под Астаной, которую долгие годы возглавляет Ибрагим Жангуразов. В северной столице ее фирменный магазин выставляет всю ту разнообразную продукцию, о которой мечтал в свое время отец. Я дружен с И. Жангуразовым, мне приятно знать, что он благодарен отцу за свое становление. Такие же чувства сохранил в душе и другой директор – Акмолинской птицефабрики – Иван Иванович Шарф, тоже Герой Труда.

Алексей Андреевич Пак был истинным интернационалистом. Он оценивал человека исключительно по его деловым и моральным качествам. Национальное самосознание, между тем, в нем тоже было высоко. Его оскорбляли различные ограничения, в которые были закованы депортированные дальневосточники, но все эти чувства он носил в себе. По-детски восторгался, когда узнавал о прорывах той или иной корейской личности – в искусстве, народном хозяйстве, спорте. Помню, как после смерти Сталина корейских парней стали призывать в армию, один ушел из нашего кустанайского села. Отец написал ему письмо, всячески подбадривал.



Печально сознавать, что отец прожил в общем-то недолгую жизнь. Повидал он, конечно, немало, изъездил разные страны и континенты. Знал многое из жизни кремлевских интриганов. Это в немалой мере угнетало его, в последние годы он очень разочаровался в линии ЦК, правительства. Тяжело переживал хрущевскую кукурузную кампанию, падение целины после ее взлета, неперспективные идеи в земельной политике на освоенных казахстанских землях, обнищание села. Все это, между прочим, повторилось сегодня...

Конечно, рассказал я об отце далеко не все. Мои воспоминания могли бы дополнить брат и сестры, друзья, его ученики. Жизнь и дела его были яркими, удивительными. Я свято чтю память о моем замечательном отце, который оставил для нас прекрасное наследие – свои уроки жизни.

ПАДАЛ СНЕГ В ТОТ МАЙСКИЙ ДЕНЬ

КУГАЙ Борис Иванович

(1922-1998 гг.)

Фотоснимку более четверти века. Счастливое, безмятежное время, момент семейного счастья. Глава семьи Борис Иванович Кугай, слева супруга Тамара Анатольевна, сноха Ирина, сын (единственный) Игорь. Десять лет назад семья навечно простилась с дедом, случилось это после дня Победы. Глубоко опечаленный внук Женя уже на второй день кончины написал стих, посвятив его “Прекраснейшему из людей”:



*Сегодня выпал майский снег,
И день проснулся тихо-тихо.
Как был недолог этот век,
Он пролетел, он мчался лихо.*

Стихотворение “Майский снег” внук, известный в столице бард, положил на музыку романса и в первую годовщину памяти исполнил для своих, ветеранов войны, сослуживцев Бориса Ивановича. Все были потрясены, а у автора на последнем аккорде хлынули слезы. Благодарная память...

За двадцать с лишним лет работы в газете мною сделано несколько материалов о нашем фронтовике, хотя и по логике, и по идее можно было, скажем, опубликовать один большой очерк. Но в том-то и заковыка, что “выжать” из бравого солдата все, что тебе хотелось, всегда было нелегко. Известный журналист из “Комсомольской правды” Василий Песков в книге “Война и люди” очень правильно подметил: почему-то истинные фронтовики, что были в самом смертельном пекле, не очень словоохотливы, этим больше “страдают” штабисты, люди из второго эшелона, интенданты и пр. Точное замечание. Так было и с Борисом Ивановичем.

Мое очередное появление в апреле Тамара Анатольевна комментировала для себя совершенно понятно: “А-а, ленинкичист появился. Правильно, значит, скоро День Победы”. Ленинкичист от газеты “Ленин кичи”. Так и появлялись зарисовки, воспоминания, по которым прослеживался фронтовой путь десантника, пехотинца, связиста Бориса Кугая, прошагавшего дорогами Европы: Молдавия, Венгрия, Австрия, Чехословакия. Перед самой войной он учился в Пермском училище связи и по какой-то случайности попал в действующую армию, ведь корейцев на фронт не брали. И по счастливой – тоже – случайности остался жив, ведь воевал гвардии рядовой Кугай отчаянно, “до последнего патрона”. Венцом его ратного труда стал орден Красной Звезды, которым награжден в самом конце войны. Вкратце напомню тот реальный и смертельный сюжет.

Апрель 1945-го, Австрия, берег Дуная, на другом – столица Вена, трехсотметровый полуразрушенный мост. На ту сторону надо было доставить рацию, чтобы корректировать оттуда огонь артиллерии. Задача практически невыполнимая, агонизирующий враг поливал свинцом все и вся. Но рация должна быть там – кровь из носу. Героизм, подвиг – это все понятно, но был и смертельный риск, смертней не бывает. Добровольцев в этот раз почему-то не находилось. И тогда командир подразделения впрямь указательный палец в него... Борис Иванович, спустя десятилетия, как бы шутя недоумевал: почему именно я, единственный нерусский? Тяжкая, однако, шутка... Приказ командира тогда был выполнен ценой невероятного риска.

– Вот потому отец и не любил вспоминать войну: ведь выжить – один шанс из миллиона, – с грустью говорит сын Игорь Борисович. – Я хирург,



все боли и кровь осязаю на операционном столе, а они, фронтовики, знают войну и во всяких других проявлениях. Папа мой, познав там то, что обычно не описывается во фронтовых романах, всю жизнь, между тем, оставался чистым, светлым душой человеком.

Всю последующую жизнь Борис Иванович посвятил развитию физкультурного, спортивного движения в целинном Приишимье. От рождения наделенный прекрасными физическими данными, он был завидным легкоатлетом, его любимый вид спорта – конькобежный. Заочно получив высшее образование в инфизкульте, Борис Кугай стал отличным организатором спортивно-массовой работы в Акмолинске, Целинограде (ныне Астана), заведовал кафедрой медицинского института, но окончательно и на долгие годы бессменно судьба определила его в областное добровольное спортивное общество “Кайрат”. Работы в те годы было, что называется, неспечатый край. На бескрайней целинной стороне выросли сотни совхозов, хлебной житнице страны требовались не просто хлеборобы, но и здоровая, спортивная молодежь. Много вложено усилий, реализованы замечательные планы. Пенсионер Владимир Петрович Марьин, возглавлявший в те годы районный комитет по физкультуре в пригороде областного центра, вспоминает, что Борис Иванович был в абсолютном авторитете среди разных кругов общественности, “золотой был человек”. Он умел увидеть талант, развить, поддержать его. Именно из “Кайрата” вышел Анатолий Храпатый, неоднократный призер мировых первенств по тяжелой атлетике, чемпион Сеульской Олимпиады. А в то время было нелегко пестовать это юное дарование, ведь одна, скажем, проблема черной икры чего стоила, вспоминает Игорь Борисович.

Дело-то в том, что в условиях партийной номенклатуры данный продукт был недосыгаем для народа, а в рационе будущего чемпиона икра должна была непременно присутствовать. Авторитет руководителя “Кайрата” и в этой ситуации решал означенную проблему. Но это так, к слову.

Жизнь человека имеет физический предел. Но его имя, честь переходят из поколения в поколение. Сказано не мной – мудрецом, просто и ясно. Важно другое – как сохранить, приумножить честное имя. Продолжатели рода, носители этой фамилии достойно несут доброе имя отца, деда, свято чтут память дорогого человека. Иначе и быть не может. Женя Кугай с первой годовщины больше не исполнял тот романс “Сегодня

выпал майский снег” – слишком больно, глубока печаль. В тот день шел обильный снег.

Что-то знакомое, минорное.. А-а, вот оно, таривердиевское, из “Семнадцати мгновений весны” – “А память..., такими большими, большими снегами...”

“КИ”.

ЖИВИ И ПОМНИ

(1917-1997)

В нынешнем году Евгении Петровне Цой исполнилось бы 90 лет. Она ушла из жизни на стыке тысячелетий, словно закрыв собой страшную страницу XX века, зловещее имя которой – сталинщина. А это миллионы невинно истребленных советских людей, гиблые лагеря во всей огромной стране, это трагедия народа, связывавшего свои мечты и чаяния с тираном в человеческом обличье.



Ее молодость прошла в Карлаге. В Акмолинске-Целинограде о ее прошлом знали немногие, а многие и не ведали, сколько перенесла в молодости эта жизнерадостная, душевная в общении женщина. Но вот в начале 90-х годов в газете “Ленин кичи” был опубликован документальный очерк “Живи и помни”, полный трагедиями, фарсами, жестокостями той лагерной жизни, о которой поведала Евгения Петровна. Далее материал был переведен на русский язык, стал достоянием массовой читательской аудитории. Он привлек внимание “Казахтелефильма”, итогом которого стала кинолента “Доля-долинка”. Этот фильм увидела вся советская страна, он транслировался по Центральному телевидению СССР, а в 1997 году был показан накануне очередной сессии Ассамблеи народов Казахстана.

Почему так названа эта работа телевизионщиков? В годы заточения Евгения Петровна находилась в Долинском лагере близ Караганды. Старожилы села Долинка до сих пор помнят то время, те обнесенные колючей проволокой сталинские бараки. Ну, а слово “доля”, женская доля в том страшном режиме говорит сама за себя. Ее жизнь – пример великого мужества женской души, нравственной стойкости, верности своим жизненным принципам. Рядом с ней восстает образ ее Матери, вели-



комученицы, положившей на алтарь судьбы свою жизнь – во имя жизни дочери. Эти примеры как призывные ориентиры, указывающие, направляющие нас: “Живи и помни”.

АЛЖИР

“Я могла тысячу раз погибнуть, но судьбе было угодно даровать мне жизнь, – рассказывала бывшая узница сталинских казематов. – Благодарна ей и за то, что свела она меня с прекрасными, поистине благородными людьми...”

...Мы были с ней в этой бывшей страшной стране “АЛЖИР” – Акмолинском лагере жен изменников Родины. Тогда, 19 октября 1989 года, на месте бывшей точки № 26, а ныне села Малиновка, произошло событие, взволновавшее всех, кто был его свидетелем. Впервые в республике состоялась встреча тех, кто в те далекие годы волей и изуверской задумкой усатого вождя оказался в бараках 26-й точки – в системе Карлага, Карагандинских лагерях. Здесь теперь висит памятный знак в честь погибших, посажена аллея Памяти. Но не забудем: еще и вчера беспмятство было не единичным. “АЛЖИР” нужен не столько бывшим его узникам – он в них на всю оставшуюся жизнь – сколько тем, кто впервые узнал о нем, а с ним – и о той кровавой эпохе.

– Да, я сильно пробудилась после “АЛЖИРа”, – повторила Евгения Петровна.

– Хотя пробыла в нем не больше года и не с самого начала. В одну из военных зим здесь, видимо, не хватало рабочей силы, и нас, большую группу заключенных, перебросили из Долинского лагеря Карагандинской области. Но, понимаете, какое дело: я счастлива, что так сложилась тогда моя лагерная судьба. Здесь, как и повсюду, я вновь и вновь убеждалась, что настоящие люди остаются людьми до конца. Я была в окружении таких людей, стойкость которых придавала сил и мужества. Разве забуду Любовь Васильевну, жену Валерия Ивановича Межлаука? Женщина обаятельная, глубоко интеллигентная, образованнейшая, знавшая несколько европейских языков. И она в среде диких сумасбродов, отпетых уголовников, разной сволочи, как среди обитателей барачных, так и конвоя. В ней было столько внутренней силы, самообладания, выдержки (но не покорности), что отношение к этой “политической” было у подавляющего большинства учтывым...

Я, мама и брат – враги народа

До 1934 года мы с мамой и старшим братом Брониславом жили в Томске. Жизнь в те годы у многих была тяжелой в материальном отношении, и у нас тоже, но это ее не омрачало. Потому что жили надеждами на лучшее будущее. Брат хотел стать инженером, у меня мечты были самые разные и радужные. Почему-то хотелось жить и учиться в Москве. И надо же было тому случиться, что я, как активистка пионерского и комсомольского движения, неожиданно получила возможность по путевке ЦК ВЛКСМ устроиться именно в столице, поступить на вечернее отделение педагогического института имени В.И. Ленина и пионервожатой в одну из школ Кунцевского района Москвы (можете представить мои чувства, когда спустя много лет я вновь посетила школу – словно заново входила в ту безоблачную, такую прекрасную жизнь).

Бронислав тоже был счастлив, он был студентом автодорожного института. Нам с мамой дали комнату в общежитии, 16 квадратных метров, вполне хватало. Рядом был кирпичный завод, и в нагрузку мне поручили вести там кружок по ликвидации безграмотности – ликбез.

Потом, помню, были первые выборы в Верховный Совет СССР, в подготовке к которым я принимала самое горячее участие. После выборов нам с мамой вообще повезло – дали в том же институтском общежитии уже 28 квадратов. Сбывались радужные мечты. Маму я видела только к ночи, так как весь день выполняла различные поручения. Жизнь в столице кипела, строился социализм, о котором гремели радио и газеты, мы восхищались героическими перелетами советских летчиков через Северный полюс и строительством метрополитена, который поначалу будет носить имя его ведущего партийного “прораба” Л. Кагановича. С возмущением советские люди воспринимали правительственные сообщения о том, что строительству социализма пытаются нанести удар классовые враги, шпионы и диверсанты, вредители всех мастей, которых разоблачали повсюду. На дворе стоял 1937-й...

А в начале 1938-го неожиданно арестовали Бронислава. Что он совершил, за что его взяли, где он находится? Тревоги и отчаяние разом обрушились на нас. Я искала его повсюду – в Бутырьках, на Таганке. Тщетно. Разумеется, ничего мне не объяснили и в институте, где он учился. Тогда-то я по-другому увидела людей, хмурых – ушедших в себя. На лицах некоторых было недоумение, на других – что, дескать, ты не



понимаешь?, на третьих – неприкрытое злорадство. Нет, я еще не понимала, хотя была глубоко убеждена, зная своего брата, что он не мог сделать чего-либо противозаконного, а тем более того, в чем его обвиняли (как вскоре это выяснилось).

Есть поговорка: “Пришла беда – отворяй ворота”. Так и с нами. В марте 1938-го, в полночь явились и к нам. И вот я в Кунцевской районной тюрьме. Здесь я случайно увидела лоскут полотенца, на котором было вышито “Цой”. Да это же мама вышивала, значит, брат тоже здесь, а я-то искала его там, где многие надеялись хоть что-то узнать о своих близких – в Бутырках, на Таганке. Значит, его путь на свою Голгофу начинался здесь...

Не забыть всех ужасов тех первых страшных часов и суток. Растерянную маму, когда забирали меня: “Дети, что же вы натворили против государства?” Беспардонность людей в штатском, они персвернули всю квартиру, с особым смыслом спросили: зачем собирали портреты членов правительства? Действительно, в комнате было несколько портретов, среди них, конечно, Сталин. Не идиотский ли вопрос! Но, как станет ясно дальше, не случайный.

И тут мама, моя дорогая бесстрашная мама, принимает отчаянное решение: “С дочерью заберите и меня...” И столько решимости и непреклонности было в ее требовании, что, короче, нас швырнули обеих в “воронки”. Трое суток нас не “беспокоили”. Мама все твердила: “Вспомни, Женя, где ты допустила оплошность, где и что ты могла сказать вредное против правительства?” Но за эти три дня мы смогли убедиться, что людей хватали по ночам безо всяких причин, многие поначалу страшно возмущались, негодовали. Но многие просто молчали – пелена страха накрывала всех медленно и неотвратно.

И вот мой первый допрос. Вежливое обхождение, предложили даже чаю. Дескать, если ты истинная комсомолка (а мы о тебе знаем все), стало быть, твой патриотический долг – помочь стране в разоблачении шпионов. Вот и твой брат, как это ни прискорбно, встал на путь государственного преступника. С ума можно было сойти от такого чудовищного обвинения. А следовательно, вежливый такой, подлец, ничтоже сумнящся, выкладывал “добытые” сведения: ваш родственник раскололся быстро, а как же иначе, если улики неопровержимы. Он, стало быть, вел контрреволюционную деятельность против Советской власти, кстати, и ты, Женя Цой тоже, брат на тебя показал, есть его письменные показа-

ния. Естественно, мне их не дали и никогда бы не дали, ибо в природе такого быть не могло. Первый допрос был выдержан, я бы сказала, в дипломатических рамках. Но дальше был сплошной кошмар. Вся работа с такой “контрой”, как я, начиналась ночью. Для них – работа, для нас – страдания, истязания, пытки. Каково же было моей маме, которая зачастую при допросах находилась в той же следственной комнате. От меня требовали, чтобы теперь, в свою очередь, я написала на брата о его шпионской, террористической и еще черт знает какой деятельности. Я негодовала, отвергала, кричала: “Нет, нет и еще сто, тысячу раз – нет!”

Не помню, что случилось дальше – только вспышка в глазах, какая-то тупая, без боли. Мама говорила, что это следователь влепил между глаз пресс-папье. Пресс-папье – это такое тяжелое бюрократическое изобретение для промокания чернил, неперенный атрибут канцелярии, в то время незаменимый инструмент чиновника.

На следующем допросе следователь уже не был дипломатом. Кричал: “Видишь электрический стул? Сдохнешь через 2 минуты. Подпишешь?” Как ему хотелось заполучить мой автограф!!!

А сердце радовалось: значит, Бронислав жив! Только где он? Нет ни на секунду не возникала шальная мысль поддаться ситуации. Мы ни в чем, ни в чем не виноваты, какая антисоветская деятельность, ведь мы так любим Родину, Москву, дорогого вождя!

Методы следствия были разные. Не забуду такой смены тактики допроса. Заходит женщина в черном. В руках у нее кнут. В тюрьме уже знают о черной женщине со страшным бичом. Не говоря ни слова, приступает к своей работе. Потом входит в дикий раж, из озверевшей пасти вырываются, нет, изрыгаются словесные ошметки из мага в сочетании со “сволочь”, “шпионка”, “враги народа”, “убивать”, “уничтожать”... Бьет уже чем попало, жертва корчится на полу. “Ну, довольно, довольно-то, убьешь человека, – останавливает следователь, – смотри, что наделала. Подпишешь?” – “Сказала – нет”. – “Ладно, голуба. Вызовем Васильева. Он работает иначе”.

Васильев был страшной фигурой, им пугали.

Не знаю, сколько бы еще продолжали выбивать из меня признания в виновности брата и мамы. Да, и ей потом досталось. Но это было потом. Как-то в узком тюремном проходе столкнулась с секретарем Кунцевского райкома партии, мы знали друг друга по многим общественно-



политическим мероприятиям. Он быстро спросил: “Женя, ты подписала?” И даже не дав мне сообразить, горячо, убежденно зашептал: “Подпиши, Женя, дуреха, милая, подпиши. Спасешь себя, но 10 лет тебе обещено, конечно, ни за что. Я-то тебя знаю. Женя, не раздумывай. Так хоть в лагерь уйдешь здоровой, а здесь, если не подпишешь, тебя сначала изломают, а потом все равно или расстрел, или вечная ссылка. Послушайся меня, дочка...”

Здравствуй, 58-я

До сих пор я благодарна этому человеку. А мама моя, когда я рассказала ей о секретаре райкома, видимо, сразу уловила глубокий смысл его совета. Удивительно, что в такой драматической обстановке мама не теряла чувства юмора. Она сказала: “Ты же всегда была идейной. Вот и выполняй указание секретаря райкома”. А ведь он даже не знал, что вменяли мне в вину. Этот прекрасный человек знал другое – идут массовые, нелепые репрессии, людей молотит чудовищная мясорубка, какой еще свет не видывал. Ведь с первых дней в тюрьме я сама начала трезветь, таяли миражи о светлом социализме. Первый крупный урок политического жизневедения преподнес мне тогда партийный секретарь. От меня тоже требовали признания: где сведения, которые собирались для зарубежной разведки, для кого готовились портреты членов правительства? Для кого, кому, когда?.. И вот я – осознавшая, послушная, высокоидейная – подписываюсь. Здравствуй, 58-я статья, так ты плакала по моей душе, бери меня под свое черное, могучее крыло. Но бери меня не одну, а так, как решила мама. Она же сказала – только с тобой. И я поставила условие: подпишу все, если возьмете и Цой Марию Александровну, мою мужественную маму.

– Молодец, Цой. Чаю хочешь? С бутербродом!

Но теперь же надо было “сшить” добротное дело и на Марию Александровну. Портные, однако, были неважные. Ну, да ладно. Во-первых, оформили ордер на арест. Форму-то надо было соблюсти. Второе: пункты обвинения. Глядя в потолок, следовательно записывал, что Мария Александровна вела-де вредную агитацию. Я даже приснула попервой, ведь мама совсем не знала русского языка. Ничего, сдерживая себя, хмурился опер: ведь добровольно сдалась. Далее: часами простаивая у подъезда общежития, фиксировала автомобили, данные передавала в японское посольство. Так, что же еще?

– Черт знает, что еще написать, – ворчал Саша, так обращалась к нему “та” женщина. – В общем, идите, еще подумайте.

Получалось в общем-то смехотворно, так как на допросах я была переводчицей, посредником между ним и мамой. Короче, “обласкали” 58-й и Марию Александровну, и стали мы с ней “политические”: 9 месяцев в общей сложности мы были уже в неволе. Сначала в районной тюрьме в Кунцево, потом перевели на Таганку, а впоследствии оказались на Лубянке. Страшнее места не было. Был такой черный юмор: Госстрой вы знаете, Госстрах тоже, а вот Гос– ужас – это здесь, на Лубянке. И печально известная аббревиатура раскрывалась по-другому: Ой, Господи, Помогите Умереть – это ОГПУ. Привозили новые партии арестованных по ночам. В камерах страшная теснота, жарница и зловоние, набивали под самую завязку, на всех одна параша. Бедные женщины, сколько же вы выстрадали, какую бездну позора, унижений, оскорблений опрокинули на вас, какие невысказанные глумления выпали на вашу судьбу. И у всех один вопрос: “За что, за какие тяжкие грехи?” Помню, одна молодая женщина трое суток простояла в невменяемом состоянии, из груди у нее сочилось молоко, недавно она стала матерью, а младенца у нее отобрали. Она сошла с ума...

Когда на Лубянке у нас выбили показания в причастности к шпионской деятельности, мы с мамой были переведены опять в Таганскую тюрьму. Ждали этапирования. Маму вызвали первой. И в камеру она не вернулась. Можете представить, что творилось со мной. А что происходило с ней, разлученной с дочерью, потерявшей в безвестности сына?

Сколько слез, отчаяния и проклятий слышали стены тюрем и лагерей... А ведь я поверила тогда следователю, что нас не разлучат, и что бы ни случилось, будем вместе. Будь ты проклят, молодой следователь, чтобы ты попала в ад, черная женщина...

А камеры наполнялись по ночам все новыми и новыми жертвами. Девушка вечером шла из кинотеатра со студентом-иностранцем – шпионка; у одной женщины изъяли облигации, муж прилично зарабатывал – несоветская мораль; третья сказала как-то, что агитация при социализме дело очень важное – агитация против социализма...

В гнезде осьминожем

Сегодня из Москвы красавец – лайнер доставит вас до Караганды за три часа, фирменный поезд – за двое суток с небольшим. А тогда, в декабре 1938 года, меня посадили (в прямом и в переносном смысле)



(и не только меня, нас было очень много) в знаменитые телячьи вагоны. Ехали долго, страдали от холода, от вечного голода, но страшней всего были издевательства со стороны конвоирующих и еще хуже – уголовников. Злой демон это замечательно придумал: разжигать жестокую, нечеловеческую ненависть уголовного мира к “политическим, врагам народа, шпионам и их пособникам”. В Казахстан состав тащился больше месяца. Лязгнули тормоза, товарняк словно споткнулся, остановка. “Цой, выходи!” – крик из тамбура. На улице сильная пурга, меня ведут четыре конвоира с собаками, ведут одну. Жутко, страшно: расстрел? Но зачем тогда везти так далеко? Тот лай собак у меня всю жизнь стоит в ушах. Наконец, привели к каким-то белым баракам. В лицо шибанул тяжелый запах, когда вошли в один из них. Двухъярусные нары. Табачное зловоние вперемешку с тяжким духом давно не мытого человеческого тела. И мат-перемат, какого не слышала в жизни. Мужчины, женщины в отрепье, небритые, хмурые люди. Одни урки, казалось, испытывали блаженство. Хотя бы от того, что появилась новая личность, ад которой можно покуражиться. Я присела на свой саквож. “А что ж вы, на нары, пардон, на плацкарту не желаете? – первый издевательский вопрос. – В гости к нам, аль на прогулку? Проголодалась, небось, с дальней дороги – изволь нашу баланду. Ах, не желаете? Или, думаешь, здесь ужин из трех блюд?”

Той легендарной баландой я сыта по сей день. А тогда, оглушенная, подавленная, испуганная омерзительной атмосферой лагерного быта, не знала, в чем найти облегчение. Подыгрывать бандитам, а они кишели рядом с “политическими”, как те же вши? Нет, уж слишком мало было в них человеческого. Дать отпор? Но что может сделать маленькая беззащитная женщина, и без того уже наполовину раздавленная горем, разлукой с родными, именуемая отныне врагом народа? Отчаяние на грани самой страшной мысли. Лучше умереть... Но мне повезло. Помню, подсел мужчина, кореец. Успокоил: крепись, дочка, здесь всем тяжело, а эту сволочь уголовную, что ж, надо терпеть. Принес мне похлебки, расспрашивал, кто я да откуда. Сам он был из Акмолинска, звать Алексей Ли, в лагерь попал, по так называемой, бытовой статье. Сказал, что находимся сейчас в пересыльном пункте Карабас, а дальше будут распределять в лагеря. (Через десять лет, освободившись, я определилась на жительство в город Акмолинск и, конечно, первое, что я сделала, разыскала дорогого мне Алексея Ли. Дружны мы были до последнего.

Три дня тогда в Карабасе он не отходил от меня, он помог мне перенести самые страшные первые сутки. Вот – Человек!)

А потом я попала в Долинку, это километрах в 30 от Караганды. Нас, женщин, набралось немало. Что мы могли? Конечно, к сельскому труду не приспособлены. И вот поставили в ту первую зиму, помнится, на снегозадержание. По пояс в снегу, в руках налыгач, быки не идут, зачастую в ярме были и коровы. Тут саму меня впору тащить бы кому-нибудь, сил от баланды много не поимеешь. Мужчина – напарник как-то в сердцах сказал: “Дочка, не буду я с тобой больше работать, я же без пайка останусь”. Как не понять отчаяние человека, который при невыполнении нормы лишался баланды. Упросили лагерное начальство, и меня перевели на зерносклад. Там готовили семена к весеннему севу. Немного стало легче, хотя бы потому, что здесь работали одни женщины.

Как могли поддерживали друг друга, было главное – выстоять, выжить. Многое, конечно, омрачало жизнь, и самым невыносимым было терпеть оскорбления, унижения от уголовников.

Мой, так сказать, “отдых” на зерноскладе был недолгим. Пришла весна – первая моя лагерная весна. Нас перевели в Самарское отделение Карлага. Поставили на сооружение плотины. Она находилась в десяти километрах от барачков, но даже если кто и сильно заболел, все равно из последних сил тащился на проклятую плотину. Потому что обед – эту желанную баланду – привозили только к объекту. Варено, конечно, было отвратительным, похлебку варили из бараньих голов и всяких пищевых отходов. Жили в землянках. Дожди, снегопады, болезни, конвой, ни весточки от родных. Ежедневно десять километров на арбе до плотины, вечером – переключка. Если кто-то не откликнулся, значит, конец, отмучился. Обычно трупы собирали прямо на дорогах, грузили на подводу, и вывозили в общую свалку. Делалось это ночью. Как-то утром везли нас на работу, видим труп. Выяснилось, выпал из телеги, а возница и не заметил. Солдаты, нас охранявшие, бывали разные. Иные ничем не отличались от своих овчарок и чуть что орал: “Что тебе здесь – дом отдыха?” Помню, один бедняга без разрешения отправился по нужде, конвоир же расценил это как попытку к бегству, спустил свору собак. Загрызли вмиг. Разве такое забудешь?

Но встречались и другие. Видимо, понимали, что люди несут страшный крест зазря. Такие давали и отдохнуть побольше во время работы, и обхождение было человеческое, это мы всегда чувствовали. И порази-

тельное дело: шла война, и мы, политические, с радостью и болью воспринимали ее ход, не озлоблялись сердцем. Многие, безусловно, пошли бы под пули – только не эти мучительные, губительные лагеря.

Остаться человеком!

Сегодня стали известны страшные цифры безвозвратно сгинувших в чудовищной ГУЛАГовской системе. Выжить в тех адских лагерях – все равно, что заново родиться. Но надо было при этом еще оставаться человеком, чтобы сохранить в себе истинно человеческое, не пасть до уровня уголовной мрази.

Пример мне великий преподала в лагерях прекрасная женщина, Любовь Васильевна, жена Валерия Ивановича Межлаука, наркома тяжелой промышленности СССР, уничтоженного в 1938 году. О ней я уже рассказывала в начале повествования. Она часто говорила мне: “Женя, что бы ни было – в нас должно сохраниться человеческое начало... Если хочешь оставаться человеком – будь им!” Помнится, что лагерная свора хотела услышать из моих уст грязную брань, даже лишнюю пайку предлагали. И всегда в таких случаях я встречалась с глазами Любви Васильевны. Истинно – человека можно уничтожить, но дух его непобедим!

И нельзя, никак нельзя осуждать личность, если она была сильно надломлена на столь изуверском жизненном пути, который уготовила судьба. Не забуду генерала Петра, кажется, по отчеству Васильевича, Синицына. Мы его звали просто Петей. Высокий, красивый. Как бы ни была тяжела лагерная жизнь, но не могла она загасить природную красоту этого мужчины. Он был на сравнительно легком труде – истопником, но и такая работа была ему уже в тягость. Потухшие глаза ничего не выражали, он просто не хотел жить. И генерал Синицын умер тихо от тоски, от сознания, что из этой неволи не вырваться. А мы хотели уберечь его, тайком варили пшеницу, я ухитрилась раздобыть для него новую телогрейку. Нет, тщетно. Уж сильно была надломлена душа у когда-то сильного, преуспевающего человека. Помню еще агронома по фамилии Завьялов, он был из России. Его нашли за скирдой сена со вскрытыми венами. Вечная память вам, узники ГУЛАГа! Где ваши безымянные могилы, сколько их на степных казахстанских просторах?

Хорошо помню и знаменитую Лидию Андреевну Русланову. “Российский соловей”, как звали ее в годы триумфа. Она была приставлена к кочегарке, орудовала лопатой. Гордая была, но с нами со всеми душев-

ная. И правда, что когда однажды ее просили попеть для какого-то высокого лагерного начальства, она наотрез отказалась: “Соловей в неволе не поет”. Много было женщин, интеллигентов, людей интеллектуального труда собрано в Карлаге, порой казалось, весь цвет страны согнан сюда на погибель.

Любовь – солнышко в жизни

Был в моей лагерной биографии случай, едва не стоивший мне жизни. Отправили как-то нас, десять женщин, без конвоя на дальний участок заготавливать талу, речную иву. Такое бывало, что посылали на какую-нибудь работу без конвойных. Да куда и сбежишь, кругом, до самого горизонта, белая снежная степь, на съедение волкам разве? Стали к вечеру собираться в обратный путь. Но тут разыгралась сильная метель. Бураны в казахстанской степи – это не шутка. Быков мы порастеряли, конечно. Темно, кромешный ад, до сих пор жутко. Да так рассыпались, что остались мы вдвоем. Женщину ту Людмилой звали. Помнит ли она те сутки, если жива? Конечно, помнит. Видимо, лагерное начальство по аулам дало распоряжение, потому что на исходе ночи мы вдруг увидели мигающие огоньки. Это в одном из аулов с крыш казахских мазанок размахивали зажженными керосиновыми фонарями. Но нам в ту минуту казалось, что это у нас галлюцинации, не верилось в такое чудо. Но, видимо, суждено было выжить.

Обссиленные, смертельно испуганные, но разомлевшие от тепла, мы сразу провалились в долгий сон. Проснувшись, увидели себя в семье казахов, которые проявили такое сострадание к нам, что навернулись слезы. Нас обогрели, накормили, вчерашние страхи рассеялись. Как хорошо хоть час-два побыть на воле, посидеть у домашнего очага, увидеть сочувствующих людей. Мы после узнали: из десяти женщин шесть погибли в ту пургу, остальных, как нас, подобрали хорошие люди. Пробыли мы у казахов три дня, пока не стихла пурга. Конвой прибыл за нами на четвертый день. Расставание было тяжелым, для меня вдвойне. А дело вот в чем. Молодой парень, его звали, кажется, Бораш, уж очень ласков был ко мне, я это сразу почувствовала. Он хорош был собой – молодой, белозубый, лицо открытое. Он предложил мне дерзкий план. По воскресеньям он будет находиться вблизи лагеря, приготовит казахскую одежду и, попросту говоря, украдет. Но на другом языке это означает побег. Каждое воскресенье он будет ждать моего решения. Как велик был



соблазн принять его предложение и совершить этот побег. Мучилась я сильно. Поделилась с Любовью Васильевной Межлаук. Она не одобрила:

– Женечка, не губи себя еще раз в жизни, – советовала она. – Это не выход. Представь, что будет, если не получится. А придет время – будет солнышко в твоей жизни, обязательно будет.

И в одно из воскресений Любовь Васильевна пошла вместе со мной в условное место. Парню она сказала очень просто, сердечно: не губи ей жизнь, она и так уже наполовину погублена. Он внял доброму совету. До свиданья, хороший, дорогой человек. Как у тебя сложилась жизнь, нашел ли ты свое счастье? Этому мне не дано знать. Осталось иное – вера в то, что любовь делает человека сильным, безрассудным порой, готовым принять любые испытания. И еще об одном сказала мне Любовь Васильевна: “Женя, теперь ты всегда должна беречь себя во имя мамы, которая так счастливо отыскалась в нашей страшной жизни. Помни всегда об этом”.

Снова с мамой

Да, нам с мамой повезло. Все эти долгие месяцы я не теряла надежды, когда удавалось, посылала отчаянные письма во все адреса и инстанции, писала, что мама, совершенно неграмотная женщина, не знающая русского языка, не могла быть ни шпионкой, ни вредительницей, что она добровольно пошла в тюрьму из-за меня. “Есть бог на свете, дошли до него мои мольбы”, – говорят в таких случаях. Мама отыскалась спустя три года на далекой сибирской станции Яя, перенесла все, что выпало на долю политкаторжан. Она добивалась того, чтобы сократить путь друг к другу. Мы встретились здесь, в Карлаге. О том, насколько была переломана ее жизнь, наверное, лучше поведают последние дни ее жизни. Спустя немало лет, когда в общей сложности мы отсидели 15 лет (маме все же дали меньше – ну, ничего не могли “натянуть” на 10 лет), она не раз говорила: виноват вождь Иосиф, страшный вождь. А когда умирала, бредила, все говорила: “Почему вы не ищите Женю, когда вы начнете поиски моей дочери?” А я сидела рядом, все прошлое разом вспомнилось вновь. Похоронена она в Целинограде.

Спустя годы мы узнали о судьбе Бронислава. В первое время в тюрьме он, видимо, никак не мог дать о себе весточку. Нас ведь забрали. Но он сумел отправить письмо в далекий Ташкент сестре отца. Зная исход

своего дела, он сообщал, что его жизнь оборвалась на 20-м году жизни. Значит, почти год Бронислав мытарился по тюрьмам. И еще он написал в этой записочке из папиросной бумаги, что не подписал ни единой бумаги, где он должен был оговорить Женю, то есть меня. Бедный, дорогой брат, почему же и тебе не встретился такой человек, как тот секретарь райкома, который спас мою жизнь?

После лагерей мы встретились и с тетей. Когда она узнала мой карлаговский адрес, она послала мне шесть посылок. Но получила я всего лишь одну. Лагерные шакалы не пропускали вещевых, продуктовых посылок, поэтому их морды всегда лоснились, к людским страданиям шакалы равнодушны. Да и та одна посылка была раскурочена донельзя. И все же во второй половине моего лагерного десятилетия мне жить стало легче – рядом с лагерем, в поселке, жила мама, мы использовали каждую возможность для свиданий. Когда она появилась из своей добровольной ссылки, в документах у нее было записано, что она портниха. Этим сразу воспользовалось лагерное начальство. За мизерную плату она обшивала их, но такое положение не удручало, потому что она по-своему была счастлива, так как нашла меня, была рядом. Спасибо тебе, родная, за все твои материнские муки, за твой материнский подвиг!

Жизнь между тем продолжалась – тяжелая, изнурительная, казалось, что так она идет целую вечность. Годами вручную, теряя дорогих своих солагерников, мы строили ненавистную плотину. Ее часто прорывало в разных местах, это означало: мешки с песком, тачки с одним колесом, бесконечная отупляющая работа – сизифов труд. Многие погребены вдоль ее тела. Не выдержала ту проклятую плотину Зина Корнева, бывшая чемпионка страны по плаванию. Она схватила воспаление легких, стала задыхаться. Мы умоляли охрану создать ей хоть какие-нибудь условия для выздоровления, не поднимать ее с нар. “Нет, – был ответ, – тогда около нее надо приставить еще одного охранника”. Вечный покой тебе, дорогая Зина. Я тебя не забыла...

После войны я даже стала “начальством”. Меня избрали бригадиром, в бригаде было 20 женщин. Заняты мы были на разных участках, на сезонных работах, делали саман, впрягались в ярмо, рыли арыки, делали многое другое. Карлаговские узники закладывали в до- и послевоенное время основы хозяйственной жизни в Центральном Казахстане. Старожилы-степняки нас хорошо помнят. Скажу еще, что даже в лагерях насаждалась какая-то видимость советского образа жизни. Например, было раз-

вито даже стахановское движение. Наша бригада ходила в стахановцах, что давало кое-какие привилегии, в смысле хоть малого облегчения лагерного быта. Порой мы могли общаться с населением, бывать в бане и т.д. Но до сих пор я ощущаю своей кожей ту грубую одежду, в которую облачались, ведь за десять лет мое тело не знало, что такое женское белье. Это тоже почему-то крепко запомнилось.

От звонка до звонка

Но вот забрезжил 1948-й – год моего освобождения. Как бы ни была тяжела лагерная жизнь, жизнь брала свое. Там, на зоне встретился добрый человек, Степан Изотович. Уроженец Семипалатинска, механик по профессии. На руднике, где он работал, случилась авария, было это в канун войны. Ну, сама авария говорила тогда сама за себя – враги народа. Вот и Степан вмиг загремел “за вредительство”. Чушь, конечно. Такая же, как и та, что я шпионка.

Определились после освобождения в г. Акмолинске. Обоим было трудно устроиться на работу. Кое-как, помню, взяла лаборанткой в школу № 3. Потом директор – порядочный человек – Никишин, порскомэндовал меня в школу № 10 на должность библиотекаря, что означало получать на 20 рублей больше. У нас были дети, прибавка такая была очень нужна. Но в 1952 году меня с треском выгнали. Причина – “за прошлое”. Впору захлебнуться от гнева, обиды. Но я воспринимала подобное сдержанно. Приходилось терпеть.

Страшнее было другое. Уже на воле, в 1950 году к нам однажды... опять пришли – ночью. Забрали куда следует, и “старое начиналось сызнова”. Уже тогда появилось слово “повторники”, некоторые из бывших заключенных приговаривались ко второму сроку. С меня опять стали вытрясать “показания”. И готовясь к очередному ночному “свиданию”, я решила, что надену капроновые чулки. Двух чулок хватит для петли... Страшно вспомнить, видимо, было такое состояние души. К счастью, визитеры прекратили являться ночью, но и после того еще долгие годы нет-нет, да и приходилось осязать, что некто еще сомневается в моем “прошлом”. После развенчания культа вождя жизнь стала налаживаться, я потом более двадцати лет бессменно проработала заведующей детским дошкольным учреждением, мне было присвоено звание заслуженного работника просвещения республики. Своим чередом подошел срок выхода на пенсию, но по просьбе руководства я еще оставалась в этой

должности. При оформлении же персональной пенсии опять кое-кому из руководства “не понравилась” моя биография. Но к этому я уже давным-давно привыкла. После лагерей такое было не страшно.

Реабилитация

Потом, после XX-го партийного съезда, были волнующие события, связанные с реабилитацией. Я приехала в Москву, жила там три месяца.

Посетила школу в Кунцевском районе, где работала пионервожатой. На встречу со мной пришли мои бывшие пионеры, узнавшие меня. Сколько было пережито светлых чувств в те часы! Судьбе было суждено порадовать меня встречей с другом молодости Сашей Коренчуком. В войну Александр Павлович Коренчук отличился – он вернулся Героем Советского Союза. Встретилась я в Москве и с Марией Михайловной Раевой, которая в том далеком 1938 году была комсомольским работником в Кунцевском районе. Она организовала встречу тех, кто был арестован в ту смутную пору. Собралось нас, конечно, мало. Мы с Машей потом переписывались. Она поведала свою драматическую судьбу: муж ее был поляк, таюже ни за что репрессирован, сослан в лагерь. С горечью я узнала о кончине Маши Раевой в 1978 году.

После полной реабилитации мне предоставили право жить в Москве, так как я была арестована здесь. Но прописку давали только мне и маме. А у меня было трое детей: сын и две дочери.

Конечно, выбора не было, и я вернулась в Целиноград. Мой муж умер в конце 60-х годов, он работал в системе сельского хозяйства.

Дождалась женитьбы первого внука Володи, он врач. Однажды, когда он окончил школу, всю ночь рассказывала ему о своем 10-летнем заточении в сталинских лагерях. Им, молодым, наверное, трудно все это представить, но знать историю они должны, и, уж, конечно, не по “Краткому курсу ВКП (б)”.

Зовется это историей

“Архипелаг ГУЛАГ”, “Карлаг”, “АЛЖИР” – это история, которую не зачеркнуть, не вытравить из памяти людей. И я вновь возвращаюсь в тот октябрьский день, в село Малиновку. Его и селом-то не назовешь, все чаще называют Птицеградом. На окраине еще заметны холмы, на которых в летнюю пору цветет степной ковыль. Сколько их здесь, безвестных, безымянных? Никто не знает. Но одно люди отныне будут



знать – братская могила тут. Об этом вшест безмолвный памятный знак, а в центре городка и другой символ – надколотая красная звезда.

В трещине звезды, как впившаяся в сердце заноза – черная решетка и колючая проволока. На той памятной встрече многим запомнилась женщина, она читала свои стихи. Это была Валентина Савельевна Шевченко, она приехала вместо не дожившей до этих светлых дней матери. Вот ее стихотворение:

*Мы глину месили, сушили саман
И строили клуб за зоной.
Такая уж доля выпала нам,
Лишь только за то, что – жены.
Дрожали ноги, и ныла спина,
Но мы завершали дело,
А рядом художница, тоже – жена
Писала по красному белым.
Закончив, утерла испарину,
И лозунг взметнулся ввысь:
"Спасибо товарищу Сталину
За нашу счастливую жизнь!"*

Годы, годы... Вместо матери, бывшей узницы Карлага приехала ее дочь Елена Борисовна Товаровская, я с ней сфотографировалась. Из Кокчетова приехала Евгения Николаевна Хван (в девичестве Корачню), ее мама тоже отбывала заключение на 26-й точке. Сколько драм, трагедий познала эта земля, эти люди. Но я по-своему счастлива, что дожила до сегодняшних дней, как могла, рассказала о той страшной эпохе, которая не должна повториться. Никогда!

Записал Владимир СОН.



ОПЕНЬКО Геннадий Степанович

(1940-1998 гг.)

Геннадий Степанович был удивительно жизне-
радной личностью. В Акмолинске-Целинограде не
было человека, который бы не знал Гену, дядю Гену,
его величали по имени-отчеству и стар, и млад. Он был,
что называется, душой любой кампании. Он словно
шагнул в жизнь из рассказов Василия Шукшина, один
из героев которого так ярко и образно охарактеризо-
ван автором. Сам самородок, этот талантливый писа-
тель восхищался им – с таким мужиком легко везде:
в дальней экспедиции, в муторной командировке и особенно... в тюрьме.
“Неисповедимы пути господни” – напрашивается известная истина.
Жизненный путь Геннадия Опенько начался в тюремной палате, на зоне
Карагандинского лагеря политзаключенных. Он – сын Евгении Петровны
Цой (очерк “Живи и помни”).



Как явствует из того повествования, спустя время отыскалась мама
нашей узницы, которая тоже отсидела свой срок в далекой сибирской
глубинке. Она вскоре поселилась близ Карлага, на нее и легли заботы о
внуке. Вот такая необыкновенная история.

После освобождения семья определилась в г.Акмолинске. Здесь
Геннадий в 1959 году кончил школу № 3. В то время в городе был
единственный сельскохозяйственный институт, перебазированный из
Одессы в 1958 году. В следующем году Геннадий Опенько стал студен-
том механического факультета. Успешно закончив его, молодой специа-
лист был направлен в Целиноградское областное управление сельского
хозяйства, где проработал до 1968 года.

Он был вездесущий, энергичный, зажигательный. Лидер! И потому
совершенно не случайно стал инструктором Целиноградского обкома
комсомола, которому отдал три года. Открывалась дорога на партий-
ную карьеру, но ей он предпочел кафедру технологии металлов ЦСХИ.
На преподавательской работе был с 1970 по 1980 годы. В последующем
Г.С. Опенько – инженер в управлении “Казспецэнерго”.

Во все годы, несмотря на большую загруженность в трудах и заботах,
Геннадий Степанович был, образно говоря, “в эпицентре” всех событий
корейской диаспоры: торжественных, радостных, печальных. Он был в

первой шеренге национальных патриотов в начале 90-х годов, когда пошла волна возрождения корейской самобытности, культуры, традиций. Таким он и остался в памяти соотечественников – искренний, душевный, надежный человек. С такой памятью легче идти по тернистому жизненному пути.

НАСТОЯЩИМ АРХИТЕКТОРОМ БЫЛ



Стремительно, неудержимо строится, воздвигается наша юная столица. С чем сравнимы темпы, масштабы созидания будущего мегаполиса на Евразийском континенте? Трудный вопрос, если поставить его в плоскость сравнений. Так, педантичные и небезбедные немцы в свое время подсчитали, что им для переноса и облагораживания новой столицы требуется не менее семнадцати лет. Турция для своей

Анкары и вовсе понадобился целый век. Так каким же измерениям поддается гипердинамичная, феноменальная устремленность градостроителей Астаны, поражающая сегодня весь мир? Бесспорно, ответов немало, но удивительно образно и понятно в свое время выразился Михаил Булгаков: “Город прет, как опара из горшка”. Сказано давно, но как свежо и современно!

Время, между тем, и его величество Генплан неумолимы, они сносят, сметают в бывшей старой Акмоле целые кварталы. Сегодня здесь величественные, а иные чопорные и помпезные новостройки, в полном блеске и сиянии. Но на этом фоне побереженные доसेбе, еще с послевоенных времен объекты, не утрачивают своей привлекательности, ласкают взор. Вот оперный театр им. Куляш Байсейитовой (бывший Дворец железнодорожников). Прекрасный памятник акмолинской истории. Внушительный, располагающий к “преданьям старины глубокой”. А иных уж нет... К примеру, снесен Дворец бракосочетаний на проспекте Республики, соединивший столько уз и судеб. Что ж, таков Генплан, “ему видней”.

А за исчезающими свидетелями городской истории когда-то стояли (и ныне здравствующие) ее создатели, ее авторы и творцы. Иные имена уж трудно вспомнить, но в памяти старожилов, да и не совсем еще таковых, остаются яркие имена. Именно имя, даже не фамилия. Доста-

точно спросить: помните ли Вы Илью Тимофеевича? – в ответ удивительно-одобрительное: – Ну, как же не помнить, грех забывать такого человека. Столько лет были вместе, работали, мечтали. Время хоть и было партийно-волонтеристское, но простор для фантазий, романтики всегда оставался. Нам без них никак нельзя было в жизни, в нашей профессии. Илья Тимофеевич, как бы это сочнее сказать... – лучезарным был человеком, от него всегда исходил свет. Доброжелательный, скромный, своей восточной воспитанностью он покорял, своим образом действий, самым мышлением он создавал экологически чистую атмосферу в коллективах. Такое дано не каждому.

А фамилия у него самая корейскораспространенная – Ким. Но такой Ким – Илья Тимофеевич в Акмолинске-Целинограде был один! Здесь он обосновался с семьей в 1955 году, переехав из города Ижевска. В Удмуртии после трех лет успешной творческой деятельности на архитектурном поприще им было принято крутое, необычное решение – на казахстанскую целину. Видимо, душа жаждала новизны, иного приложения профессионального таланта, какой был заложен в молодом специалисте. Здесь же, на огромной Целине и предстал масштабный плацдарм для творчества, созидания.

Так оно и сложилось. Само время пришло ему оказаться в эпицентре большой государственной программы по созданию целинных совхозов, сельскохозяйственной инфраструктуры, архитектурному обновлению захолустного городка Акмолинска, ставшем официально столицей Целинного края. И Т. Ким назначается директором филиала республиканского института “Казгипросельхозводстрой”, ставшем впоследствии “Целингорсельпроект”. Это была его многотрудная, и во многом счастливая трудовая пятилетка, которыми измеряли вклад советского человека в государственные дела. А следующая пятилетка для него стала еще ответственной и трижды напряженной. И. Т. Ким крайне необходим был на кураторской должности отдела строительства Целинного крайкома партии. Очень серьезная должность в те суровые, партийные времена. Долг был выполнен с честью. Так Илья Тимофеевич утвердился на Целине. А какова была жизнь до нее?

Уроженец Хабаровского края, в том зловещем 1937 году ему исполнилось 16 лет. Массовая депортация корейцев в Казахстан, Среднюю Азию. С родителями выселился в Ташкентской области. Илюша на диво красиво рисовал (навверняка на первый свой год рождения взял каран-



даши?). Послал свои восторженные работы в Ленинградскую академию скульптуры и живописи имени Репина, особо не надеясь на “что-то?” Но оно случилось – пришел вызов, было это после войны. Илья к тому времени был женат. Анастасия Васильевна позже приехала в город на Неве, вместе перемогали житейские трудности, молодой муж все время подрабатывал. Очень хотел стать художником-архитектором. И вот заветный диплом – это их первое семейное достижение. Направление в г. Ижевск. Там по своим авторским проектам молодой Ким проектировал жилые и общественные здания, за несколько лет сполна реализовав свои первые замыслы. Сохранились ли хотя бы несколько объектов?... За давностью лет трудно сказать...

Но вот в сегодняшней Астане дело рук Ильи Тимофеевича зримо и бесспорно. Это здание у памятника Трем биям, где до недавнего времени располагался Верховный суд РК. В разные времена здесь были обком партии, стационар городской больницы. Напротив – здание бывшего ормаслихата, тоже кимовское детище. Наискосок магазина “Астана” бывшая “Радуга”) старинное здание с колоннами, здесь расквартирован столичный офис Организации Объединенных Наций. Это тоже архитектурный “автограф” И.Т. Кима. Есть какая-то основательность, державность в облике этих строений, в их строгих колоннах, художественном, резном окаймлении по всему периметру. Рядом у этих зданий поневоле осязаешь время минувшее, эпохи ушедшие, и в то же время словно ты еще в нем.

Далее. Старожилы города еще в молодости любили старую площадь с ее гостиницей “Ишим”, ныне она зовется “Есил”. Неподалеку заманчивый магазин “Топаз”. Напротив бывшего магазина “Мелодия” два замечательных дома, которые знали все горожане – там раньше жила партийная элита (Морозовский дом). Все эти объекты построены по архитектурным проектам Ильи Тимофеевича. И еще одна замечательная работа на его счету. Целиноград в конце 60-х годов стал готовиться к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, событие по тем временам эпохальное. Объявили конкурс на реконструкцию улицы, носящей его имя. Лучшим проектом был признан предложенный Кимом. В то время он работал заведующим кафедрой и строительных конструкций Целиноградского инженерно-строительного института. Ныне бывшая ленинская дорога сегодня – широкий проспект Абая.

Добрую память Илья Тимофеевич оставил и на сельских просторах. В Шортандинском районе по его проекту выстроен комплекс административных зданий в Казахском НИИ зерна, по соседству в колхозе имени 18-летия Казахстана, в знаменитом по былым временам селе Новокубанка – Дом культуры. Примечательное при этом то, что эти и другие проекты Ким творил, будучи партработником, и это говорит о многом. Не хватало квалифицированных специалистов, а архитектор вообще был редкостью. Но не могло быть и речи о какой-либо личной выгоде и пр. Просто Илья Тимофеевич был так устроен: нужен его опыт, его участие? – С полной душой! Он не чурался и самой простой работы – проектировал животноводческие комплексы, автоматизированные системы управления, сельскую инфраструктуру. Во многих селах Акмолинской области до сих пор помнят этого удивительного человека, вежливого, уважительного, внимательного. Это подтверждают его бывшие коллеги, соратники, питомцы.

– Он обладал удивительными человеческими качествами, – вспоминает Ахметриза Гисметович Чекаев, бывший ректор ЦИСИ. – Собранный, деловитый, требовательный и доброжелательный. Илья Тимофеевич, будучи завкафедрой архитектуры и строительных конструкций, создал творческую группу. Много сделал в продвижении хоздоговорной политики в сельском строительстве, я как проректор курировал это направление. В 60-е годы работы было, что называется, непочатый край. Технические проекты под руководством Ильи Тимофеевича всегда отличали точность, экономичность, рациональность. А в основе – безупречная архитектура, выверенная рукой Кима.

Не имея еще кандидатской степени, ему было присвоено звание доцента, это делается в порядке исключения, говорит А.Г. Чекаев. Помню, решение было единодушным, о подобном иные лишь мечтали. Мы удивлялись его работоспособности, умению экономно тратить время и силы. Наверное, поэтому многое ему удавалось. Если оценивать его как профессионала, скажу, что Илья Тимофеевич настоящим архитектором был! Сейчас его питомцы работают на кафедре архитектуры, многие на важных объектах Астаны, по доброму помнят о своем институтском наставнике.

И еще об одном скажу. Когда выдавалось время, бывали у него на даче, у меня. Но его дачное хозяйство было уникальным. Например, совершенно другая система полива, никаких труб. Чисто восточный рационализм, изобретательность. Часто дымился аппетитный мангал.

До сих пор хорошее чувство к Илье Тимофеевичу. И то: с кем не дружишь, с тем шашлык кушать не будешь.

– Илья Тимофеевич – прекрасный архитектор своего времени, и великолепный вузовский педагог, – подтверждает выпускник ЦИСИ, Анатолий Дмитриевич Ченцов, начальник территориального управления Агентства Республики Казахстан по госслужбе. – Я был староста потока. Помню, перед самой защитой один студент крепко проштрафился, судьба диплома зависла в воздухе. Значит, и судьба человека. Все зависело от зав. кафедрой. “Ладно, простим, поверим”, – решил он. До сих пор это в памяти. Его принципиальность, твердость была одинакова и к коллегам, и к студентам, все сдержанное негодование выражалось предельно ясно: “Так делать нельзя”. Если Ким так сказал, трудно порой было что-то изменить.

Лекции Ильи Тимофеевича были очень интересными, и понятно почему. Они изобиловали примерами из личной практики, а она была богатейшей. Архитектура, сама по себе творческая дисциплина, раскрывалась перед нами подлинным искусством, красотой, философией. Школа Кима – замечательная школа.

– Я проработал с Ильей Тимофеевичем до его выхода на пенсию, – рассказывает инженер ОКСа столичной ТЭЦ-2 Борис Иванович Лю. – Больше десяти лет вместе, на кафедре. Прделана большая работа по всей области, районах: проектирование, паспортизация сельхозобъектов, на своем авто исколесили десятки тысяч километров. В дальних аулах его принимали как родного, ведь после его рекомендаций, встреч с партработниками в райкомах, на местах улучшалась жизнь сельчан. Приводили в порядок дороги, налаживалось водоснабжение, внешний вид сел преображался.

Конечно, не все, о чем мечтали, могло обрести реальную плоть, будь то оригинальный проект нового здания или индивидуальная застройка. Над всем довлела доминанта “типового” проекта. Так в городе и воздвигались безликие пятиэтажки, хотя звались они “ленинградские, московские дома”. Более точное название дал народ – “хрущобы”. Илья Тимофеевич не оставлял своей мечты, часто говорил: настанет время, когда вокруг будет такая красота, о которой мы пока мечтаем. Это сбывается сегодня!

В моей памяти он по-прежнему собранный, сосредоточенный, с неизменным коричневым портфелем. Кряжистый, часто уходящий в себя,

иногда казалось, что чем-то сильно озабочен, или недоволен. Нет, стоило встретиться, пожать руки и перед тобой прежний наш шеф – добрый, сочувствующий, обаятельный Илья Тимофеевич. Душа-человек!

О нем тепло вспоминал Ергали Болсбекович Нурмагамбетов, возглавлявший институт “Целингорсельпроект”. Общаться с Ильей Тимофеевичем было одно удовольствие, в нем подкупало все: внешность, манера речи, мышление, – говорит бывший коллега. – Завидное качество его – независтливый, а к талантливым людям, способным студентам радел по-особому. Не конфликтный был, хотя в нашей среде, как и в любой другой, случалось разное. Как архитектора я очень высоко его оцениваю, это же познается в сравнении. Были приличные, знающие спецы, но Илья Тимофеевич отличался особо. На оставшихся сегодня городских строениях его авторская печать, профессионалы меня поймут. Он выстрадал, образно говоря, свои здания, в них былая душа Акмолинска, Целинограда. И еще об одном скажу, о его деликатности. Была он – необъяснимая, магическая...

Добрый след И.Т. Кима и в делах национальной диаспоры. 1989-й встреча – впервые – Лунного нового года во Дворце железнодорожников. Люди ахнули, когда в фойе была развернута экзотическая восточная панорама, напоминавшая о далекой исторической родине. Всю эту красоту сотворили Илья Тимофеевич и профессор сельхозинститута Николай Николаевич Ли. Вообще их вклад в развитие национальной культуры, возрождение огромен, – рассказывает председатель общества пожилых Алла Павловна Когай. – Они тогда задали сильный импульс всей нашей работе.

Традиции крепкого землячества 50-х годов сильны и сегодня. Тогда молодую семью из Ижевска опекал Николай Иванович Лю, бывший директор знаменитой школы № 1 имени Кирова, на первое время приютивший их у себя. Молодой архитектор сразу пришелся по душе. Больше полувека минуло с той поры. Илья Тимофеевич ушел из жизни в 1993 году.

Людская память благодарна, и все поведенное здесь тому свидетельство. Но и печали остается место. Не все, о чем мечтал Илья Тимофеевич, осуществилось при его жизни. У него был свой полет фантазии, но как написано у современного мудреца: “Крылья – этого мало. Требуется еще летная погода”. В советские времена погоду задавали партийные “диспетчеры”... Но и сделанное И.Т. Кимом, сохраненное на сегодняшний день, являет нам добротные плоды его творчества. Дело за малым, к чему взывает архитектор с мировым именем, Норман Фостер – беречь старину!

Благодарная память о мудром отце свята в душе двух сыновей. Секдюна и Сергея. Врач и строитель. Второй сын продолжает отцовское дело, но еще ближе к профессиональной династии стала дочь Секдюна Ильича Ольга. Окончила столичный агротехуниверситет, диплом архитектора. Ей понадобилось всего три года, чтобы своими блестящими проектами заявить о себе – сегодня Ольга уже член Союза архитекторов Республики Казахстан. Как бы гордился дед!

Жизнь продолжается...

В. Ефимов

ПАК Михаил Николаевич

(1896-1965 гг.)



Родился в селении Краббе Посьетского района Приморского края. Биографию этого легендарного человека хорошо знает профессор Гилен Васильевич Цой. В рассказе о нем Г.В. Цой подчеркнул: в названии Краббе два “б”, слово немецкое. Далее – сегодня, в 70-летие корейцев в Казахстане, часто упоминают Посьет. Поселок назван в честь русского адмирала Посьета К.Н. В XIX веке здесь было смешанное население, преобладали русские, православной веры. Поэтому неудивительно, что корейский мальчик Миша Пак был крещеный, окончил церковно-приходскую школу. Юношей учился во Владивостокском военно-фельдшерском училище. К моменту завершения учебы случилась Первая мировая война, на которую и угодил молодой медик. Был фельдшером в санитарной роте, отличился своей отвагой и безупречной службой, выполняя воинский долг.

После демобилизации вернулся в отчий край, работал фельдшером на местной железнодорожной станции, затем подался в Хабаровск, где закончил рабфак. В 1932 году поступил в Ленинградский медицинский институт им. академика Павлова. По завершении учебы был распределен в Казахстан, в глухой Шортандинский район. Получилось так, что не будучи официально депортированным, Михаил Пак “параллельно” присоединился к сосланным сюда корейцам с Дальнего Востока. Именно на станции Шортанды выгружались спецпереселенцы, а он в это время



был главврачом на 35-й точке. Это село Новокубанка, в 17 километрах от железной дороги. Повсюду вокруг были номерные точки, в которых начинали другую жизнь сосланные люди разных национальностей из многих республик СССР.

Врачей в то время, конечно, не хватало. М.Н. Пак, будучи главврачом в десятикоечной больнице в Новокубанке, оказывал медицинскую помощь людям в других окрестных селах. Передвигался на перекладных лошадях, зачастую пешком – такова участь земского доктора. Впоследствии сельская практика ему очень пригодится. В 1947 году М.Н. Пак был переведен в г. Акмолинск (ныне Астана), назначен главврачом городского роддома. В то время это было медучреждение на 25 коек.

В 1956 году Михаил Николаевич Пак назначается главным акушером-гинекологом Акмолинской области. Работы было, что называется, непочатый край – развернулась грандиозная целинная эпопея. М.Н. Пак много и напряженно трудится над организацией широкой сети акушерско-гинекологических отделений в области и фельдшерско-акушерских пунктов. В первые годы целины они были открыты и расширены в городах: Атбасаре, Макинске, Балкашино, Акколе и других крупных населенных пунктах. В 50-е годы в областном здравоохранении было три ведущих специалиста – главный хирург Г.В. Цой, гл. акушер-гинеколог М.Н. Пак и гл. терапевт Куферман. Они внесли весомый и значимый вклад в становление и развитие медицинской службы на селе. Михаил Николаевич Пак был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В 1962 году М.Н. Пак вышел на пенсию. Его профессиональные заслуги отмечены званиями: “Заслуженный врач Казахской ССР”, “Отличник здравоохранения СССР”, награжден медалями “За доблестный труд в Великой Отечественной войне”, “За освоение целинных и залежных земель”. Достоянное имя и дело отца было успешно продолжено сыновьями Трофимом Михайловичем и Валерием Михайловичем, врачами высшей категории.



ПАК Трофим Михайлович



Родился 29 декабря 1926 г. в Приморском крае. В 1937 г. с матерью был выслан в Кызылординскую область. Отец был депортирован на север Казахстана. В военные годы служил в трудовой армии в Сибири. Демобилизован в 1945 г.

По окончании вечерней школы поступил в Омский государственный медицинский институт, который закончил в 1954 г. По направлению приехал в Акмолинск. Всю жизнь проработал в Целиноградской районной больнице, вначале в должности санитарного врача, затем главным врачом больницы.

Организовал санитарную службу Целиноградского района, проработав в должности главного санитарного врача более 25 лет.

Награжден медалью "За освоение целинных и залежных земель", знаком "Отличник здравоохранения СССР", Почетными грамотами министерства здравоохранения СССР, Казахской ССР.

Умер 15 августа 1985 г.

ЦАЙ Наталья Ивановна

Заслуженный врач Каз. ССР



Наталья Ивановна Цай родилась в 1924 году в Посьетском районе Приморского края. В 1937 году вместе с родителями была депортирована в г. Кызыл-Орду. С ранних лет, воспитываясь в многодетной семье, она в полной мере познала нужду и все лишения спецпереселенцев. После окончания средней школы Н.И. Цай поступила на лечебный факультет эвакуированного в Кызыл-Орду Крымского медицинского института. После окончания Великой Отечественной войны вуз вернулся обратно в Крым, однако студенты-корейцы, по понятным причинам, выехать туда на учебу не смогли. Поэтому Наталья Ивановна завершала медицинское образование в Самаркандском медицинском институте УзССР.



В 1947 году по государственному распределению она приехала в город Акмолинск, где к тому времени в должности главного хирурга области работал ее муж – Цой Гилен Васильевич. Все последующие годы трудовая деятельность Н.И. Цай была связана с Целинным Приишимьем. Начинала работать врачом акушером-гинекологом в городском родильном доме под руководством старейшего врача Акмолинской области Пак Михаила Николаевича.

Была врачом-ординатором, заведующим отделением, главным врачом роддома.

Во время существования Целинного края возглавила специализированную службу края в качестве главного акушера-гинеколога. По ее инициативе и при непосредственном участии в пяти областях Целинного края открывались новые родильные дома, женские консультации.

Высококвалифицированный врач, прекрасный специалист, всю свою энергию и талант Н.И. Цай отдавала своей благородной специальности. На ее счету многие тысячи принятых родов, сложнейших операций, консультаций наиболее тяжелых больных.

Возглавленный ею городской родильный дом в свое время как образцовое лечебно-профилактическое учреждение экспонировался на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ СССР), что тогда считалось наивысшим общесоюзным признанием.

Государство по заслугам оценило трудовую и общественную деятельность Натальи Ивановны. Ей было присвоено звание “Заслуженный врач Каз. ССР”, она является кавалером ордена Ленина, награждена медалями СССР, Почетной грамотой Верховного Совета Каз. ССР, нагрудным знаком “Отличник здравоохранения СССР”. Она неоднократно избиралась депутатом городского Совета депутатов трудящихся.

Выйдя на пенсию, Н.И. Цай продолжала до последнего дня работать врачом женской консультации.

К огромному сожалению, Наталья Ивановна очень рано ушла из жизни. После тяжелой болезни она скончалась в 1983 году, не дожив до 60 лет.

Вечная память о замечательном человеке и враче осталась у всех, кто с ней работал и знал ее. В первую очередь, это десятки тысяч женщин города и области, имеющих детей, и их семьи. Особенно те, кто исключительно благодаря таланту, настойчивости и бережному отношению к пациенткам, смогли познать счастье материнства.

Семейную врачебную династию продолжают два ее сына, оба доктора медицинских наук, профессора, что является наилучшей памятью о Наталье Ивановне Цай.

СВЕТ СЕРДЦА ОСТАВИВШИЙ ЛЮДЯМ

ЛЯН Николай Иванович

(1915-1987)



В 50-е годы прошлого века на огромных просторах казахской Степи вершилась большая, государственная работа, которая записана в ее истории крылатой метафорой: "Люди поднимали Целину, Целина поднимала людей". Этим людям посвящены очерки, повести, стихи. Пафос писателей, журналистов, мастеров пера и кинодокументалистики зримо передает нынешнему поколению тот огромный, массовый патриотизм народа, который вдохновенно созидал на вековой земле новую жизнь. Строил города и совхозы, растил Хлеб и новое интернациональное поколение целинников, вдохнул в древнюю Степь сильную, мощную струю жизни. Во главе трудовых коллективов стояли люди, за плечами которых была до- и послевоенная жизнь, со всеми ее тяготами и испытаниями. Их именами потом назовут улицы, поселки, предприятия. Среди этих достойных имен – Лян Николай Иванович. В канун 50-летия Целины в селе, расцвету которого он посвятил четверть века, центральная улица решением районных властей была названа его именем. А в апреле 2007 года в столичном агроуниверситете имени С. Сейфуллина была учреждена его именная стипендия. Первыми стипендиатами стали пять лучших студентов корейской национальности.

Редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала "Нива" Владимир Гундарев, ветеран поэтической Целины, посвятил Н.И. Ляну свою поэму, назвав ее "Соль земли". Поэт прослеживает тяжкий, драматический путь депортанта – от начала и до конца жизненного пути. Вот лишь несколько отрывков из поэмы:

Досталось невзгод и лишней сполна
На ближних дорогах и дальних.
С народом своим он испил до дна
Всю горькую чашу страданий.

Упорство, достоинство, совесть и честь –
Святые понятия эти
Ему помогли превозмочь, перенести
Все тяжкие беды столетия.

Он, ярко пылая, так рано угас,
Сгорел, без остатка истратив
Энергии, сил драгоценный запас
Как многие из собратьев.

Таких называем мы солью земли,
Таких никогда не забудем.
Достоинно они путь нелегкий прошли,
Свет сердца оставили людям.

2005-й – это год 90-летия Николая Ивановича. В память о нем люди села собрали документы, щедро поделились воспоминаниями. По их пожеланию была издана небольшая книга “Свет сердца оставивший людям”. Она полна большой душевной теплотой, волнениями, искренностью, которой делились специалисты, рядовые труженики бывшего совхоза имени С. Сейфуллина, среди которых животноводы, механизаторы, сельские учителя. В книге более десяти авторов. Они очень точно, метко, по-народному оценивают своего руководителя, наставника, друга, сопровождая свои воспоминания мудростями древних. Например, такими: “Никто не становится хорошим человеком случайно”, “Как можно иметь дело с человеком, которому нельзя доверять? Если в повозке нет оси, как можно в ней ездить?”, “Есть только большая любовь к людям, маленькой любви не бывает” и т.д. Среди авторов Б. Аубакиров, М.Л. Захарова, А.О. Цацурян, В.С. Роговский, А.С. Горбунов, А.Э. Лукашевич, К. Садгужинова, Л.Л. Визе – казахи, русские, армянин, поляк, немка – это единое интернациональное мнение о своем прекрасном руководителе-корейце. Они вместе шли с ним по жизни 25 лет.

Краткие вехи биографии Н.И. Ляна: родился 15 сентября 1915 года в г. Владивостоке в семье рыбака. Юношей уже слыл хорошим помором-рыбаком, работал на местных промыслах, рыбных заводах. При этом сумел получить среднее образование.

В годы депортации оказался в Астрахани – до 1941 года. Закончил Рабфак (рабочий факультет). В первый год войны был второй этап переселения, и семья Лянов была переброшена в Казахстан, в Акмолинскую



область. Их определяют в село Интернациональное (ныне учхоз Аграрного университета). Колхоз носил имя Карла Либкнехта, но долгие годы в народе он назывался “Корейский колхоз”. Здесь Н.И. Лян начинал новую работу учетчиком, но затем ему доверили возглавить колхоз – до 1948 года. А с 1948 по 1950 годы он был заведующим сельхозотделом Акмолинского райкома партии. В книге “Свет сердца оставивший людям” об этом периоде Н.И. Ляна написано: “Но задумаемся в сам факт такого поворота в жизни: из депортированных, “политически неблагонадежных”, какой-то кореец, да в партийном органе... Но сам этот факт был красноречив и бесспорен: проверен в деле, надежен, настоящий, убежденный партиец”.

В 1950 году Н.И. Ляна направляют на самый отсталый участок, в село Елизаветинку. Колхоз “Путь к коммунизму”, переименованный на следующем этапе развития в совхоз им. С. Сейфуллина. Этому хозяйству он отдал четверть века, здесь, вплоть до пенсии, прошли его и лучшие, и трудные, и славные года. Н.И. Лян награжден орденом Ленина, двумя орденами Знак почета, медалями.

В книге об орденоносном директоре есть глава, во многом поучительная, наставляющая. Она названа “Святые заветы отца”. Автор – старшая дочь Антонина. Даже в сокращенном виде она представляется интересной, дает верные ориентиры в жизни:

– В народе говорят: на свете все найдешь, кроме отца и матери. Мы – счастливые дети. Три сестры, трое братьев. И не было у родителей любимчиков – все любимы. И мы не можем говорить, не имеем никакого на то права, что отец лучше мамы, или наоборот. Скажу по-другому: роль отца в нашем воспитании исключительна! Я самая старшая из его детей, нахожусь у 70-летних рубежей. С высоты прожитого для меня самый светлый, самый высокий идеал – мой папа, Лян Николай Иванович. То же самое скажут все младшие братья и сестры.

Он придавал исключительное значение двум основополагающим обретениям: воспитанию и образованности. В первом значении он для нас был авторитетом, что называется, с младых ногтей. Воспитание сводилось к тому, чтобы мы с достоинством могли сказать людям: я дочь, я сын Николая Ивановича. Это – наше кредо по сей день. Второе: по жизненным обстоятельствам (вечный труд) у него не было фундаментального образования, потому его мечтой было обеспечить им своих детей. И когда мы по очереди выкладывали перед ним документ о завер-

шении учебы в ВУЗе, он, очень довольный, не преминет, помню, сказать при этом: «Все же диплом есть диплом. Но он необходим еще и потому, что является социальной защитой от дурака». Как точно это оказывалось в жизни.

Отец рассказывал, как сам учился в детстве. Учебников не было, поэтому приходилось переписывать уроки на газетные листы. Каково же было его смятение, когда наутро он обнаруживал от своих "учебников" горку пепла. Его отец, видя сверхусердие сына, сердился, и в оправдание (погорячился) бурчал, что, дескать, ты должен помогать мне, работать, а учеба потом и т.д. Наверное, старик был в чем-то прав. Матери мой отец лишился рано, за ним следовали два младших брата и сестренка. Впоследствии Николай Иванович долго тянул всю семью, слизаветинцы должны это помнить. Братья Борис Иванович, Таян Иванович, сестра, дед.

Мама наша удивительный человек. Отец взял ее сиротой. Может, от этого у нее было обостренное чувство к своим близким, вечное сострадание, сочувствие. Таких как она в народе зовут Берегиней.

Она надежно берегла семейный очаг, во всем была надежной опорой отца. Ее лучшие женские качества видятся хотя бы в том, как люди, впервые ступавшие в наш дом – с каким добрым впечатлением выходили из него. По хозяйке судят и о хозяине. И ей, как и отцу, приходилось привечать и секретаря райкома партии, и потерянного, растерявшегося в жизни человека. Не с лестью, а с честью она встречала первых, с сочувствием и пониманием вторых.

Особое отношение у нее было к нам, детям. Мы же разные были, и непокорные, и капризные порой. Она никогда не страшила нас отцом – "вот придет, все расскажу ему". Мудрая, с тонким материнским чутьем. Знаете, как она стимулировала нашу духовность, возвращала нашу нравственность? Запомнилось с раннего детства: "Вам будет очень трудно стать таким, как ваш папа. Я-то знаю..." Что нам остается делать сегодня? – Сверять свои жизненные устои с родительскими, и в этом залог нашего благоденствия, наших детей и внуков.

Я же не забуду, как он определял мою судьбу. Закончив школу, поехала в город на Неве, сдала документы на факультет востоковедения. То было пожелание папы. Каким все же был провидцем, как предвосхитил он мое будущее. Ведь в сегодняшней жизни очень востребованы родной язык, знание других иностранных.



Поочередно вылетали из родительского гнезда младшие братья и сестренки. Мы, спустя годы, поражались: как папа, при своей огромной занятости урывал времечко, чтобы написать письмо своим студентам. В Москву Эдику, Боре, в Томск Зое, младшей Люде. Какие это были трогательные, ободряющие письма. Если бы мы были на краю света, он был бы еще ближе. Мне он писал: "Доченька, трудись во благо всему. Ибо труд, где бы ни был человек – самое главное в жизни..." По себе мерил, по-своему и наставлял.

Удивительно, как папа распознавал то, что должно было стать главным делом жизни у каждого из нас. Итогом стало то, что среди нас есть педагог, это я. Далес два доктора – технических и медицинских наук, один кандидат наук, высокопрофессиональный специалист автоматизированных систем управления, член-корр. Международной инженерной Академии, т.е. по порядку – Эдуард, Зоя, Борис, Людмила, Анатолий. От их имени я излагаю здесь семейное бытописание, волнуясь и переживая. Такие же чувства испытывает каждый из нас при воспоминании о наших незабвенных родителях.

Его слово было для нас законом. Когда у Бориной жены, славянки Натальи родился первенец, он радостно выдохнул: "Слава богу! И назовем пацана Славой". Вот так. Непререкаемым был его авторитет в нашем большом роду, окончательным было его слово – всегда разумное, доброе и для нас вечное. Во многом папа помнится сегодня рассудительным и мудрым. Пифагор, которого знают лишь по его теореме, между прочим, вошел в историю и своими бессмертными изречениями. Одно из них гласит: "Как ни коротки слова: "да", "нет", "все же они требуют самого серьезного размышления". Когда я первая осела в Алма-Ате, к нам потянулись другие родственники, всем надо было помогать (жилье, поддержка на первых порах и т.д.). За всем этим стояло родительское "да", обязательно, это родственный долг. И мы не могли ослушаться отцовского наказа.

Его доброта выходила из границ обычного представления о доброте. Отчетливо помню случай, было это где-то в середине 50-х годов. В одной корейской семье "испекся" первый дипломник алма-атинского университета. Папа сделал званый ужин, пригласил счастливых родителей. Сюрприз, так сказать. Говорил: я тоже счастлив, так как вижу, что наша нация не пропадает, а вопреки всему, поднимается с колен. Видимо, тот пример для него был очень значимым, наглядным. Мы тоже, все его

шестеро детей, исполнили его мечту, встали на крыло. И сегодня, как и наши родители, вкладываем все лучшее, ляновское, в своих детей и внуков.

Заветы отца были просты и мудры: трудиться, не завидовать, быть в крепкой семейной спайке, все блага – и материальные, и духовные посвящать следующим за нами поколениям. А что может быть выше данных заветов на этом огромном белом свете? Ответ нам дал наш замечательный, единственный и неповторимый Отец, которого мы бережно чтим, любим и поминаем во все времена. Он для нас святая икона!

ВОТ ТЫ И ВЕРНУЛСЯ ИЗ ЛЕГЕНД...

(1905-1983)

На публикуемой фотографии мой родитель – Сон Хон Мук, по советскому паспорту Сон Хон Ефим Ефимович. Снимку более тридцати лет. Мне всегда тяжело видеть его таким: в памяти он другой – жизнерадостный, мудрый, доброжелательный. А на фото – надрывная тоска, гнетущее отчаяние и ничего от светлой печали. Это выражение его лица помнится в дни смерти Сталина в 1953 году, оно не покидало его и в 54-м, в ожидании весточки с далекой родины, которую он покинул в 20-е годы прошлого века. Она, долгожданная весть, пришла к нему из корейской автономной провинции Китая, во многом неутешительная, потрясшая его сердце. Отец написал ходатайство в Москву с просьбой разрешить выезд. Ему, в порядке исключения, дали визу, документы были подписаны министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым. Это я отчетливо помню, мне было 12 лет.



Рассказать об отце меня побудила недавняя публикация в “Коре ильбо” – “Под грифом “совершенно секретно” или обет молчания” (11.03.2005 г.). В том материале есть волнующий факт: “Он сумел доказать, что являлся бойцом невидимого фронта. И снова – подписка о неразглашении тайны...”. В отличие от П.А. Пака Е.Е. Сон Хону такие доказательства не были нужны, но тайну военных лет хранить был обязан. И хранил ее до определенного времени и в определенных рамках. Признаться, я почти ничего не знаю о прошлом своего отца, помню только, что в семье нет-нет да прорывался в разговоре родителей тот или иной эпизод. Мать незлобиво укоряла его, вспоминая, как ей было нелегко,

когда он неожиданно исчезал, причем на длительное время, а у нее на руках оставалось четверо детей. Я, к примеру, родился в 1942-м, в его отсутствие. Затем появлялся и опять исчезал. Так было в 1944-м, а в 45-м родился еще один братишка. Узнать прошлое об отце помогла “Казахстанская правда”. Десять лет назад был опубликован материал под заголовком “Переход через границу был единственным заданием связного Рихарда Зорге” (16.02.1995 г.). Вот что поведала та публикация: “...Уже четвертые сутки идет непрерывная погоня за ускользящим беглецом, рвущимся на север в сторону России. Преследователи, японские гоминьдановцы, постоянно опаздывают, потому что не понимают тактики беглеца, да и просто физически не могут его настичь. Он как призрак растворился в лесах Маньчжурии. Беглец – молодой кореец, по-русски зовущийся Ефимом, хорошо говорит на китайском и японском языках. И это помогает ему свободно проходить через многочисленные поселения.

...Чутьем разведчика Ефим понимал, что далеко оторвался от преследователей, но он не знал, что гоминьдановцы уже арестовали его братьев... Об арестах братьев он узнает только в 1954 году”.

Подлинная история не допускает неточностей, домыслы и фантазии непростительны. Потому изложенное в “Казахстанской правде” мною закавычено, а некоторые, на мой взгляд, сомнительные эпизоды опущены. Статья в уважаемой газете написана со слов родственника, и кое-где в ней допущены неточности. Но бесспорно одно: Сон Хон Е.Е. выполнял задания чрезвычайной важности, у него был один-единственный сеанс связи с разведкой Рихарда Зорге. Еще ранее “после спецподготовки он отправлялся в путь с одной единственной задачей: найти нужного человека и передать ему несколько фраз, смысл которых для Ефима Ефимовича был непонятен... А спустя много лет во время просмотра франко-итальянского фильма “Кто вы, доктор Зорге?” Сон Хон в одном из связных Рихарда Зорге узнал себя...

Когда началась Великая Отечественная война, Ефима Ефимовича на фронт не взяли. По поселку Каркаралы Карагандинской области, где он жил в то время с семьей, прополз слух, что его переводят инспектором районо в другую республику. И вправду, он уезжает в Ташкент, где его готовят к ответственному заданию. Но спустя три месяца возвращается, так и не поняв, почему отменили заброс связного. Все проявится позже. Именно в то время Сталин узнал, что Рихард Зорге аресто-

ван и находится в японской тюрьме. Всех связных, в том числе и первую жену Зорге, должны были уничтожить. Ефим Ефимович в живых остался чудом...”

После войны наша семья жила в селе Новоишимке, затем Елизаветинке Акмолинской области, где отец был завучем, директором средней школы. Как сказано в “Казахстанской правде”, о прошлом в годы войны он не распространялся – обет молчания. Но с 60-х гг. в памятные даты Великой Отечественной он стал награждаться юбилейными медалями, а в 1975-м, в год 30-летия Победы, ему был вручен орден Отечественной войны II степени. За учительский труд – орден “Знак почета”. Отец в 30-х гг. окончил химический факультет Дальневосточного корейского института. А еще ранее, в 20-е, он жил в Приморском крае, покинув родную Маньчжурию, когда ее оккупировала Япония. Два младших брата отца – Сон Хон Гук и Сон Хон Юн – были арестованы японскими властями “за связь с красным братом”. Они отсидели в тюрьме близ Сеула восемь лет. Японские надзиратели отличались особой жестокостью, и наши узники вышли на свободу покалеченными. В долгой разлуке, не дождавшись встречи со старшим сыном Хон Муком, умерла мать. Ушел из жизни другие родственники. Все эти горестные вести он узнал только в 1954 году.

Полагаю, заслуги отца были весомыми, если ему незамедлительно разрешили не только свидание с родными, но и дали “добро” его братьям на переезд из Китая. Действительно, начиналась “оттепель”. Братьев с семьями он привез в середине 50-х гг., они жили в Целинограде, здесь и похоронены. Никогда они не укоряли моего отца за случившееся. Но у него очень часто, наедине, было то выражение на лице, что на снимке. И в последние дни своей жизни оно было таким...

В далекие уже 60-е годы, когда из небытия стали возвращаться имена бойцов незримого фронта, особенно ярко светилось имя легендарного советского агента, которому поэт Е. Марков посвятил такой стих:

Вспоминают: был такой агент...

Спрашивают – кто Вы, доктор Зорге?

Вот ты и вернулся из легенд –

Призрачный, неистовый и зоркий.

Наше сегодняшнее время прекрасно тем, что действительно из легенд возвращаются дорогие имена, а сами легенды оборачиваются исторической явью. Тот же Петр Андреевич Пак из Караганды или

мой родитель. Они тоже были на передовой, но под грифом "совершенно секретно". А если органам надо было как-то ответить на тревожные запросы корейских семей, им приходили вполне убедительные документы. У моей матери хранилась справка, доставленная полевой почтой 24 апреля 1944 г. "Дана настоящая гражданке Тен Су Ден в том, что ее муж Сон Хон Ефим Ефимович, рождения 1905 года, находится на службе в Красной Армии с 10 марта 1944 года, службу проходит при в/ч п/п 64724. Командир в/ч п/п 64724 майор Ашаров".

Но мы теперь знаем, какая это была служба. Та материнская справка хранится у меня...

Владимир Сон

ТЕТЯ ЛЮБА-ПАРТИЗАН

(1912-1997)



У этой женщины было четыре имени. Те Ин Су – от рождения на исторической родине. Цой Ин Су по советскому паспорту. В той советской жизни в официальных случаях ее называли и Любовью Александровной. А четвертым, неофициальным, но самым почетным ее именем было вот это – легендарное, полное почтения и огромного уважения – тетя Люба-партизан. Такой она помнится двум, трем поколениям коренных жителей Акмолинска, Целинограда, Астаны.

В 70-летие проживания корейцев в Казахстане на ее судьбе стоят знаковые отметины: 95-летие со дня рождения и десятилетняя годовщина со дня кончины. Ее жизнь вместила в себя самые яркие и самые трагические события XX века: патриотическое участие в борьбе за освобождение Родины от японского колониализма и тотальный геноцид против советского народа, частью которого она стала в 30-е годы. А до этого молодая, страстная патриотка Ин Су героически отличилась на передовых позициях этой борьбы. Вот что писала в свое время казахстанская газета "Азамат Таймс": "У бабушки Любы удивительно цепкая память. Она хранит мельчайшие детали событий более чем полувесковой давности. Перемежая русские слова с корейскими, она, энергично жестику-

лируя, рассказывает о днях своей далекой юности... Ин Су вела пропагандистскую работу среди местного населения в Маньчжурии, была агитатором в партизанском отряде. Она была девушкой неробкого десятка, очень выносливой. Могла сутками не спать и не есть. Творимые японцами зверства только укрепляли ее силы и решимость бороться до конца. Позднее она стала рядовой пулеметного отряда...".

Ее боевые заслуги были отмечены особо: в группе лучших защитников Родины она отправляется в Советский Союз на учебу. Дар судьбы, счастье? Нет, это стало роком судьбы, бездной несчастий, обрушившихся на молодую героиню. На границе они были арестованы, обвинены в шпионаже. Далее пошли по этапу Комсомольск-на-Амуре, Тюмень, Сыктывкар Тайга, жуткие сталинские лагеря. Они стали жителями, контингентом "Архипелага ГУЛАГ", который открыл и – воспел (!) Александр Солженицын. Да, воспел. Ибо он явил миру неистребимый дух человеческого достоинства, воли к жизни, сочувствия и сострадания к сокамерникам, оказавшихся в иной, чудовищной реальности, сотворенной "вождем всех народов". Любовь Александровна отбыла десять долгих лет в тех страшных лагерях. Далее она вспоминала: "Мы работали очень хорошо. Каждый из нас дорожил званием корейского партизана. Мы боялись уронить это звание в глазах советских людей и стремились из всех сил ударным трудом утверждать это...". Там ее стали называть русским именем Люба. У нее сохранилась даже грамота за "ударный социалистический труд".

Потом она попала в Коми АССР, на кирпичный завод. Каково было там? – "Бывало, утром на работу выходило 500 человек, вечером в бараки возвращалось 300".

Освобождение от жуткого рабства настало в 1947 году. Долгожданная свобода. Но в чужой стране, когда о возвращении на Родину не могло быть и речи, неважный русский язык. Дальнейшей судьбой правил случай – она подалась в Узбекистан, где по слухам находились дальневосточные корейцы. Двадцать лет прожила в колхозе под Ташкентом. Встретился добрый, хороший тихий человек Ким Кван Дюн. Родился сын Виталий, жизнь налаживалась. Работали на земле. Потом своим появлением на свет порадовала дочь Тамара.

Она была благодарна судьбе, первым людям, которые встретились тогда здесь – узбекам, корейцам, русским. Но так складывалось, что над бывшей ни в чем не повинной политкаторжанкой нет-нет да и сгущались



зловещие тучки. Так при попытке узаконить новое свое местопребывание, спустя годы, ей стали вчинять "политическое прошлое", потребовали в течение суток покинуть Ташкент. Так она оказалась недалеко от Акмолдинска, в селе Рождественка. Снова работа на земле, в совхозе "Октябрь". Трудилась славно, была бригадиром, был большой авторитет. Дети подросли, решили осесть в городе. Здесь купили дом. Виталий стал студентом техникума. Он-то и нанес родителям страшную сердечную рану. Его, доброго славного мальчика убили в парке какие-то молодые не люди. Эта сердечная рана кровоточила у тети Любы до последних дней ее жизни.

В начале 90-х годов собрание целиноградской корейской общины посетил известный народный академик Пак Ир Петр Александрович. Он был наслышан о легендарной тете Любе. Когда их стали знакомить, этот большой уважаемый ученый трижды свершил для нее восточный обряд почтения. Поклонимся и мы ей сегодня, нашей дорогой партизанской тете Любе!

Х. Максимов

Профессор ЛИ в математике

(1933-2003 гг.)



В этом научном мире есть математические: индукция, картография, лингвистика, логика, статистика, математический маятник. В занятой же математике есть "число рождения", "число имени". Словом, не такая уж сухая эта штука математика, и, кроме величайшей пользы для человечества, конкретному любителю она доставляет еще и громадное удовольствие. Царица наук.

В наше время немного, видимо, ее верноподданных, но они есть! В Астане – это Владимир Александрович Ли, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, ветеран кафедры математического анализа. Последний из могикан – без малого сорок лет на этом месте. Точнее будет сказать – на своем месте человек. Именно он уже не одно поколение студентов и школьников влюбляет в эту науку, подчас помогает молодежи выбрать единственно верное дело жизни. И не случайно потребовалась такая прелюдия к этим замечкам о профессоре, ведь математике в современной жизни отведена особая роль.



Поводом же сообщить о роли самого профессора Ли стали последние события в университете. Здесь состоялся очередной Международный турнир по математике. Это – престижная математическая олимпиада, проводимая в различных странах мира. Израиль, Австралия, США, СНГ. Много лет назад инициатива олимпиад родилась в Москве на базе МГУ и МФТИ, у истоков стоял профессор Н. Н. Константинов. Особенности турнира: он проводится в странах одновременно, в одно из весенних воскресений, в один и тот же час. Участниками могут быть все желающие школьники 8-11 классов, без предварительного отбора. Каждое задание снабжено априорной оценкой в баллах, о которой участники оповещены. Оргцентр находится в Москве.

Нынешний турнир городов в казахстанской столице юбилейный. В 1983 году Владимир Александрович “зажег” талантливую молодежь участием в Международной математической олимпиаде, которое с тех пор для казахстанских школьников стало традиционным. В 2003 году турнир юные математики и педагоги посвятили своему прекрасному мэтру, приурочив эту дату к еще одному вековому событию – приближающемуся 70-летию профессора Ли.

В торжественной обстановке главный специалист Минобра Л. М. Забара, завкафедрой ЕНУ Н. Т. Темиргалиев, директора лицеев с математическим уклоном Э. Э. Кречетова, Г. М. Дзюба отмечали замечательный вклад Владимира Александровича в выявление и пестование юных дарований, его неутомимую работу. Нурлан Темиргалиевич Темиргалиев подчеркнул те черты профессора Ли, которые выделяют его в среде ученых: терпение, доброжелательность, последовательность. Родоначальник математической школы в степном Приишимье предан своему принципу: в молодежь надо верить, она талантлива. Подтверждением служит вручение перед началом этой олимпиады дипломов победителей за 2001-2002 годы, их обладателями стали семеро юных казахстанцев, двое из которых сегодня являются студентами казахстанского филиала МГУ имени Ломоносова, один воспитанник учителя в Новосибирском академгородке.

В юбилейном турнире имени профессора В. А. Ли приняли участие около двухсот школьников. Отобраны семь лучших, оригинальных работ, которые отправлены для оценки в Москву.

2003 год.

❖
...И в памяти

Часы, накрытые стаканом. Что бы это значило? В аудитории зум, напоминает передачу "Что? Где? Когда?" Наконец, осенило: часы – это время, и рядом стекло. Время истекло! 1001 – о чем эта цифра? – Это число прекрасной Шехерезады.

Так с легкой разминки началась финальная, заключительная и самая приятная часть математического турнира памяти замечательного педагога высшей школы, профессора Владимира Ли. Нынче это третий турнир в столице. Благодарные его питомцы, выпускники Целиноградского педагогического института, в год его кончины заложили эту традицию, тем самым бережно чтя память о прекрасном Учителе, привившем настоящую любовь к математике, царице наук. Душевный, чуткий человек, искренний интернационалист, истинный интеллигент – таким он оставался в памяти поколений студентов. Неустанный энтузиаст своего педагогического дела, а им он считал привитие любви к математике, казалось бы, к такой строгой, порой скучной дисциплине. Но его дело в столичных школах, лицеях продолжается, и успешно. Директор экономического лицея № 9, воспитанница профессора Татьяна Ивановна Ильященко отмечает: именно наш математический турнир в городе самый яркий, привлекательный, нынче в нем приняло участие более двухсот школьников и лицеистов. Много доброго, разумного и прекрасного узнали о Владимире Александровиче Ли те, кто впервые участвовал в турнире. Профессор-энтузиаст был инициатором, основателем в республике математического турнира городов, многие ученики в советское время блестяще сдавали вступительные экзамены в лучших вузах страны – Москве, Ленинграде и т.д. Казахстанский турнир перерос во всесоюзный, затем международный. Об этом вспоминали выпускники физико-математического факультета ЦГПИ, ныне Евразийского университета им. Л. Гумилева, Э.Э. Кречетова, Г.Д. Курунса, Г.К. Апсева, М.П. Кольцов, они продолжатели педагогического и математического наследия своего любимого профессора, благодаря им пополняются ряды одаренных детей. Очередным убедительным подтверждением стали последние результаты. В церемонии награждения вне конкурса турнира были названы Лея Хасенова, Тамара Нестерова, Чингис Нуразханов, Адилшан Исмаилов. Они только что вернулись из Москвы, где состязались на

открытом математическом турнире российских регионов. Из бывших советских республик были только они, казахстанцы. Из 37 российских команд старшей группы наша четвёрка заняла седьмое место. Вполне достойное место! Достойные “математические внуки” профессора Ли!

Магия математики очаровывает, завлекает, магия личности Учителя пленит необъяснимым волшебством – таковы чувства от этого турнира. Педагоги благодарили всех участников, филиал АКК за спонсорскую помощь, победителям вручены памятные дипломы, ценные подарки. И еще одно общее решение принято в завершение – в будущем году пригласить на турнир маму профессора Дю Дон Ир, которой недавно исполнилось 97 лет; она бодра, жизнелюбива. В этой цифре – своя магия.

“ки”.

ЦОЙ Анатолий Александрович

(1937-2000 гг.)

Родился в 1937 году в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области в семье служащего. В 1940 году семья переехала из Петропавловска в колхоз “Алга” Каратальского района Алматинской области.

В 1948 году он поступил в начальную школу, а в 1952 году после смерти матери временно оставил учебу. И лишь в 1954 году возобновил учебу, поступив в среднюю школу имени Максима Горького в колхозе “Ленинский путь” Каратальского района. После блестящего окончания школы в 1958 г. Цой А. А. поступил в Казахский Государственный университет им. С.М. Кирова, на химический факультет. В 1963 году после окончания университета по распределению Министерства высшего и среднего специального образования Казахской ССР был оставлен в аспирантуре при КазГУ. В 1969 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата химических наук.

Имеет 6 авторских печатных статей и 3 авторских свидетельства, 4 заявки на изобретение и 3 статьи в печати. Многократно выступал с докладами на Всесоюзных и Республиканских конференциях и симпозиумах. Успешно разрабатывал каталитический метод синтеза ароматических аминов. Член КПСС. С 1970 г. по 1980 г. работал в должности



заведующего кафедрой химии Целиноградского инженерно-строительного института. С 1983 по 1999 годы на основании решения Совета института работал в должности доцента кафедры химии. За активную общественную деятельность неоднократно отмечался благодарностями в приказах ректора института, дважды награжден знаком "Победитель социалистического соревнования", его имя занесено в Книгу трудовой славы областного комитета профсоюза работников просвещения, ВШ и научных учреждений. Семья: жена, сын, две дочери

ЛИ Ерофей Антонович



Родился 7 июля 1915 г. в с. Августовка Дальневосточного края. В семье было четверо детей. Родители были простые крестьяне. Поэтому, как и большинство корейских семей, были заняты ежедневным тяжелым трудом, в котором принимали участие и дети. Но невзирая на тяжелый труд, недостаток еды и прочего, отец ценил и восхищался красотой и природным богатством Дальнего Востока. Его рассказы об уссурийской тайге, диком винограде, китайском лимоннике, жень-шене, о диких животных, нересте лососевых рыб были настолько живописны, что вызывали у меня непреодолимое детское желание побывать в этих краях и почувствовать то, что испытывал мой отец.

По характеру Ерофей Антонович был жесткий, дисциплинированный человек, требовательный к себе и окружающим, особенно к членам семьи. Но в душе он – эстет и гуманный. У отца было много друзей разных национальностей, и, конечно, с корейской диаспорой. Они дружили семьями. Я помню как они радовались друг другу при встречах, это особая атмосфера; национальные блюда, танцы и песни под барабан. Но это уже здесь – в Казахстане. А до этого отец, как и многие советские корейцы, прошел свои "университеты". Получив среднее образование, в 1936 г. отец окончил курсы инспекторов массовых платежей в г. Благовещенске. Проработав какое-то время в качестве инспектора, он поступит в г. Благовещенске в педучилище. Параллельно с учебой в педучилище отец занимается фото и живописью в изостудии. Одновременно заканчивает педагогическое училище и курсы художников-оформителей.

В начале 40-х вместе со многими переселенцами Ерофей Антонович попадает сначала в Узбекистан, а затем на юг Казахстана. Здесь он женится, а после трудармии переезжает в город Акмолинск. Здесь и происходит все его становление. Он перевозит семью: жена – Ким Татьяна Ивановна, дочь – Светлана. Здесь родился я.

С 1955 г. по 1958 г. он работает в редакции областной газеты “Есил правдасы” в качестве фотокорреспондента. Затем художником в художественной мастерской при Акмолинском областном музее.

С 1960-1964 годы – художник в Акмолинском горпромкомбинате “Реклабюро”.

С 1964-1975 годы – художник-оформитель Целиноградского отделения фонда Союза художников.

С 1975 года – пенсионер, имеет правительственные награды.

Умер 12 июля 1989 года.

Отец оставил добрую, светлую память о себе.

Сын Виталий, художник.

КИМ Леонтий Матвеевич

Родился 2 января 1933 года в Хабаровском крае. В 1937 году родители были репрессированы и семья выслана в Казахстан.

В 1956 году после окончания Алмагинского государственного медицинского института начал трудовую деятельность врачом-хирургом во 2-ой городской больнице г. Акмолинска.

За короткий промежуток времени вырос от рядового врача-хирурга до заведующего хирургическим отделением и главного врача больницы.

В 1967 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему “Травма груди мирного времени”. В последующие годы – доцент кафедры факультетской хирургии Целиноградского государственного медицинского института.

Имеет троих детей и семерых внуков, из них старший сын и двое внуков посвятили себя медицине.

В 1989 году выехал в Россию на постоянное место жительства.

Умер 18 мая 2007 года в городе Москве.



Цой Геннадий Александрович

(1938-1979 гг.)



Родился в столице Еврейской автономной области г. Биробиджане Хабаровского края. Родители Цой Хен Гук и Тянь Тянь Хи были подвергнуты депортации в Казахстан, г. Акмолинск.

После окончания средней школы работал в системе Целинэнергопоездов. В 1962 г. поступил в Целиноградский строительный техникум, который закончил с отличием, получив специальность по профилю “Промышленное и гражданское строительство”.

Трудовую деятельность на этом поприще начинал мастером, прорабом в тресте “Целиноградстрой”, затем руководителем подразделения в мехколонне № 56. Будучи производственником, Геннадий Александрович успешно сочетает работу с заочной учебой в Целиноградском сельхозинституте на факультете электрификации.

В 1973 году Г.А. Цой по рекомендации вышестоящих органов назначается сначала председателем районного, а вскоре областного объединения “Целинколхозстрой”. На этой ответственной должности он был до 1979 года. За это время в области под его руководством была проделана большая работа по строительству и благоустройству целинных сел, формированию и совершенствованию сельской инфраструктуры. В 1979 году Геннадий Александрович трагически погиб при исполнении служебных обязанностей.

Цой Г.А. за годы напряженной работы на разных участках неоднократно представлялся к поощрениям, в частности, поездкой во Францию. Награжден медалями “В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина”, “За освоение целинных и залежных земель”, Почетными грамотами.

У Г.А. Цоя два сына, дочь. Жена Галина вырастила их высокообразованными людьми, они успешны в своей жизни. Геннадия Александровича с благодарностью помнят все, кто в те далекие годы был с ним рядом, работал, дружил. Память о добром, хорошем человеке всегда долгая и крепкая.

ТОТ НОВОГОДНИЙ БАНКЕТ...

Ли Николай Сун-ченевич

(1922-2002 гг.)

Уроженец Приморского края. В 1937 году депортирован в Казахстан. В годы Великой Отечественной войны был мобилизован в трудовую армию. Всю последующую жизнь прожил в селе Кирово (ныне Коктал, микрорайон Астаны). Был механизатором, автоводителем. Тихий, скромный человек. После выхода на пенсию осел в городе, но и здесь о себе громко не заявляет. Но значит ли это, что такой человек не имеет своего мнения, своей житейской философии? Как сказать... В конце 90-х годов как-то пересеклись наши пути, итогом стала зарисовка в газете об этом по-своему замечательном человеке. Заголовок той публикации – “Время, вперед!”. Ниже – часть того материала.



Каждый человек по-своему может остановить мгновения, иные, не запечатленные в строке или на фото, остаются памятной зарубкой на сердце до конца оставшихся дней жизни. Это к рассказу о дяде Коле Ли, старожилу Акмолы – Целинограда – Астаны, если не считать “до 1937 года”. Для него у меня всегда припасена стопка-другая его любимой лимонной водки, но не поэтому захаживает частенько – любит, когда его слушают. Недавно же “нарисовался” вне графика и сразу с порога: слушай, давай гамбургский счет. Поначалу я не понял, о каком счете речь. Проясняется: накануне посмотрел телпередачу на КТК “По гамбургскому счету” с участием президента Ассоциации корейцев Казахстана, поэтому, давай, поговорим. Вообще дядя Коля скептик во многом, но эта передача его “достала”. Возбуждился старик, с удивлением и восторгом цокал: молодец, хороший этот мужик – Юрий Цхай, передай ему через газету новогодний привет. А корреспондент противный, почему схибно спрашивал – зачем корейцам политика? Правильно ответил Цхай, для того, чтобы влиять на эту самую политику. Он, что, издевался, когда задал другой вопрос, а почему все корейцы решили голосовать за Назарбаева, ведь особенно в селах они тоже бедствуют. Юрий что ответил? Соберем все материалы о корейцах и в конце января пойду в правительство. За народ надо болеть, сколько можно страдать? А Цхай хочет нас всех объединить, правильно делает.



Под шумок, зная возраст моего “лимонного” визави, справляюсь о здоровье. Ничего, ответствует, еще поскриплю. И зная день его рождения, прошу что-нибудь вспомнить, ну, как отмечал его тогда в сороковыс, когда был в трудармии. Дядя Коля оживился вновь. Ты же знаешь, именины у меня первого января. Тогда, в Тюмени, мы работали на лесоповале, не до именин было. Я сильно переживал за семью, детей. Письма приходили – комок в горле вставал. Но как-то перед Новым годом жена написала, что дети перестали болеть, родственники помогают, и ты держись, скоро пришло посылку. Прислала, там, между прочим, была бутылка водки. И решил я угостить своих ребят, голод все время мучил. Знаешь, честно? – только пусть в газете поместят. Секретно прижучил одну дворняжку, закопал в снегу. 31 декабря я обещал ребятам “дать банкет”. Время к двенадцати ночи, а меня все нет. Ну не буду же я варить мясо в бараке, тем более среди едоков были русские, украинские хлопцы. А когда начали отмечать, я только успевал подкидывать добавки.

Хлопцы восторгались: “Микола, ну яка же вкусятина твоя похлебка, треба добавки”. Я был счастлив. Потом стали допытываться, где я надыбал такого мяса? Пришлось сознаться. Думал, будет скандал. Какое там... Сделали новый “заказ”.

Тогда и признался, что у меня день рождения. Тут начали совать подарки, кто что мог: читанную книгу, кальсоны, носки. Один подарил портсигар, вот он, больше пятидесяти лет прошло.

Знаешь, на прощание в этот раз сказал дядя Коля, мне же через год стукнет 80. Я счастлив, что дожил до сегодняшнего дня, хотя и нелегко сейчас. Радуюсь, видя, как на глазах город становится картинкой. Хоть и тяжело, наверно, должно быть лучше, а? Время-то идет.

Да, ты прав, дядя Коля. Время идет...

P.S. Старшая дочь Н.С. Ли Клавдия Николаевна заключает: наши родители были скромными, работающими людьми. Я старшая из трех сестер и двух братьев, недавно стала пенсионеркой. Для нас старшее поколение – пример во всем. Как надо и как нельзя жить. Отец, при том, что не был знаменит, всегда будет для нас образцом – чести, человеческого достоинства. Низкий поклон ему и его поколению.

ХАН Анатолий Матвеевич

(1936-2002 гг.)

Родился в Приморском крае Российской Федерации. Окончил Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства (ЧИМЭСХ) в 1960 году по специальности "Механизация процессов сельскохозяйственного производства". Кандидат технических наук (1971 г.), ученое звание доцента присвоено в 1977 году. С 1972 года заведовал кафедрой "Автомобильный транспорт" в Целиноградском инженерно-строительном институте.



В течение всей своей творческой и научной деятельности написал более 120 научных трудов (статьи, методические указания, пособия), издал 3 монографии и 3 книги, одна из которых является учебником.

Анатолий Матвеевич Хан отличали такие черты ученого как системный подход к изучению проблемы, рациональность, максимальная эффективность и плодотворность научных изысканий, высокая отдача в практическом применении. Вдумчивый, скромный в сочетании с высокой требовательностью к себе и студентам А.М. Хан имел подлинный авторитет среди научной общественности и молодежи.

КОРЕЙСКИЙ КОЛХОЗ НА БЕРЕГУ ИШИМА

СИМ Алексей Иванович

Я, Сим Алексей Иванович, родился 9 февраля 1928 года в городе Биробиджане Еврейской автономной области ДВК. Наша семья жила в пригородной деревне, на базе которой в 1929 году образовали колхоз им. Карла Либкнехта. Мой отец – Сим Ын Гу (1890 г.р.) считался середняком. Они с матерью – Ким Сен Не (1891 г.р.) имели хороший дом, огород, двух лошадей и прочую живность. Лошадей он очень любил и гордился ими, так как дались они ему тяжким и долгим трудом. Когда их насильно взяли в образующийся колхоз, он не находил себе места. Сильно обиделся и не захотел вступать в колхоз. Мы переехали в город Биробиджан, где отец





устроился чернорабочим на кирпичный завод. Мать тоже стала ему помогать. Здесь следует сказать, что родители мои родились и провели свои юные годы в Корее, в деревне у города Кирчу. У отца были мать и двое младших братьев. Жили крайне бедно. Нанимались на заработки к богатым людям. В 1910 году мои родители поженились. У них родился сын, но потом, в пятилетнем возрасте, умер.

Примерно в 1912 году отец один отправился в Россию на заработки. Таким образом он и оказался в окрестностях г. Биробиджана, который прежде являлся небольшой станцией Тихонкой (или Тихоновкой). В близлежащих деревнях, вместе с другими корейскими переселенцами, они занимались земледелием, иногда с русскими лесорубами отправлялись на лесозаготовки. Изредка отцу удавалось передать с оказией матери и бабушке немного денег. Мать очень ждала его возвращения. А у отца была мечта поднакопить денег и вернуться в Корею, купить там немного земли, построить хороший дом, обзавестись хозяйством. Ведь его семья жила в жалкой хижине и терпела большие лишения. Но, увы, накопить денег у отца никак не получалось. И тогда, в 1926 году, моя мать и бабушка сами присхали к отцу, ведь в ту пору переезд через границу был еще относительно свободный. Тогда-то и начало у них потихоньку все получаться, пока не грянула коллективизация.

В октябре 1937 года пришла черная весть о нашем выселении. На сборы дали несколько дней. Работники НКВД часто делали обыски. В городе корейцев жило немного, в основном они были в деревнях. Погрузили нас в товарные вагоны, по 5 семей в каждом. Мне тогда было 9 лет, кое-что запечатлелось в памяти. В вагоне были двухъярусные полки по обе стороны, в проходе стояла буржуйка, на которой мы по очереди грели немудреную похлебку и кипятили чай. На стоянках гурьбой бегали за водой и в туалет. Когда проезжали Байкал, там задержались подольше.

Привезли нас в конце октября 1937 г. на станцию Шортанды Акмолинского района. Поместили в конюшне, каждой семье досталась одна клетка. Продержали около недели и стали отправлять по "точкам": 10-я, 13-я, 31-я, 32-я... Мы попали на 32-ю, потом на ее базе организовали совхоз "Родина". С нами оказались и два брата отца с семьями, которые прежде жили в биробиджанском колхозе им. Карла Либкнехта.

На "точке" нас подсеяли на квартиры местных жителей. До нас такой же путь прошли в 1936 году поляки. Весной 1938 года наша семья, вместе с другими, перебралась во вновь образуемый корейский колхоз им.

Карла Либкнехта, на базе бывшего совхоза Каруголь, что в 12 км от Акмолинска. Во время этого переезда сильно простудилась и умерла моя трехлетняя сестренка Роза. А спустя год, уже в корейском колхозе, умерла и моя бабушка.

В это время там шло строительство жилья и нас временно поселили в домишке из земляных пластов, на берегу реки Ишим. Только спустя год мы перебрались в новый дом. Климат был для нас суровый, поэтому некоторые семьи потихоньку стали переезжать на юг Казахстана и в Узбекистан.

Отец стал работать колхозником, был ударником труда. Мать тоже трудилась в овощной бригаде. У нас появилась корова, обзавелись огородом. Я стал ходить в школу, семь классов окончил в 1944 году. В этот же год меня приняли в комсомол. Комсоргом тогда была Цай Анастасия.

Помню, когда мы приехали в корейский колхоз, там жили 10-12 казахских и русских семей. Их дома, в основном саманные, располагались вдоль берега реки Ишим. Это было довольно живописное место. Среди тех поселенцев хорошо помню такие семьи как: Байтаковы, Мусатаевы Сулейменовы, Сыздыковы, Танкеновы, Северины, Карапыш, Галкин, Гринь, Артемовы, Подлесные. Некоторые из продолжателей этих фамилий живут в том селе до сих пор.

И смешно и грустно сейчас вспоминать откровенные признания местных мальчишек, которые спустя некоторое время после того, как мы подружались, доверительно сообщили, что накануне приезда в село корейских переселенцев их пугали "корейцами-людоедами"... Однако встретившись с нами и быстро найдя общий язык, местные дети и взрослые поняли бредовость тех слухов, которые о нас кем-то видимо распространялись. Со старожилками мы стали жить дружно, во всем помогая друг другу. Например, мой отец больше всех был дружен с Борисом Севериным, с которым вместе работали в поле, нередко делились скудной домашней едой. У меня хорошим дружком был Нурлан Байтаков, с которым сидели в школе за одной партой.

Кстати, о школе. Мерзли мы в ней зимой изрядно. Часто сидели на занятиях в верхней одежде. Дров было очень мало. Мы сами их пилили, кололи и топили ими печь. Довольно рано, с четвертого класса, нас стали привлекать на летних каникулах к полевым работам в колхозе, в основном – на прополке.



Когда началась война, отца в трудармию не взяли по возрасту. Но мы его дома почти не видели, он все время пропадал на работе. Нередко ездил по соседним колхозам, обменивая наши овощи на зерно, так как в нашем хозяйстве оно выращивалось в малом количестве. В труде отец был безотказен, выполнял любую работу. Часто недоедал и перемерзал. От непосильного труда в августе 1944 года он тяжело заболел и умер.

После окончания семилетки я решил продолжить учебу и в 8-й класс стал ходить уже в Акмолинске. С 1946 по осень 1947 года работал в корейском колхозе, в полеводческой бригаде, которой руководил Пак Пон-нок. Прервать учебу вынудила нужда. Но, все-таки, я вновь предпринял попытку вырваться из замкнутого круга и в 1947 году поступил в Акмолинский машиностроительный техникум. И опять нищета заставила временно отступить от намеченной цели. Жил к тому времени я в Акмолинске на квартире. Закончил трехмесячные курсы бухгалтеров и с января 1948 года стал работать по специальности в облбобесе.

Мать продолжала жить и работать в корейском колхозе до 1951 года, потом я взял ее к себе. Она умерла в 1962 году и по ее просьбе я похоронил ее в учхозе ЦСХИ, вместе с отцом. Я горжусь, что моя мама была награждена медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг."

С 1957 по 1961 годы я работал начальником финансового отдела Акмолинского обкома комсомола, там же меня приняли в члены партии. В 1965 году я заочно окончил Алма-Атинский институт народного хозяйства, по специальности экономист-бухгалтер. Более 16 лет трудился в системе объединения "Целингазификация". Сначала начальником планового отдела СМУ, а затем начальником планового, финансового отделов этого объединения. С 1987 по 1993 годы, до ухода на пенсию, работал старшим ревизором Дорстройтреста.

Женился в 1963 году на Тянь Ксении Борисовне (1937 г.р.). Она тоже финансист, до пенсии работала начальником планового отдела Ремстройтреста. У нас две дочери – Марина и Ирина. Первая окончила Целиноградский инженерно-строительный институт, а вторая – медицинский. По линии Марины у нас есть внук Алексей, мой тезка.

Сейчас идет возрождение нашей национальной памяти и самосознания. Появился и действует наш корейский национально-культурный центр "Дружба". В 1995 г. нам выдали справки о реабилитации, как пострадавшим от политических репрессий. Это даст право на некоторые



коммунальные и прочие льготы. Мы с женой благодарны за это нашему Президенту Н. Назарбаеву. Еще хотелось бы получать газеты, журналы о Корее, с их помощью не терять связь с исторической родиной. Это очень важно как для нас, так и для наших детей, а теперь уже и внуков.

ТЯН Ир Сен

(1909-1992 гг.)

Родился в 1909 году в семье крестьянина на острове Попова Владивостокского округа Дальневосточного края. В 1921 году начал учиться в школе в селе Инсудон Шкотовского района ДВК, а уже с 1924 года стал работать с отцом в сельском хозяйстве. В 1927 году семья переехала на Красный перевал Ленинского района, где до 1931 года был тот же труд. В 1931 г. был выдвинут на комсомольскую работу, затем с 1932 по



1934 годы по направлению учился в совпартшколе г. Ворошилова. По окончании учебы Приморским обкомом ВКП(б) направляется пропагандистом в бухту "Средняя" Владимиро-Александровского района. Далее уже крайком партии направляет Тян Ир Сена пропагандистом в Бикинский район, затем партком в колхоз им. Сталина. В сентябре 1936 г. он выдвинут на должность инструктора Бикинского райкома ВКП (б), проработав здесь до сентября 1937 года. А уже в октябре он оказался в Казахской ССР, на руднике Бестюбе Сталинского (ныне Ак-Кольского) района Акмолинской области.

На руднике Тян Ир Сен проработал горным мастером до июля 1939 года. Затем судьба возвращает его к первоначальной профессии земледельца – его избирают председателем правления колхоза "Красный май" в этом же Сталинском районе, которым руководил до 1950 г. В октябре 1950 г. ему вверяется укрупненный колхоз имени Буденного, который он ведет до 1957 года. 1957-1959-е годы – управляющий строительным отделением совхоза "Завсты Ильича". 1959-1961-е – председатель колхоза "Хлебобоб". В июле 1961 года назначается директором Опытного хозяйства Целинной машиноиспытательной станции Целиноградской области. В этой должности он успешно работал вплоть до выхода на заслуженный отдых.



Награжден орденами Трудового Красного Знамени, "Знак почета", медалями всех рангов СССР. Почетными грамотами союзного и республиканского значения, являлся неоднократным участником ВДНХ – Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Партийный стаж – 55 лет. Отец пятерых сыновей и пяти дочерей.

ЕГО ЗВАЛИ "ЖЕЛЕЗНЫЙ Ю"



Каждая новая история, услышанная в той или иной корейской семье, когда разговор ведется о драме и трагедии 1937 года, потрясает своими невыдуманными сюжетами, невероятными поворотами судьбы, непредвиденным исходом. Так было и в этот раз. Но: никоим образом нельзя допускать вольности, домыслы, строить повествование на догадках. Поэтому звоню в Костанай ветерану местных СМИ Ким Зон Хуну, излагаю суть: в Астане Давид Югай рассказал о своем легендарном деду, звали его Ю И Тен, он похоронен в вашем городе. Что тебе известно о нем?

– О-о, этот человек, действительно, легенда, – восхищенный голос в трубке. – Он часто встречался с моим отцом, много было у них душевных разговоров. Я тогда был школьником, помню лишь отрывочно что-то о депортации, воспоминания-вздохи о далекой Родине. Но что крепко я запечатлел – это когда дядюшка Ю в праздничные дни, или когда шел к кому-то в гости – всегда был в военной форме. Его очень уважали в нашем городе, говорили – герой. Так что твой собеседник ничего не приукрасил. О нем надо непременно рассказать нашим людям.

И вот что рассказывал Давид Александрович Югай, доцент Евразийского университета:

– Мой дед по линии отца родом из Кореи. Его судьбина, как и тысячи других, одинаково схожа, в молодости он оказался в Приморском крае. Но еще до этого учился в Шанхайском университете на физико-математическом факультете, успешно закончил его. Удивительное совпадение: я тоже в советское время обрел эту специальность в Уральском педагогическом институте. Но речь не об этом. Дальше его судьба была более чем интересная. Он мечтал быть высококвалифицированным



военным. Не могу знать, как ему это удалось, но, видимо, такие будущие военные кадры, со знанием китайского, корейского и русского языков очень нужны были для советской страны и ее военного ведомства. Так блестящий молодой физик-математик стал слушателем Военной академии имени М.В. Фрунзе. Редкий случай, если не редчайший, но после успешного окончания академии российский курсант Ю И Тен был оставлен на преподавательской работе в этом военном учебном заведении, одном из лучших в СССР. Три года в стенах вуза показали – отличный спец!

И дальше ему светила, казалось, блестящая карьера. В послужной список вносятся записи: Северо-Кавказский военный округ, Ростов-на-Дону, оперативная работа, обучение молодых военному делу. Два года в молодости пролетают как миг. За это время было несколько командировок в Москву. Не стал неожиданностью очередной вызов в столицу, встреча с ней всегда была в радость, ведь у него было теперь столько друзей и коллег. Но... На Курском вокзале произошла “оглушительная” в прямом смысле слова встреча – его заковали в наручники, “воронок” следственный изолятор. На дворе зловеще мерцал 1937 год.

Давид Александрович сокрушается: нет в семейном фотоальбоме ни одной фотографии деда. А ведь были, говорит седовласый внук, где он в военной выправке, статный, красивый. Это может подтвердить газета, была статья о Ю И Тене в “Ленин кичи” лет сорок назад. Наверное, из этой публикации о моем знаменитом предке узнал репортер из Кореи, он приехал к моему отцу в Уш-Тобе. Несколько дней жил у нас, все выпрашивал, под конец взял все фотографии. Клятвенно обещал все вернуть. “До сих пор возвращает, – усмехается мой собеседник, – ищи теперь ветра в поле”. Дальше рассказ пошел веселее. Когда я был студентом в Уральске, дед неожиданно приехал ко мне. В первый день был в военной форме, говорил, что ему после реабилитации разрешили носить ее. Отчетливо помню ромбик в петлицах, такую форму носили выпускники военных академий. Он с ходу начал меня экзаменовать: а ну-ка дай определение “прямой”. Я что-то начал мямлить, что, дескать, нет такого определения, чего-то ты мудришь, абай, ну и т.д. И тогда мой дед-математик прочитал в нашей общаге великолепную лекцию о “Началах” Эвклидовой математики. Этот урок я пронес через всю жизнь. Помню и то, как ласково пожурил меня: такие знания необходимы в жизни, обалдуй, математика – царица наук.



А вот жизнь деда-политзаключенного, конечно, полна надрывного драматизма, страданий и тревог. Он был заключен в северные лагеря, где была длинная зима, тяжелые работы на лесоповале, свирепые псы-церберы, конвой, унижительные для кадрового офицера условия содержания. Обо всем не расскажешь, вздыхал, помню, дед. Страшно подумать: его шесть раз (!) приговаривали к расстрелу. Но в последний момент почему-то отменяли роковой исход. Какой ангел-хранитель витал над его судьбой? Наверное, многое было в его пользу: прежние заслуги, какая-то особая протестующая внутренняя сила, заставлявшая карателей отерочивать исполнение приговора. Но здесь надо воздать великое должное его жене Ким Любовь Даниловне, которая дважды прорывалась в приемную Вессоюзного старосты М.И. Калинина – с мольбой сохранить жизнь советскому офицеру. Дед рассказывал: в последний, шестой раз его уже вели на расстрел, и вдруг вынырнул “Виллис”, из него выскочил “двуногий пес” и дал отмашку – расстрел отменяется. Там, на зоне, Ю И Тена прозвали “Железный Ю”. То был особый лагерь, где томилась офицеры высшего состава, из воснной элиты и понятно, какой надо было быть личностью, чтобы удостоиться такого звания.

Он выжил! После отсидки дед всю жизнь вынашивал план мести тем, кто “настучал” на него. Их было трое, дальневосточников. И вот, представьте себе такое: в Узбекистане на луковом поле копошатся “кобондишники”, к ним приближаются молчаливые люди, на лицах сама суровость и решительность. Один из копошавшихся при виде их отпрянул назад, затряслись старческие руки, и хотя неожиданные визитеры еще не сказали ни слова, он забился в смертельной истерике: “Меня заставили дать на вас показания, я не хотел этого... Простите... Я сам всю жизнь мучился...”. Червяк. Ю И Тен молча смачно плюнул в его сторону и повернул туда, откуда пришел. А добирались сюда из Уш-Тобе, когда разыскали адрес подльца. Народных мстителей из них не получилось. И кому мстить? Те двое, оказывается, уже давно были съедены червями.

Давид Югай родился в первом году Великой Отечественной войны. Отца не знал до шести лет, он был в трудовой армии. Семья жила на 18-й точке, это в 18-ти километрах от Уш-Тобе. Югай Александр трудовую повинность отбывал в Туле, на угольной шахте. День возвращения отца помню как вчерашний, повествует не спеша пенсионер Давид. Мы играли с пацанами на улице. Видим, идет человек с вещмешком за плечами, в руках фанерный чемоданчик. Корсец Андрушка замер: неужели

это его отец, хотя у них дома было извещение о том, что он умер в трудармии. Нет. Незнакомец прямиком шел к нашему дому. С плачем выбежали мать, родственники. Возвращалась новая, спокойная жизнь. А я не мог привыкнуть к новому человеку в семье. Пять лет не мог называть его папой. Вот такое послевоенное детство. Спустя годы узнал о тяжелом прошлом своих родителей. Урожденные Посыетского района Приморского края. Холодной осенью 1937-го их выслали на руднике Жолымбет, это недалеко от Акмолинска, ныне Астаны. Вырыли землянки, не зная что в Северном Казахстане в них не спасешься. Спасло другое: вскоре корейцев перебросили на ту 18-ю точку близ Уш-Тобе, где прошла вся вторая "глава" их жизни. Образовали колхоз, дали имя Ворошилова, а рядом были 19-я, 20-я и т.д. точки. Потом и их поименовали "Достижение", "Дальний Восток", названия были громкими, патристичными.

Корейцы того времени добивались действительно настоящих достижений. Славилась невероятным упорством, трудолюбием. Отец был бригадиром на сахарных плантациях, рисосянии. В особом почете была моя мама Пак Татьяна. Она была много лет бессменной звеньевой, имела много наград. У нас в детстве была игра "в войну", так я цеплял себе на пиджачок все ее медали, ордена, пацаны были в восторге, а я гордился своей матерью. Она все отдавала работе, и нам, детям. Сама была аскетом. Помню, что у нее не было попервой даже праздничного платья. Как-то велено ей было явиться в клуб для получения очередной награды, а она не пошла, потому что после работы выстирала единственное платье, а высохнуть оно не успевало. Так на следующее утро председатель колхоза принес очередную медаль, а на веревочке притащил барана.

Мудрая мать у нас была. Даже из жизни она ушла с каким-то объединяющим всех нас символом. В 1998 году мы, двое братьев, две сестры съехались 7 ноября к матери, это было давней семейной традицией. Как чувствовали что-то. Да к тому же в будущем году матери бы исполнилось 80 лет. Славно отпраздновали бывший советский праздник, мама была очень радостной, но все заметили секундные проблески глубокой печали... Она тихо, безмятежно скончалась 9 ноября. Мы всегда видели, что по-своему она была счастлива, не корила судьбу за несправедливость, жестокие житейские испытания, не обижалась на советскую власть. А ведь повод был. Однажды она была представлена к награждению высшей наградой той страны – званию Героя Социалистического Труда.

Но один коварный человек все подстроил так, что Звезду получила не Пак Татьяна, а Пяк Татьяна.

Мои родители похоронены в восьми километрах от Уш-Тобе, это место называется “Корейское кладбище”. По возможности мы ездим из столицы на эту священную землю. Дед, мои родители оставили нам доброе имя, сумели всех поставить, что называется, на крыло. Это особенно воспринимаешь сегодня, когда корейская диаспора достойно отмечает 70-летие утверждения себя как полноправной нацией на казахстанской земле. Я более 40 лет отдал высшей школе, ветеран Евразийского университета им. Л. Гумилева, имею звание Отличника народного образования РК. Есть внук Давид. Жизнь, род продолжают...

ЧТО МОЖЕТ ЧЕЛОВЕК

Когай К.И.

(1929-2005 гг.)



Константин Иванович привык к труду с детства. Еще мальчишкой вместе с матерью и сестрами на заре он уходил в поле. Потомственный земледелец, тогдашний председатель колхоза Николай Иванович Лян не раз говорил юношам и девушкам, что без труда, как без воздуха и солнца, невозможна жизнь, и старался, чтобы подростки в селе росли трудолюбивыми. И еще, говорил он, нет у человека более любящей и щедрой кормилицы, чем земля. Жизнь и радость дает она людям, и человек не должен терять с ней связи. Эти слова Константин Когай сохранил в своем сердце на всю жизнь.

С особым уважением и почтением произносилось в “Бозайгирском” и имя жены и верной супруги Константина Ивановича – Александры Ивановны Ли. Около сорока лет проработала она в сельском хозяйстве – скотником, пастухом, дояркой, птичницей. Имя тети Шуры с одинаковым уважением называли и в домах сельчан, и на производственных собраниях. Она заслужила его своим многолетним, добросовестным трудом. А государство наградило ее орденом Трудового Красного Знамени.

– Я вспоминаю далекий 1962 год, – рассказывает Константин Когай, – когда в наш совхоз “Бозайгирский” (сейчас – имени Саксна Сейфуллина) прибыла на работу большая группа выпускников училищ механизации сельского хозяйства. И каждый требовал новую машину. “К сожалению, это не в моих силах, – разводил руками теперь уже директор совхоза Н.И. Лян. – В совхозе поднято несколько тысяч гектаров целины, нашим “дэтэшкам” пришлось изрядно потрудиться. А если с умом взяться за машину, то можно и рекорд поставить”. Но убедить ребят было трудно. Шумели, что молодежь, мол, зажимают, заставляют работать на тракторах, которые уже “давно пора списать в утиль”. Не выдержал, прищури глаза в хитрой улыбке, промолвил: “Вроде бы и взрослые люди, а рассуждаете, как дети малые. А знаете ли вы, что стоящий здесь рядом со мной наш тракторист Константин Когай на одной машине работает восьмой год и не жалуется. Свой “ДТ” он получил еще в первые годы освоения целинных и залежных земель. Пора уже его трактор в музей сдавать. Да и в газетах, наверно, вы читали о том, что ваш сверстник из совхоза “Челкарский” Виктор Дубинин выступил с прекрасной инициативой: проработать на тракторе не менее трех лет без капитального ремонта, полностью окупить стоимость машины и сэкономить средства на новый трактор”.

Я тогда первый поддержал Виктора Дубинина и предложил молодым механизаторам поменьше шуметь, а больше думать и направить усилия на снижение себестоимости сельскохозяйственной продукции, лучшее использование техники и продление срока межкапитального ремонта. Тогда и для государства будет польза, и сам в накладе не останешься...

Имя Константина Когай стало известно хлеборобам Целинного края еще весной 1961 года, когда он с другими земледельцами выступил инициатором создания механизированных звеньев и отрядов.

Чем это было вызвано? Ведь раньше было как? В каждой бригаде полей много, а кто на каком хозяин – трудно разобраться. Пахал один, сеять посылали другого, а урожаем убирал третий. При такой обезличке льготно было нерадивым и бракоделам.

– За урожай отвечал только бригадир, – рассказывает К.И. Когай. – Но разве мог он уследить за качеством работы на четырех-пяти тысячах гектаров пашни? Надо было самим механизаторам изменить отношение к земле, технике. Это понимали все. И поэтому единодушно решили



создать механизированные отряды. Вместе с агрономом составили технологическую карту, в которой подробно расписали все, что будем делать в этом и в последующие годы. Это был своеобразный стратегический план борьбы за большой и дешевый хлеб. Ребята, работая на поле, ни на шаг не отступали от этого плана – вовремя выполняли все, что было намечено. Только так нам удалось добиться высокого урожая зерновых и значительно снизить себестоимость хлеба. Эта система себя полностью оправдала уже в первый год: получили по 14 центнеров зерна на круг.

По мнению Константина Ивановича, неплохо было бы к этой забытой идее вернуться и в наши дни, она бы решила многие проблемы в аграрном секторе на пути к рынку.

Человека, чувствовавшего красоту своего труда, люди всегда уважали. Поэтому и отмечали его труд высокими наградами. Константин Иванович Когай – кавалер ордена Ленина, заслуженный работник сельского хозяйства Казахской ССР.

Крестьянская основательность Когай чувствовалась во всем. В немногословии и неторопливости. В твердой походке. В медлительном разговоре человека, знающего цену слова. В тяжелых мозолистых руках. В предельно честном отношении к делу.

Константин любил в те годы приговаривать: “Глаза должны бояться, руки делать. И не только руки. Человеку еще и голова дана...” Было у Когай еще одно качество, которое, может быть, и являлось главным условием всех его успехов – самоотверженность и преданность хлеборобскому делу. Ни времени, ни сил не жалел он для досконального изучения трактора, комбайна, других сельскохозяйственных машин. Всегда старался во все вникнуть, докопаться, не перекладывая свои заботы на заведующего машинно-тракторной мастерской, инженера, бригадира.

Настоящие хлеборобские университеты прошел Константин Иванович у лучших земледельцев тогдашнего совхоза “Бозайгирский”. И все передовое, новое, что получал от ветеранов, передавал молодым механизаторам.

Рассказ о Константине Когае был бы неполным еще без одной – печальной – странице его детства – депортации.

1937 год стал для корейцев, проживающих, в основном, на Дальнем Востоке, переломным и самым трагичным в связи с насильственным переселением с обжитых мест.

О трудармии пока написано и сказано мало. Само это слово в течение многих лет даже и не просачивалось в печать. Почти ничего не написано и об участии в трудармии корейцев.

По рассказам трудармейцев, они содержались в лагерях, обнесенных колючей проволокой, на сторожевых вышках дежурили автоматчики.

– У нас в Луговом многие годы жил старик Пан Ди Ди, – вспоминает Когай. – Он рассказывал, что на работу трудармейцев водили под конвоем, а ведь среди них были и коммунисты, комсомольцы, ветераны гражданской войны, вчерашние красноармейцы и командиры, имевшие ранения и боевые награды за заслуги перед Родиной. Скучное питание и тяжелая работа вели к быстрому истощению и высокой смертности, особенно на лесоповале в тайге. Чтобы получить 500-700 граммов хлеба и ежедневный приварок, надо было выполнять норму на 125 процентов. Каждый рабочий должен был за день спилить, разделить и вручную оттрелировать, сложить в штабель у узкой колесницы пять кубометров леса. Издевательство и только...

Единственным критерием виновности советских корейцев была их национальность. Трагедия корейцев в том, что они понесли жертвы не в борьбе с врагом, а от своих, не ради интересов Родины, а вопреки им... Но нельзя не поражаться, что даже в этих тяжелейших условиях трудармейцы не сдавались, проявляя трудовой героизм. Среди них, например, развернулось стахановское движение за выполнение нормы на тысячу процентов и выше, тех, кто выполнял ее, звали "тысячниками". Активно участвовали трудармейцы и в народном патриотическом движении по сбору средств на строительство танков и самолетов.

Побег из трудармии приравнивался к дезертирству с фронта. Приговор нередко приводили в исполнение на глазах у трудармейцев. И, несмотря на это, из трудармии бежали. Бежали... на фронт. Стремление воевать с оружием в руках против врага, неприятие унижительных условий трудармии были сильнее страха смерти. Попасть на фронт с корейской фамилией было невозможно, поэтому трудармейцы зачастую выдавали себя за представителей других национальностей. Сколько их погибло под чужими именами? А сколько еще живет с другим именем? Кто знает...

Огульные обвинения корейского народа были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство корей-

цев вместе со всем советским народом своим трудом способствовали победе Советского Союза над фашистской Германией и милитаристской Японией, а в послевоенные годы активно участвовали в жизни общества.

Самым большим для советских корейцев стал вопрос об изучении родного языка, ведь из-за того, что не было национальных школ, только часть детей – корейцев, проживающих в Кызыл-Ординской области и в Узбекистане, изучала родной язык. В остальных районах и областях Казахстана корейские дети оканчивали обычные школы.

Но, благодаря присущему корейцам жизнелюбию и трудолюбию, они сумели достойно перенести все тяготы и лишения, выстоять и обрести родной дом на земле Казахстана.

Г. Тереп

Журнал "Нива"



Цой Гилен Васильевич

*Заслуженный врач
Республики Казахстан,
доктор медицинских наук, профессор*



Имя доктора медицинских наук, профессора Цой Г.В. широко известно в Казахстане и за рубежом. В основе его огромного авторитета лежит многолетняя деятельность врача, педагога, ученого и общественного деятеля.

Цой Г.В. родился в 1920 году в г. Владивостоке. С 1937 года его жизненный путь неразрывно связан с Казахстаном. После окончания Крымского медицинского института, который в тот период находился в эвакуации в г. Кызыл-Орде, в 1943 году он по распределению был направлен на работу в освобожденные районы Калмыкии. В 1945 году Цой Г.В. вернулся в Казахстан, где осуществилась его самая заветная мечта – стал хирургом. Во время прохождения специализации в городе Алма-Ата ведущие профессора республики отметили талантливого молодого хирурга и рекомендовали для дальнейшей работы в Акмолинск, где в то время ощущался острый недостаток хирургических кадров. С присущей ему энергией Гилен Васильевич взялся за организацию хирургической службы города, работая заведующим хирургическим отделением городской больницы (1946-1950 гг.).

Через четыре года он был назначен главным хирургом областного отдела здравоохранения, т.е. как только эта должность была введена. Здесь в полную меру раскрылся его талант не только как квалифицированного хирурга, но и организатора, наставника, консультанта. В период существования Целинного края в 60-е годы XX века Гилен Васильевич работал в должности главного хирурга красного отдела здравоохранения.

В 1952-1953 годах он по заданию правительства был командирован в Корею, где в то время шла война. Там Цой Г.В. в полную меру освоил военно-полевую хирургию, являясь консультантом главного хирурга Корейской народной армии.

Вернувшись в Казахстан, Гилен Васильевич принимал самое активное, непосредственное участие в организации хирургической службы в период Целинной эпопеи. В те трудные годы по его инициативе открывались новые сельские больницы, травматологические пункты, амбула-



тории; начала действовать санитарная авиация. Множились и росли свои квалифицированные медицинские кадры.

Будучи главным специалистом Г.В. Цой большое внимание уделял профилактике и лечению сельскохозяйственного травматизма в Целинном крае. Результатом его многолетних наблюдений и глубокого научного анализа стала диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук, которую он блестяще защитил в 1960 году в г. Москве. Это была первая диссертация по специальности "Медицина", выполненная в Целинном крае.

С 1961 года Цой Г.В. является заслуженным врачом Республики Казахстан.

Он, в прямом смысле, является высококвалифицированным хирургом широкого профиля. Его руками сделаны тысячи сложнейших операций не только хирургическим больным, но и с травматологической, урологической, онкологической, гинекологической, оториноларингологической и офтальмологической патологией. Многие из этих оперативных вмешательств выполнены в Северном Казахстане впервые им.

Гилен Васильевич воспитал огромную армию врачей-хирургов, которые в последующем стали прекрасными специалистами, кандидатами и докторами наук, руководителями крупных клиник, НИИ, медицинских вузов. Многие из них трудятся в странах ближнего и дальнего зарубежья и, конечно же, в родной республике.

Со дня основания Целиноградского государственного медицинского института (1964 г.) по настоящее время Г.В. Цой работает в этом вузе (ныне Казахской государственной медицинской академии).

Работал в должности доцента, профессора, заведующего кафедрой хирургии. В 1974 году им была защищена докторская диссертация, посвященная проблеме снижения смертности у пострадавших с сельскохозяйственной травмой.

Свой громадный практический опыт Г.В. Цой до сегодняшнего дня передает будущим хирургам – студентам старших курсов Медицинской академии.

Лечебную и педагогическую деятельность Гилен Васильевич всегда совмещал с плодотворной научно-исследовательской работой. Он является автором более 140 научных публикаций, трех изобретений, более десятка научно- и учебно-методических рекомендаций. Под его руководством выполнены 8 кандидатских диссертаций.

Он является Почетным академиком АМН РК, академиком Европейской академии естественных наук.

Родина всегда по достоинству оценивала благородный труд Г.В. Цоя. Он удостоен звания "Почетный гражданин Астаны", награжден орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, Знак Почета, восемью медалями, дважды Почетной грамотой Верховного Совета Каз. ССР.

Сегодня Гилен Васильевич является почетным заведующим кафедрой госпитальной хирургии КазГМА. Он, как и прежде, ежедневно занимается подготовкой медицинских кадров, консультирует тяжелых больных, принимает активное участие в работе различного уровня научно-практических конференций, съездов, конгрессов.

ЦОЙ Олег Гиленович

Доктор медицинских наук, профессор.

Родился в 1949 году в г. Акмолинске.

В 1972 году после окончания с отличием Целиноградского государственного медицинского института был оставлен ассистентом кафедры нормальной анатомии.

С 1976 по 1979 годы обучался в очной аспирантуре на кафедре анатомии человека I-го Московского медицинского института им. И.М. Сеченова. В 1980 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: "Анатомия и топография регионарных лимфатических узлов желудка у взрослого человека".

С 1979 по 1984 гг. работал в должности ассистента, а в последующем доцента (1982 г.) кафедры анатомии человека ЦГМИ.

В последующем трудился в должности ассистента хирургических кафедр, с 2000 года является профессором кафедры факультетской хирургии КазГМА.

В 1999 году защитил докторскую диссертацию на тему: "Вопросы иммунопатогенеза и гормонального гомеостаза у больных острыми гнойными хирургическими заболеваниями".

С 2000 по 2004 гг. был деканом факультета усовершенствования врачей и средних медицинских работников, проректором по клинической работе (2004 г.).





С 2004 года работал в должности директора научно-клинического центра Казахской госмедакадемии и профессором кафедры факультетской хирургии. С 2005 по 2007 гг. был деканом факультета дополнительного медицинского образования.

В настоящее время является профессором кафедры госпитальной хирургии с курсом урологии. Имеет высшую квалификационную категорию врача-хирурга.

Автор более 180 научных работ, трех изобретений.

Научные исследования О.Г. Цоя посвящены актуальным вопросам иммунопатогенеза и гормонального гомеостаза при хирургической инфекции, экстренной абдоминальной хирургии, хирургического лечения заболеваний щитовидной железы и др.

Является членом диссертационного совета по защите докторских (кандидатских) диссертаций по специальностям: аллергология и иммунология, радиобиология, судебная медицина.

Член редколлегии журналов "Астана медициналық журналы" и "Оториноларингология. Хирургия головы и шеи".

Является экспертом Департамента науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Под его руководством защищено 5 кандидатских диссертаций.

Награжден нагрудным знаком Министерства здравоохранения Республики Казахстан "Қазақстан Республикасы денсаулық сақтау ісінің үздігі".

ЦОЙ Игорь Гиленович



1949 г.р., доктор медицинских наук (1988), профессор (1990), академик Академии профилактической медицины Казахстана (1990). Первый вице-президент Казахской академии питания, главный ученый секретарь Президиума Академии профилактической медицины Казахстана. Научная специализация: иммунология, аллергология и нутрициология. Автор более 470 научных трудов, в том числе 9 монографий, 2 книг и 38 авторских свидетельств на изобретения. Один из основоположников в Казахстане таких научных направлений, как клиническая иммунология, инфекционная аллергология и иммунология, иммунология питания. Под его руководством защищено 75 диссертаций, в том числе 15 докторских.

Окончил в 1972 году с отличием лечебный факультет Целиноградского государственного медицинского института МЗ СССР. В 1972-1976 гг. и 1980-1988 гг. – младший и старший научный сотрудник Института эпидемиологии, микробиологии и инфекционных болезней; 1976-1980 гг. – начальник отдела науки Министерства здравоохранения Республики Казахстан; с 1988 по 2001 гг. – заместитель директора, с 2001 – директор Института питания (первый вице-президент Казахской академии питания). 1996-1997 гг. – заведующий лабораторией Республиканского центра “Медстандарт” Минздрава РК (ныне Национальный центр экспертизы лекарственных средств МЗ РК). Более двух лет (1997-1999 г.) являлся членом фармакологического комитета Минздрава РК, с 1999 г. по настоящее время – заместитель председателя экспертной комиссии по биологически активным добавкам к пище Министерства здравоохранения РК.

Многократно принимал участие в качестве координатора в реализации международных научно-технических проектов, ВОЗ, ЮНИСЕФ, ПРООН, Азиатского банка развития, Агентства “Макро Интернэшнл Инк.” (США), “Аджио ККО” (Италия), Фонда “ИНТАС”, Корейского научного института продуктов питания, Болонского университета (Италия), Суньинской больницы китайской народной медицины и др.

В 2001 году ему была присуждена Государственная премия РК в области науки, техники и образования за коллективный цикл работ: “Разработка фундаментальных и прикладных аспектов науки о питании в Республике Казахстан”.

Ему дважды назначалась “Государственная стипендия Республики Казахстан для ученых и специалистов, внесших выдающийся вклад в развитие науки и техники”, награждался премией Фонда Сороса.

Один из разработчиков Национальной политики здорового питания Республики Казахстан, ряда законодательных актов и постановлений правительства, касающихся питания и здорового образа жизни.

Член комиссии Высшего научно-технического совета Министерства образования и науки Республики Казахстан, диссертационного совета по защите докторских диссертаций при Казахском национальном медицинском университете им. С.Д. Асфендиярова, главный редактор журнала “Здоровье и болезнь”, заместитель главного редактора журнала научно-технического общества “КАХАК”, член редакционной коллегии

журнала “Известия МОН РК и НАН РК” – серия биология и медицина, правления Корейского научно-технического общества Казахстана “КАХАК”, правления Алматинского корейского культурного центра.

МУН Николай Васильевич



Исполнилось 76 лет со дня рождения Н.В. Муна – доктора медицинских наук, профессора кафедры госпитальной хирургии Казахской государственной медицинской академии, одного из известнейших хирургов республики, признанного специалиста в области колопроктологии.

Н.В. Мун родился 12 октября 1931 г. в селе Красное Посьетского района Приморского края. В 1937 г. вместе с родителями был депортирован в Узбекистан.

В 1956 г. с отличием окончил лечебный факультет Карагандинского государственного медицинского института. Отказавшись от предложенного места в клинику ординатуру по хирургии, уехал по распределению в Дзержинск, где начал трудовую деятельность в качестве врача хирургического отделения городской больницы. В последующем работал заведующим отделением, заместителем главного врача по лечебной части, главным врачом больницы.

В 1962-1965 гг. обучался в очной аспирантуре на кафедре госпитальной хирургии Алма-Атинского медицинского института под руководством известного клинициста и ученого М.И. Брякина. После окончания аспирантуры был направлен на работу в только что организованный Целиноградский медицинский институт. Вся последующая трудовая деятельность Н.В. Муна была связана с этим вузом. Работал ассистентом, с 1968 г. доцентом кафедры общей хирургии. В 1978 г. был избран на должность доцента кафедры госпитальной хирургии. В 1965 г. Николай Васильевич защитил кандидатскую диссертацию на тему “Сравнительная оценка различных методов лечения острого аноректального тромбоза”.

С 1981 по 1983 гг. был докторантом ЦИУ врачей в Москве. В 1984 г. им защищена докторская диссертация “Профилактика и лечение геморроя у беременных и родильниц”.

В 1986 г. Н.В. Муну присвоено звание профессора, а в 1987 г. он был избран заведующим кафедрой факультетской хирургии. С 1997 г. работает профессором этой кафедры, которая была преобразована в 2005 г. в кафедру госпитальной хирургии.

Николай Васильевич много внимания уделяет учебно-методической работе и воспитанию будущих врачей. По его инициативе впервые в области было организовано проктологическое отделение. Являясь многоплановым хирургом, основное внимание профессор уделял одной из актуальнейших и сложных проблем хирургии – колопроктологии.

За рубежом и в республике широкую известность имеют научные труды профессора Муна, посвященные проблемам проктологии, абдоминальной хирургии, хирургической инфекции. Им опубликовано более 350 научных работ, в том числе 2 монографии, 8 методических рекомендаций и 4 учебных пособия. Он является автором 7 изобретений и более 40 рац. предложений. Под его непосредственным руководством защищено 8 кандидатских диссертаций. Причем среди научных наследников профессора Н.В. Муна не только хирурги, но и акушеры-гинекологи, онкологи, урологи.

Профессор Н.В. Мун награжден медалями “За доблестный труд”, “Ветеран труда”, “В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина”, “10-летие независимости Республики Казахстан”, нагрудными значками “Отличник здравоохранения” МЗ СССР и “Казахстан Республикасы денсаулық сақтау ісінің үздігіне”, Почетными грамотами.

Во всех регионах Казахстана, а также ближнего и дальнего зарубежья трудятся воспитанники Николая Васильевича. Многие из них стали руководителями крупных хирургических отделений и больниц, кандидатами и докторами наук. Свои славные юбилеи Николай Васильевич встречает как всегда в операционной, у постели больного, на лекциях или практических занятиях со студентами. Он полон творческих замыслов, которые всегда успешно воплощает в жизнь.

* * *



СУДЬБА ВЫСОКОЙ ПРОБЫ

Они всегда и всюду вместе. На светских раутах, собраниях диаспоры, свадьбах и похоронах. Они никогда не обращают внимание на "уровень" остальных гостей. Бывает, в толпе и вовсе нет "больших людей", тем более выделяется эта замечательная, добрая, великодушная, патриархальная пара. Сердоболие, сострадание и сочувствие всегда в их сердцах.

Николай Васильевич Мун, профессор столичной Медакадемии и Ольга Павловна, его бесценное сокровище. Сегодня к месту столь высокие эпитеты, коль их совместный жизненный путь длиной в полвека огранен золотом супружеской верности, истинного и неистового служения семейному долгу, безупречного следования житейским критериям, установленным в той далекой молодости. Это золото высокой пробы.

Удивительная пара: в нем есть нечто от степенного земского врача, у нее изумительная осанка, она не идет – летит, такое впечатление. Их надо видеть вместе. Но они не пара воркующих сизых голубков. И если уж говорить о главном, их полет по-прежнему высок, их любовь лебединая. Иначе не скажешь.

Им завидуют, им хотят подражать, и они стоят этого! Пятьдесят неразлучных лет. У них типичная судьба детей депортированных родителей, новая, иная жизнь на ташкентской земле в те далекие предвоенные годы. Трудились с детства в разных колхозах. Их пути пересеклись в узбекской столице. Ольга училась на факультете иностранных языков, Николай – в сангигиеническом институте. Его угнетала будущая специальность, хотелось быть врачом лечебного профиля. Полетели запросы в другие вузы, откликнулась Караганда, здесь он и закончил мед. Ко времени подросла Ольга, и оба по направлению приехали в Джезказган, провинциальное городишко. Было это в 1956 году. Бытовые условия – смех-грех вспоминать, первый враг – кровопийца-клоп, которого травил карбидом. Страшные морозы, и это после Ташкента-то! Но – пообвыклись потихоньку, и с головой окунулись в работу. После специализации он стал хирургом, она – учительницей иняза. Их стали величать по имени-отчеству. Город зауважал пару, он-то маленький, все на виду. А Николай Васильевич порой оперировал глубоко за полночь, если того требовали обстоятельства. Не оставляла мысль о профессиональном росте. Значит, надо приниматься за кандидатскую диссертацию. А тут неминуемо появляется дите. Вот так и шло все своим чередом у молодых Мунов. Джез-

казган по сей день в их сердцах, не болью, а светлой грустиной о годах далеких, минувших.

Следующий этап – Целиноград, будущая Астана и ставший надежным причалом Мунов мединститут, ныне академия. Прорва работы, заведование кафедрой. Ольга Павловна – преподаватель кафедры иныза в сельхозинституте, вплоть до выхода на пенсию. Николай Васильевич – уже доктор наук, воспитатель плеяды талантливых хирургов, пользующийся всеобщим почетом и уважением. Пущены и династийные корни: дочери Татьяна и Галина – врачи, внук Женя учится в медакадемии. Только сын Алеша пошел в гуманитарии.

– Папа с мамой у нас уникальные люди, – со сдержанным волнением говорит Галина Николаевна Мун, известный в столице офтальмолог. – Мы и внуки для них – самое святое, сокровенное на земле. Как они оберегают друг друга! А их мудрость! Вот пример. Внук Женя объявляет: женюсь. Пожалуйста, коль припекло. Но, как бы это объяснить, ситуация “интернациональная”. Реакция деда Николая была поэтапной: “Наверное, это не совсем плохо. Наверняка, это даже неплохо. Нет, это очень даже хорошо. Женись!” В итоге появился правнук Коленька, ему пошел четвертый годик, и он имеет еще одно имя – Николай Второй. Славно!

Есть в народном обиходе слово-имя – Берегиня. Это – про Ольгу Павловну. Еще десять лет назад Николай Васильевич в интервью одному солидному журналу рассказал о своей жене. И это было, скорей, покаяние, чем признание в возвышенных чувствах. Вот выдержка из того интервью: “Я перенес тяжелейший кризис в здоровье. Как хирург я предвидел все последствия операции. Знал, что будет со мной. Поэтому спокойно (времени на больничной койке всегда в избытке) я перебрал всю свою жизнь. И понял: любя всех, знакомых и незнакомых, заботясь об их здоровье, я очень мало уделял внимания родным. Что я сделал хорошего – по сути – своей жене Ольге Павловне? Ничего. Она самый преданный, любящий меня человек, создавая мне условия для учебы и профессионального роста, так мало требовала взамен. Разве я сделал ее жизнь счастливой? Удача, что я вернулся к полнокровной жизни, теперь я могу еще что-то поправить”.

В одном здесь не прав дражайший Николай Васильевич – в завышенной требовательности к себе. О, это совесть честного, сомневающегося в себе человека. Ведь в их жизни было много разного, с теми же родственниками, которых у них уйма, и никто сегодня не в обиде. В те годы



персбывало в доме профессора много племянников-абитуриентов, всем помогали – обустроивали, привечали, напутствовали. Друзья дивились долготерпению, сердобольности старших Мунов. А говорить о гостеприимности этого дома даже не стоит. Галина Николаевна сама поражается:

– Мы всю жизнь сваливали на маму все житейские дела, и по сей день это в порядке вещей, и как у нее получается со всем управляться? Папа по-прежнему на кафедре, постоянно бывают гости, вечно трезвонит телефон, а у мамы все в готовности № 1 для неожиданных визитеров, для детей. В одном мы досаждем с мамой на отца: ну нельзя быть таким доступным, надо уже подумать о собственном щадящем режиме.

Зная добрый характер профессора, многие буквально лезут к нему, им так удобнее и даже выгоднее. Дошло до того, что однажды в полдень знакомая каких-то знакомых вопила о судорогах домашнего пса. Профессор пошел, удалил абсцесс. “Но ты же не ветеринар, – возмущалась Ольга Павловна. – Люди совсем теряют совесть”. “Но собачка-то жыжила, завиляла хвостом” – оправдывался не ветеринар Мун. И смех, и грех.

У Муновской четы непререкаемый авторитет везде. В академии, в национальной диаспоре, в обществе. Николай Васильевич возглавляет совет старейшин при столичном филиале АКК. Это нелегкая ноша, здесь нужна именно такая личность, как он – мудрая, рассудительная, справедливая, глубоко равнодушная. Надо полагать, бесценным помощником и здесь является Ольга Павловна, с ее добрейшим сердцем, неутомимой душой. И здесь они вместе, единомышленники. Всегда светятся доброжелательностью, готовностью отозваться на зов человека, любого, каждого. Оттого везде и всюду они званны и желанны. Такая их судьба, ограненная ими самими, своими золотыми сердцами. Счастливы ли они? Ответ у И.С. Тургенева: “Счастье – как здоровье: когда его не замечаешь, значит, оно есть”.

В августе 2006 года столичная диаспора, друзья, коллеги взволнованно отметили 50-летие семейного союза Николая Васильевича и Ольги Павловны Мунов. Пожелали им того “незамечасмого здоровья” и долгого продолжения счастливой судьбы. Судьбы высокой пробы.

“КИ”

КИМ Тамара Анатольевна

Родилась в 1934 году в г.Сучане Приморского края. Родители из простого сословия, создали многодетную семью, в которой Тамара стала старшей дочерью. Депортация определила их сначала в Караганду, затем они переселились в Акмолинск. По окончании школы девушка успешно сдает вступительные экзамены в Омский государственный медицинский институт, блестяще заканчивает четыре курса, затем по семейным обстоятельствам переводится в Алмаатинский медицинский институт. Дальнейшая жизнь и практическая врачебная деятельность долгие годы связана с Акмолинском-Целиноградом. Стаж работы без малого – 40 лет. Какие их итоги, каков вклад Тамары Анатольевны в развитие и совершенствование системы городского здравоохранения? Ответ на этот вопрос наверняка потребует не одной страницы, ибо ею проделана огромная, без преувеличения, работа в области педиатрии, осуществлены прорывные, новаторские проекты в детском здравоохранении. По тем советским временам, в условиях партийно-волевых решений и беспрекословного подчинения вышестоящим органам их нелегко было осуществлять на деле, необходимо было обладать высокой волей, иметь личные принципы. Надо было быть Личностью. И Тамара Анатольевна Ким была ею!



Отличник здравоохранения СССР. Блестящий новатор в организации принципиально новой системы детско-оздоровительной, диагностической службы, раннего выявления заболеваний, четкой постановки диспансерного учета. В провинциальный Целиноград приезжали многие светила из Алма-Аты, Москвы, Киева, других городов Союза. Опыт Т.А. Ким тиражировался во всесоюзной “Медицинской газете”. Она принимала участие во многих международных научных симпозиумах. Ее выдающийся вклад в отечественную педиатрию – это создание первого в Казахстане детского реабилитационного центра. В 60-70-е годы она берется за организацию таких форм профилактики и лечения, каких не было в стране. Это амбулаторно-реабилитационный режим, когда работающие мамы по утрам приводили больных детей в лечебное учреждение, а вечером забирали домой, т.е. это был тот же детский сад, но с лечением. Подобное требовало предварительной организационной под-



готовки: помещения, подбора персонала, дополнительных бюджетных ассигнований и т.д. Первая такая клиника-сад была в районе нынешнего стадиона, о ней знали страждущие матери города. Ежегодно после курса лечения в строй полноценных вставало более ста тяжелобольных детей.

Одним из показателей в то время был и тот, который свидетельствовал о надежной профилактике и практическом отсутствии детского туберкулеза. Фтизиатрам было чем гордиться. Тамара Анатольевна создала систему передвижных реабилитационных бригад, систему самоконтроля, широкого применения местной передовой практики ранней диагностики заболеваний. Так был побежден сколиоз. Врожденные вывихи бедра исправлялись у новорожденных в роддомах уже в первые сутки жизни. И таких примеров внедрения смелых методик, способов исцеления от недугов немало. А сколько детей, благодаря большому коллективу детских врачей города, вооруженных передовыми методами лечения, вошли в жизнь полноценными, здоровыми людьми! И доктора, и дети обязаны своими успехами, здоровьем новатору, высокопрофессиональному специалисту и замечательному организатору здравоохранения Тамаре Анатольевне Ким. Долгие годы, до и уже после выхода на пенсию она была на посту заместителя главного педиатра горздрава. На практике это означало нести высокую ответственность за шесть детских поликлиник в областном центре, более ста детских дошкольных учреждений, обеспечивать безупречную службу амбулаторно-поликлинических учреждений. Тамара Анатольевна достойно, с честью отстояла свой врачебный пост. Авторитет ее неоспорим, опыт ее работы бесценен.

Особое качество этой Личности – бескорыстие, глубокая, не оставляющая ни малейших сомнений искренность, которые в общении создают высокий духовный комфорт. Т.А. Ким единственная среди медицинской общественности города награждена орденом “Дружба народов”. Это ли не высшее признание ее государством, общественностью. Люди же, несколько поколений в городе, помнят своего детского доктора, для нее не существовало кастовых различий, “элитных” категорий и т.д. В этом они всегда были едины – она и ее замечательный муж – участник Великой Отечественной войны Борис Иванович Кугай.

ЗА ЭСТЕТИКУ ТЕЛА И ДУШИ!

Игорь Борисович сызмальства неравнодушен к поэзии. Говорит: меня однажды потрясло стихотворение Андрея Вознесенского “Охота на зайца”, поэт выразил то, что я не однажды испытывал – “...в этом что-то неладное /если в ужасе по снегам/ скачет крови живой стакан!”. Бытует мнение, что, дескать, врачи зачастую консерваторы, спокойно-равнодушны у изголовья умирающего. Да черт с ними, с мецанами-обывателями, я хирург и знаю цену “живому стакану крови”. Меня больше тревожит другое, что происходит сегодня с людьми, об этом в том же стихе: “Страсть к убийству как страсть к зачатию, /Ослепленная и извечная/ Она нынче вопит зайчатины! /Завтра вивоет о человечине...”. Ведь тот умирающий заяц опозитивирован до классической красоты, если он “испускал дух с искаженным и светлым ликом, как у ангелов и певиц”.



Все, о чем рассуждал Игорь Борисович, было “в точку”. Красота, светлый лик, совершенство тела и формы – его стихия. Он не просто хирург – он специалист высокой квалификации в эстетической медицине, более понятной в народе как пластическая хирургия. Он сегодня известен не только в столице, молва о нем разнеслась далеко за казахстанскими пределами, нынче, например, были пациенты из Германии. Тому есть несколько причин, одна из них “сарафанное радио”, когда что-то передается из уст в уста, а другая – в дальнем зарубежье пластические операции стоят намного дороже. И это “радио” не обманно, если бы читатель смог увидеть бывших пациентов доктора Кугая – “до и после того”, которые имеются в компьютере. Удивительные превращения, метаморфозы тела, лица, всего облика человека. Большая часть пациентов, конечно же, женщины. Поистине и эстетике все возрасты покорны! Но у нас не салон красоты, втолковывает Игорь Борисович, это напротив, или, скажем у моей жены Ирины. Люди часто путают эти понятия.

Для Кугая прошлый год был в некотором роде юбилейным. Игорь Борисович оперирует 25 лет, очень многие пациенты в Целинограде-Астане обязаны ему исцелением, жизнями. Наиболее сложными, напряженными были годы работы в городской БСП /скорая помощь/, многих и не упомянешь. Но когда вот это фото оказалось у редактора украинской



газеты Тараса Чернеги, он воскликнул: это ж мой крестник по почкам, давненько это было, вот – жив-здоров!

Далее: в 2006 году была тысячная операция в отделении эстетической хирургии. Но доктор помнит и сотую, кстати, на круглых по счету операциях – бесплатно, ну это к слову. Есть и другие отрадные результаты в медучреждении, где успешно практикует хирург Кугай. Лечебно-диагностический центр АО “Казсервиссбыт” почти ровесник молодой столицы, в первые годы о его существовании знали, например, лишь по рекламе на троллейбусах. Перечень специалистов был небольшим. Сегодня же он перевалил за два десятка, и совершенно не нуждается в рекламе. Открыты новые отделения – микрохирургии глаза, генетического определения отцовства, другие. Убедительный показатель успешного функционирования центра в том, что в этом году в него обратилось уже 20 тысяч человек, в два раза больше, чем несколько лет назад. Люди при этом уверены в оказании им высококвалифицированной помощи. Руководитель медцентра Леонид Те подчеркивает, что принцип в работе этого частного лечебного учреждения один: прежде всего здоровье населения, а затем все остальное, т.е. заработки, рентабельность и т.д. Леонид Иннокентьевич в бизнесе далеко не новичок и не простачок. Он знал, на что идет, ведь медицинский бизнес очень затратный и очень долгокупаемый. Но здесь-то и сокрыто сакраментальное его кредо: “Идеи – это капиталы, которые приносят проценты лишь в руках таланта”. Это изречение принадлежит французскому философу, но как точно оно отражает мышление, деятельность наших столичных соотечественников Игоря Кугая, Леонида Те. Этот медцентр в Астане сегодня лучший, ведущий по оснащению, внедряемый новациям в отечественной и зарубежной медицине, один кардиологический аппарат “Холтер” чего стоит. На будущее есть здоровые амбициозные идеи, планы, они состоятся, в этом убеждают люди центра, прекрасные специалисты, здравомыслящие предприниматели. Они исполняют задачу большой государственной важности: здоровье народа – это будущее всей казахстанской нации. Кстати и Те, и Кугай члены правления филиала АКК, его спонсоры и верные медбратья, образно говоря. Их идеи прежде всего – это нравственный капитал, который, наверно, дороже золота. Наши ветераны труда, соотечественники, малоимущие могут получить в центре бесплатную помощь – это было заложено с первых дней рождения медучреждения, потому что так было задумано Леонидом Те, изу-

чившим большой опыт и практику медицинского бизнеса в развитых цивилизованных странах.

Есть много фотографий Игоря Борисовича, где он веселый, сияющий. И в буднях он такой – жизнерадостный, излучающий доброту, надежду на исцеление, обновление и красоту тела. А на этом снимке доктор Кугай после очередной операции. Как всегда удачной для него, счастливой – для пациентки.

Петр Александрович ПАК

1932 года рождения.

Кандидат медицинских наук, профессор



Пак П.А. в 1956 г. окончил лечебный факультет Алма-Атинского государственного медицинского института (АГМИ), ныне Казахский государственный медицинский университет. По окончании института в течение 3-х лет работал врачом в сельской больнице. С 1960 по 1963 гг. проходил аспирантуру при кафедре патологической физиологии АГМИ. В 1964 г. успешно защитил диссертацию на степень кандидата медицинских наук, в том же году приказом Министерства здравоохранения Каз. ССР Пак П.А. в составе 7 человек направляется в г. Целиноград, ныне г. Астана для организационной работы и подбора кадров во вновь открываемый медицинский институт. Этот небольшой коллектив, под руководством и.о. ректора Станислава Дмитриевича Полетаева, провел большую работу по организации кафедр, приема студентов на 1-2-е курсы, оснащению аппаратурой и инструментарием, клинично-табличным фондом при подборе кадров преподавателей.

Пак П.А. избирается на должность заведующего кафедрой патологической физиологии, им практически была организована, оснащена и оборудована эта кафедра. В последующем он избирается на должность декана лечебного факультета института. Большое внимание уделяет учебной, воспитательной работе.

В 1988 г. Пак П.А. избирается на должность зав. кафедрой криминологии и юридической психологии Отрадненского гуманитарного инс-



титута. Здесь он проводит большую работу по учебно-методической, научной работе.

Под его руководством 4 человека защитили кандидатскую диссертацию. Им опубликовано более 150 научных работ, в том числе более 10 монографий и книг.

Основные труды:

1. Патогенез язвенной болезни желудка и 12-перстной кишки, 1996 г.
2. Бронхиальная астма, 2002 г.
3. Методологические проблемы философии, 2005 г.
4. Физиология высшей нервной деятельности, 2007 г.

КИМ (ЦОЙ) Людмила Александровна



Родилась в 1941 году в г. Акмолинске. Родители – Цой Хен Гук и Тянь Тянь Хи депортированы в 1937 году в пос.Шортанды Акмолинской области из г. Биробиджана Хабаровского края.

Среднюю школу окончила в г.Акмолинске. Продолжила учебу в медицинском институте г. Алматы, который закончила в 1965 году. Работала участковым терапевтом во второй горполиклинике г. Акмолинска (с 1961 г. – Целиноград). С 1967 года – в Целиноградском медицинском институте, в стенах которого она стала кандидатом наук, доцентом. Научные исследования, которые вела Людмила Александровна, завершились получением патентов на изобретение по диагностике и лечению хронических заболеваний методом мануальной акупрессурной рефлекторной терапии и оформлением Товарным знаком “МАРТ” от 1997 г., Евразийским патентом № 000050 от 29.12.1997 г. и Казахстанскими предпатентами от 29.08.1996 г. и патентом от 15.01.2001 г.

С 1996 года ведет частную практику, занимается лечением больных хроническими заболеваниями методом МАРТ.

У Л.А. Ким сын и сноха – врачи. Две внучки, старшая завершает учебу в медакадемии в Астане.

КНИМ Игорь Вячеславович

Родился в 1966 году в семье врачей в г. Алматы.

Окончил среднюю школу в 1983 году в г. Целинограде. Выпускник Целиноградского государственного медицинского института (1989 г.) С 1989 по 1990 годы обучался в интернатуре по хирургии в ЦГМИ. С 1990 года – врач-уролог, а затем андролог в первой горбольнице г. Астаны.



Упорно, целеустремленно работает над повышением профессиональной квалификации. В 2000 году прошел специализацию по эндоскопической оперативной урологии в Германии. В 2006 году – специализацию по урогинекологии в Москве. Научно-исследовательская работа по специальности завершилась в 2000 году защитой кандидатской диссертации. В настоящее время работает над докторской диссертацией. Имеет патент и патент на изобретения, опубликовал более 50 научных статей.

Женат, имеет двух дочерей. Одна из них заканчивает столичную Медакадемию.

СНИМАЕМ ШЛЯПУ

М.А. ПАК, 1936 г. рождения.

Скромные корейцы отмечают свой день рождения один раз в жизни, когда “стукнет” шестьдесят. Удивительный обычай, а по нашим временам еще и экономный.



Накануне шестидесятилетия зав. кафедрой внутренних болезней мединститута, кандидата медицинских наук, доцента Михаила Пака в редакцию обратились его коллеги по работе, охоте и рыбалке с просьбой осветить это знаменательное в масштабах города, области и охотничьих угодий событие.

Корейская фамилия Пак или слишком распространена, потому что постоянно на слуху, или слишком известны в городе люди, ее носящие. Михаил Алексеевич Пак для прославления своей фамилии, своего рода, если послушать его скромные речи, ничего и не делал: просто работал. Пака слушать интересно, ты ему: “Расскажите о себе”, а он – опять про



них, про своих кафедралов, студентов, детей. Именно это нажитое богатство он может предъявить Богу и людям как доказательство своей не напрасно прожитой жизни. О Боге мы, наверное, упомянули зря. Михаил Пак – закоренелый атеист. Даже когда два года назад его изрядно поломало в автомобильной катастрофе, и он буквально умирал, мысли о религии не приносили утешения. “Нет, все равно я – атеист, я верую в человека.”

Пак – врач, ему негоже опираться на такие понятия, как “судьба”, “предопределенность”. “Предопределенность” в больнице чаще всего зависит от доктора, от того, как он мыслит. “Помыслил” в одну сторону – и жив человек. “Помыслил” в другую – вот тебе и “судьба”.

Михаил Алексеевич – прекрасный диагност. Как говорят его любимые кафедряне, диагност от Природы. Умеет как-то разом охватить сложную картину заболевания, вычлнить главное – и диагноз готов. снералиссимус от медицины, светлая голова! К “светлой голове” предлагается к тому же спокойный нрав, чувство долга, интернациональный настрой. А все могло быть иначе: кому неизвестна судьба гонимого многострадального корейского народа, депортация, правовые ограничения. Но у Пака осталось впечатление, что жил он в интернациональном обществе, и этот навык он усвоил накрепко. Судьба была милостива к Михаилу Паку. 1937 год он не помнит, потому как был грудным младенцем, а потом все складывалось, как у многих: окончил Челябинский медицинский институт, работал, опять учился, защитил кандидатскую диссертацию, стал бессменным заведующим кафедрой, мозговым ее центром, уважаемым человеком в институте, в больнице и в городе.

Своим научным трудам он не придает особенного значения и не считает себя маститым ученым. У него другой, практический дар и большой талант организатора здравоохранения. “Я удовлетворен не своими личными достижениями, открытиями, публикациями, а тем, что есть сильная кафедра и что, несмотря на кризисное время, она активно занимается наукой. Вот двое недавно защитились, на подходе третья защита, двое в аспирантуре. Я удовлетворен своими детьми, тем, что один из сыновей пошел по моим стопам, одержим медициной, несомненно талантливый пульманолог.” Кстати здесь вспомнить и об отце Михаила Алексеевича, человеке тоже весьма известном. Во времена Никиты Сергеевича Хрущева он стал начальником Главтицепрома СССР на правах министра,



и по сути именно он поднял в Советском Союзе птицеводческую отрасль, которая особенно успешно развивалась в Казахстане.

– Мне до сих пор не хватает своих родителей, особенно мудрой моей мамы, – говорит юбиляр и что-то неуловимо детское мелькает на его улыбчивом лице, а когда он признается, что из всех книг смолоду предпочитал сказки, впечатление сохраненной чистоты удваивается.

О кристальной честности доктора сказал и Владимир Люст, доцент кафедры хирургии мединститута, который сам себе удивлялся: “Чтобы я, хирург, пришел просить за терапевта?!”

Действительно, каким терапевтом надо быть, чтобы перед ним снимали шляпу хирургии?

– Я много лет с ним проработал и знаю истинную цену этому человеку, – продолжил хирург. – Таких специалистов, как он, мало. Все, за что берется, делает основательно и блестяще. К примеру, развернул вместе со своими коллегами единственное в своем роде пульманологическое отделение и обустроил его на уровне последних достижений медицинской науки.

Вспомнили и студентов, которые за честь считают у Пака “тросточку получить, и охоту, и оригинальную методу Пака в натаскивании охотничьих собак. Многие вспомнилось грустного и веселого.

Планы на будущее у Михаила Алексеевича более чем скромные: работать. Для города, института, кафедры, больных – это великое благо.

Сегодня М. А. Пак ведет частную практику. А на первом плане он – консультант-кардиолог Республиканского госпиталя ветеранов Великой Отечественной войны.

Галина Баронова.
Газета “Иффо-Цесс”





КИМ Секдюн Ильич



Родился в 1952 году в столице Удмуртской АССР г. Ижевске. Здесь отец-архитектор Ким Илья Тимофеевич проработал несколько лет по распределению после окончания Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Затем семья переезжает в г. Акмолинск Каз. ССР, названный впоследствии Целиноградом.

В столице Целинного края Секдюн Ильич заканчивает среднюю школу, поступает в Целиноградский государственный медицинский институт, который заканчивает в 1975 году. Самостоятельную врачебную практику начал в районной больнице г. Алексеевка Целиноградской области, продолжил работу в железнодорожной больнице.

В 1990 году переведен в областную больницу врачом-рентгенологом. В 2001 году она преобразована в Республиканский научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии. В этом учреждении С.И. Ким в должности врача-ординатора. Имеет высшую квалификационную категорию. Является членом республиканской аттестационной комиссии по присвоению высшей врачебной категории на базе НИИ онкологии и радиологии (г. Алматы).

С.И. Ким имеет двоих дочерей. Старшая – Ирина по профессии экономист. Младшая дочь Ольга блестяще унаследовала профессию деда, закончив архитектурный факультет Акмолинского агроуниверситета им. С. Сейфуллина. Является лауреатом республиканских конкурсов, членом Союза архитекторов Республики Казахстан.

ОПЕНЬКО Владимир Геннадьевич



Родился 29 мая 1966 года в г. Целинограде. Окончил среднюю школу №15. Пионерский, комсомольский активист. Ему посчастливилось побывать во всесоюзном лагере “Артек”.

Высшее образование получил в родном городе – в 1989 году диплом врача Целиноградского государственного медицинского института. По распределению три года работал заведующим хирургического отделения в Селетинской районной боль-

нице Целиноградской области, затем в первой городской больнице областного центра.

В 2000 году состоялась успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. После этого работал в столичном департаменте здравоохранения. Сегодня Владимир Геннадьевич – главный эксперт в Комитете по контролю в сфере оказания медицинских услуг Министерства здравоохранения Республики Казахстан.

Владимир Геннадьевич – внук легендарной узницы Карлага Евгении Петровны Цой, героини очерка “Живи и помни”.

КИМ Геннадий Матвеевич

Родился 14 декабря 1944 года в поселке Архангельский Северо-Казахстанской области в семье репрессированных.

Окончил Карагандинский государственный медицинский институт в 1968 году.

Свою трудовую деятельность начал в 1-ой городской больнице г. Целинограда врачом-урологом.

В 1972 году впервые в городе начал обследование и лечение мужчин с сексуальными нарушениями. С 1994 года создает и возглавляет единственное в практическом здравоохранении Казахстана андрологическое отделение.

Автор более 30 печатных работ, 4 изобретений и 5 рационализаторских предложений.

Врач высшей категории, Отличник здравоохранения РК.

Сын – врач-андролог, дочь – врач-цитогенетик, внучка – студентка Казахской медицинской академии.





КОДЕКС ЧЕСТИ ВРАЧА



Въезжающим в столицу с аэропорта в диковину все, от самих новостроек до их “народных” названий. Справа золоченые купола Исламского культурного центра, напротив “Семь бочек” (столько полуовальных красавцев-домов), далее печальная погорелица “Зажигалка”, ну и т.д. Но не всегда гиды называют еще один комплекс, который рядом, в хороводе с новорожденными первенцами Астаны. Как-то он был показан в телевыпуске “Хабара” на фоне главы государства, отраслевого министра. И если в храме под золотыми куполами исцеляют душу, здесь лечат сердце, — это Кардио-хирургическая клиника Национального научного центра. А на фоне этих ярких персон в темных костюмах, на первом плане очень выделялся доктор, естественно, в белоснежном халате. Тотчас у меня раздался звонок: “Слушай, а кто этот кореец? Среди наших вроде такого не было...” Сообщаю дознавателю: теперь “этот кореец” наш! Великолепный доктор, классный кардиохирург, три года назад приглашенный из-за рубежа, когда в столице с участием Президента страны открылся этот научный центр. Юрий Владимирович Пя был назначен заведующим кардио-хирургическим отделением.

Он, действительно, весь наш. Родом с Южного Казахстана. Отец Владимир Степанович, математик, мама Екатерина Антоновна, учительница. Брат Владислав работает в Новосибирском академгородке. Родители наверняка, возможно, втайне гордятся сыновьями. Хотя у них в те далекие советские годы не получилось ступить на ту стезю, о которой грезили при получении аттестата зрелости. Юра страсть как хотел стать студентом знаменитого Московского физтеха. Как сказали бы сейчас, его “кинули”, при том, что вступительные экзамены сдал блестяще. Пресловутый “пятый” параграф, национальность. О, сколько было разбито тогда сердец, сколько померкнувшей романтики у корейских юношей, мечтавших о Физтехе, Бауманке. Но! Нет худа без добра. Сегодня Юрий Владимирович весело итожит: хорошо, что тогда Физтех “сразу разобрался, что я не ихний”. Так и говорит. И рассказывает, как пошло дальше. Год прокантовался в Доме пионеров в с. Ванновка, около Шымкента. Мама ему твердила: я же даже во сне

вижу тебя врачом, Юра. А Юра так озлился на Москву, что на следующий год вновь оказался... на Казанском вокзале, и, следуя желаниям родителей, а также бабушки (она была его главным спонсором, опять-таки как сказали бы сейчас) подал документы во Второй московский медицинский институт. Здесь – как “там”: пришел, увидел, поступил. Успешно закончил педиатрический факультет. И была любовь. Тамара Вячеславовна с ним хоть куда. Но сначала была Тула, бесквартирье, житейские испытания, но не передраги: были и мучительные раздумья, где осесть основательно. Решили: город Фрунзе, ныне Бишкек, взяли открепление, раньше была такая система. И пошла здесь жизнь, как у всех советских врачей. Травмопункт, ночные дежурства, детская хирургия, постепенная специализация по сосудистой хирургии, почти пять лет на полставки в республиканском НИИ кардиологии, сначала ассистентом, потом самостоятельные операции, где ты отвечаешь за все, и за себя...

Кто знает, как сложился бы профессиональный путь у молодого, но профессионально неумного доктора, но вполне очевидно, что намного ранее “остепенился” бы, т.е. получил бы степень кандидата наук, далее новая ступень. Но на все и вся обрушилась горбачевская перестройка, подорвавшая основы во многих отраслях, в том числе в медицине. Врачи бедствовали, страждущие безвременно уходили из жизни, дорогостоящая кардиохирургия отброшена назад. И вот на этом отрезке начинался новый отсчет у доктора Пя, который можно обозначить как “постсоветский” реализм. Мятущаяся душа ищет приложения своим талантливым рукам хирурга, на свои средства он едет в 1991 году в Сеул на X-й конгрессе кардиохирургов Азиатско-Тихоокеанского региона, наверное, в надежде найти свою рабочую нишу. Что-то “не срослось”. По возвращении не погнушался прирабатывать даже частным извозом, одно время обратил взор к религии. Все не то. Да так и есть с любым человеком, которому от рождения ниспослано свыше быть врачом, поваром, музыкантом, хлеборобом. А заветная цель, как маяк в ночи – не гаснет, манит, зовет. Так и у Юрия Владимировича. Но у него к тому же и своя “национальная особенность”, с восточной мудреностью: “Самый короткий путь к цели – он самый извилистый”. Он-то и привел его в 1994 году в Турцию, в г. Адан с двумя миллионами жителей. Три года здесь вполне хватило для профессиональной, языковой адаптации, обретения имени, имиджа. Затем крупный город Газиантеп, клиника медцентра “Санко”. Примечательно следующее: в обоих турецких центрах доктор Пя

приступал к работе сразу же после их торжественного открытия с участием главы государства.

Кардиохирургическую клинику в Астане тоже открывал Президент РК Н.А. Назарбаев. На памятном фото он рядом с ним! Чувствуется внутреннее напряжение, это вполне понятно. Можно ведь представить, что не один Юрий Владимирович претендовал на право заведовать отделением кардиохирургии. Хотя, с другой стороны, у нас таких высококвалифицированных специалистов не более десятка. Сложность же Ю.В. Пя была в том, что в Казахстане его не знали. Будучи в очередной раз в Москве, он прознал о предстоящем открытии клиники в новой столице, его бывший коллега настоятельно “впаривал” ему: твое место, достойное место, в Астане. Вернувшись в Турцию, доктор без особого волнения выслал по факсу свое резюме. Ответ пришел незамедлительно: “дем! Резюме, конечно, документ достаточно серьезный и краткий, но очень важные подробности, возможно, остались “за кадром”. Напрямую, при подготовке кандидатской диссертации научным руководителем и соискателя Ю.В. Пя был Лео Бокерия, защита ее прошла в Институте сердечно-сосудистой хирургии им. А.Н. Бакулева, специализацию проходил у самого Валерия Ивановича Шумакова, выдающегося хирурга с мировым именем. Знания, квалификация обогащались стажировками в клиниках Израиля, Англии, американском Кливленде, Мичиганском университете. Существенно при этом также следующее: доктор Пя ездил, обретал знания за свой счет, понятно, чего это стоило. Но и ему, такому хирургу, в Казахстане сегодня цены нет!

С ним встретиться можно было только в субботу и воскресенье – и в эти дни он в клинике. Потому что оперированные пациенты такой категории – особого риска. В недавние выходные мы и “погутарили за жизнь”. Кое-что удалось “накопать” для нашего читателя. Когда Юрий Владимирович услышал про образ “сердце на ладони”, поморщился. Ясно – это только для поэзии. Его же хирургическая проза постоянно на грани “ультимум рефуге”, с латыни это “операция отчаяния”. Сколько их в профессиональном ранце доктора Пя? Посчитаем, читатель: десять лет в Турции, в день бывало по 2-3 операции; третий год в Астане, не забудем Фрунзе-Бишкек. Ну, а самые-самые?.. Да они все серьезные, пусть даже не на прямом “моторе”, ведь хирургия-то – сердечно-сосудистая. Стоит забарахлить одному сосуду и катастрофа неминуема, вот так. Конечно, было немало очень рискованных операций. Одна случи-

лась очень давно, еще в советские годы, но о ней узнал весь мир, потому что газета “Известия” тогда была очень читаемой. Именно она поместила фото молодого хирурга из Киргизии, отважившегося на крайний шаг, почти смертельный эксперимент по тем годам – имплантацию в сердце инородного тела, попросту – вживить электрод девочке-дунганке. Такая ситуация называется “по жизненным показаниям”, т.е. или-или. Или она умрет. Она выжила! Ему был звонок с берегов далекой Кубы: “Я судовой врач Сергей Аистов, в руках “Известия”. Поздравляю, коллега, это профессиональный подвиг!” Как давно это было...

За первые два года в Астане доктор Пя, его команда анестезиологов, реаниматологов, медсестер проделали свыше тысячи операций. Первая – 7 апреля 2004 года, во Всемирный день здоровья. Первый пациент клиники – 63-летний Кадырбек Кожаметов; исход благоприятный, медперсонал прозвал его, почему-то, Александром Матросовым. Ровно через год аортокоронарное шунтирование (что-то напоминает о Б.Н. Ельцине) было сделано у Иннокентия Митрофановича Кима, 70-летнего ветерана труда. На нем, кстати, ярко выразилась медицинская истина: “Хирургия – это терапия на грани отчаяния”. Оба пациента сегодня в полном здравии и прсмного благодарны Юрию Владимировичу. Что ж, как написано у древнего римлянина Корнелия Цельса: “Действие хирургии сред разделов медицины – самое очевидное”.

В тихом, неспешном разговоре было много разного, даже рыбацкие анекдоты. Тревога за состояние здравоохранения, проблемы регионов. По мировой статистике на один миллион населения не менее тысячи остро нуждаются в оперативном вмешательстве. В Казахстане 15 млн. человек, у нас в отделении 24 койки, вот и считайте. Необходимо открывать кардиохирургию в областях, готовить кадры. В Астане очередь на год вперед. Свой отпуск всегда под вопросом. Думал ли два года назад, что здесь будет все непросто, нежели в отлаженной зарубежной клинике? И вообще, что подвигло тогда принять столь стремительное решение, продать чудный загородный дом, престижное авто, лишиться достойной зарплаты в частной клинике? – Не знаю, – искренне недоумевает Юрий Владимирович, – то ли затмение в голове, то ли какое-то озарение. Даже родители были немало удивлены. Докторская диссертация готова, в семье порядок, чего не хватает? Скорее, причина в том самом озарении и тихой тяге к родным казахстанским пенатам. Говорит, что отец очень благодарен казахской земле, это передалось ему, в общем, это



нечто необъяснимое, очень личное. В Турции остался сын Дима, доучивается в университете, а с ними дочка – подросток Катя.

– В Астану прилетели в лютую стужу, клиника на подступах к столице, окрест до самого горизонта снега, снега. Боже, как мы отвыкли от таких просторов, холодов, – вспоминает доктор. – Работы предстояло много, три месяца готовили клинику, прежде чем в тот памятный день помог первому столичному пациенту. Вот запись о том дне...

Он всех заносит в свой рабочий дневник. Наверняка всех не упомянет, но каждый исцелившийся помнит его: деликатные манеры, внушительную немногословность, но не замкнутость, которая пугает больного, его внушаемую веру в продолжение жизни. И есть особый символ в том, что рядом соседствуют Исламский духовный центр с его золотыми куполами и этот Кардиологический центр. Там молятся Аллаху, здесь – человеку, в руках которого твоя жизнь!

Юрию Владимировичу памятен понедельник 2006 года, ночь которого пришлось на мировой матч Италия – Франция. Спрашивали: каково его впечатление? Ни-ка-кос... “Даже если бы я был безумным футбольным фанатом, не смог бы позволить себе бессонную ночь. Потому что утром – операция, жизнь человека. Нет у меня права на футбол...” Это уже суровая требовательность к себе, профессиональный кодекс. Кодекс чести врача.

В. Ефимов



Я ВЗРАЩЕНА НА РОДИТЕЛЬСКОЙ ВЕРНОСТИ

В большой семье Ли До Хека Маша была самой младшей. Мечтой отца было всех видеть образованными, и потому земляки далекого уссурийского села Преображенка могли только изумляться паразитическому трудолюбию этого человека. Да, он хотел, чтобы вылетающие из его родительского гнезда дети крепко стояли на крыле, не познали тяжелых жизненных невзгод, какие испытал он, его родители. Он думал, что семейное счастье уже ладится, все лучшее впереди. Особые чувства отец испытывал к самой младшенькой, шестым чутьем улавливая в ней особую одаренность, видел, что девочка как-то необычно воспринимает мир...



В 1937-м ей исполнилось три годика... Рассказывает его дочь, профессор кафедры общей физики Евразийского университета имени Н.Гумилева Мария Алексеевна ЛИНГАЙ, ныне действительный член Академии гуманитарных наук Республики Казахстан.

Она автор более 70 научных трудов, научно-педагогических методик для гуманитарных и инженерных специальностей.

– Да, я отчетливо помню тот год, хотя, возможно, в это трудно поверить. В памяти остались мелькающие картинки тайги, речушек и особенно всякой живности. Маленькие живые игрушки-коровки, человечки, когда поезд тащился среди сопок и косогорья. Наверное, это отпечаталось потому, что сильно хотелось иметь игрушки, которых в нашем детстве не было.

Высадили нас в Кызылорде. Папа определился в пригородный рисоводческий колхоз, был поливальщиком. Работал крепко, если получал премии. А иначе и нельзя, детей куча. Но он двуязыльным, что ли, был. В Приморье перед самой депортацией сладил большой добротный дом, ведь разве думал, что в жизни произойдет крутой излом. За него он получил какую-то ну просто срамную компенсацию. К этому поднакопил немного и построил опять, но теперь домишко, он и сейчас стоит на улице Муратбасва, 20. А при воспоминании о том, приморском доме, у него стояли слезы в глазах. Как тут не вспомнить три достоинства настоящего мужчины: он должен построить дом, вырастить сад, воспитать благородного сына. Родитель свой земной долг выполнил! А я всю жизнь мечтала увидеть тот, первый отцовский дом, ведь при нем был заложен и прекрасный сад...



Время, что там говорить, было лихое. Не все мои братья и сестренки выжили. Когда пошла в школу, грянула война, вскоре отец “загремел” в трудармию. Мама, бедная мама, сколько тяжести враз легло на ее плечи. Она, как и тысячи корейских матерей, стоически несла свой крест. Рассказывать обо всем – суток не хватит. Скажу только, что она не сломалась под тяжким бременем, выполняла все наказания отца. Он попал на тувинские шахты, впоследствии схватил заболевание органов дыхания. Я до сих пор поражаюсь тому, сколько же в нем было живучести, что ли, если он умудрялся присылать нам кое-что, и это оказывало нам значительно крепкую поддержку. Например, помню пищевую соду, которую мама потом продавала ложечками, а выручка означала, что будет рис и что-нибудь к нему.

Помню такой большой праздник, как возвращение отца из трудармии. Мама поехала за ним, сколько было радости, когда они появились на пороге дома. Сломленный здоровьем, но не сломленный духом, отец теперь не мог, как прежде, работать поливальщиком. Нашел другое, при этом тихо и яростно “поливал” власть: “Какое же это государство, если страна – концлагерь, а счастье человека... тьфу...” Он приобрел мельницу, на которой перерабатывался рис-шала. Эта маленькая мельница была во дворе дома, ее крутил ишак. Примитивная техника, скажу вам. Кроме того, она не давала должного качества. Отец переделал ее на электрическую, что-то сконструировал, и его рационализация стала четко отделять рис от курмыка-сора. Про новинку прознали в округе, сразу стало много работы, мы зажили лучше. Стала сбываться другая мечта отца – сыновьям построить свои дома. И построил двоим, самый старший же сделал это самостоятельно.

Он, старший, во многом был самостоятельным. Григорий, так звали его, в моей памяти тоже, как отец – умный, благородный. Когда я заканчивала школу, объявила, что поеду учиться в Ленинградский университет, хочу стать математиком: в школе училась отлично. Но Григорий как-то в раздумье заметил, что “интереснее физика, ведь там больше вероятности научных открытий”. Выбрала второе.

Город на Неве... Все пленило, восхищало, очень хотелось поступить. Но сколько каверз было даже сразу после зачисления! Удивляюсь с высоты прожитой жизни: есть немало добрых людей, есть его Величество господин Случай, если черноокая девушка, нацменка, с припиской в паспорте о лишении прав на выезд за пределы Казахстана все же стала



студенткой такого прекрасного университета. И опять я вспоминаю своего незабвенного родителя. Он всегда встречал и провожал мои поезда, однажды очень гордился, что раздобыл билет в купейный вагон, в котором сжала дочь знаменитой певицы Куляш Байсеитовой. Отец очень хотел, чтобы я имела высшее образование. Я получила диплом по специальности геофизика, а вместе с ним распределение в один из научно-исследовательских институтов в Ростове-на-Дону. Но обустроиться там не пришлось, так сложились обстоятельства. Я стала работать в Кызылорде. Учитель, физмат пединститута. Все бы ничего, но где-то далеко в сердце тонкой струной отдавалось: а как же наука, геофизика, ведь только одну физику мне было неинтересно вести. В университете нас формировали по научному профилю, для исследовательской деятельности. Но что поделаешь, порой жизненные обстоятельства диктуют свой "профиль", поневоле становишься, как лукавит поговорка, пленником условностей и жертвой случайностей. В Кызылорде, во избежание от монотонных институтских будней, стала сотрудничать на метеостанции: инженер-синоптик, работа по-своему интересная. Климат в 50-е годы еще был устойчивый, хотя был уже зачат эмбрион экологической катастрофы над Аралом. Спустя десятилетия она, как раковая опухоль, черным крылом покрыла все Приаралье, ее черное дыхание сполна ощутили кызылординцы. Но в те годы выступить в защиту природы мало кто смел, ведь и природой "руководила" партия, которой надо было много "белого золота" – риса, причем любой ценой. Эта трагическая цена очевидна сегодня всему миру... В 70-80-е годы, когда я работала над кандидатской диссертацией со стратегическими выводами, исчерпывающими доводами в защиту окружающей среды, она не была допущена к защите, т.к. была "не диссертательной". В 1965 году я переехала в Целиноград, ныне Астану, стала работать в пединституте, преобразованном в Евразийский университет. Та, первая диссертация где-то запропастилась в недрах Академии наук, наверняка ею кто-нибудь да воспользовался. Ну да Бог с ними... Я же понимала, что в науке, как в мире балста: оппоненты и откровенные завистники, истинные исследователи и "околоученые", подлинные таланты и пританцовывающие неудачники. Я просто изменила свой научный румб.

Смысл моих исканий и приложения знаний сводился к экологическому просветительству населения, учащихся и учителей школ, студентов, а также руководителей отраслей, специалистов. Ведь беда, разразившаяся над



нашим государством, во многом явилась результатом экологической безграмотности, гражданской инфантильности, преступных позиций чиновников.

Маленькое отступление. Как настоящий ученый и скромный человек Мария Алексеевна считает, что возделанные ею плоды (будем называть это так) – лишь частица вклада в обширную программу экологического оздоровления республики. Ну, полно-те скромничать, уважаемый профессор! Со стороны-то виднее. Ваша кандидатская “Экологическая подготовка студентов в процессе изучения физики”, ее логическое продолжение в докторской диссертации “Экологическая подготовка преподавателей физики в системе непрерывного образования” вот уже который год являются настольными учебниками в казахстанских и российских вузах. Аттестационная комиссия Министерства образования РК признала руководимую вами кафедру молекулярной физики лучшей в вузовской системе. Ваши доклады на межрегиональных, международных научных форумах, масса основательных, выверенных практикой и временем публикаций, учебные и методические пособия, изданные, не считая Казахстана, в Москве, Санкт-Петербурге, Баку, Екатеринбурге, Душанбе и т.д., – разве этого мало? Далее, вас помнит г. Усть-Каменогорск, экологически ужасно неблагополучный, с тех пор, когда вы участвовали в работе научной экспедиции Всесоюзного (в начале 90-х годов) исследовательского центра Главной геофизической обсерватории имени А.И. Воейкова. Наконец, вы местная признанная личность-ученый и, являясь членом совета государственной экологической экспертизы, зачастую ставите решающую точку в той или иной проблеме северной столицы. И это надо оценивать с позиций той высокой социально-культурной значимости, экологической результативности, которые так необходимы нынешней Астане.

В неспешной беседе профессор не раз вспоминала свою студенческую молодость, Ленинград. Этому городу она многим обязана. Здесь, именно здесь происходило ее становление как ученого. По сути, Мария Алексеевна написала две кандидатские диссертации (помните, первая – безнадежно “затерянная”). Защита второй, а также докторской состоялись здесь, в городе на Неве. А это же прямое признание российским научным миром ученого из Казахстана! В былые годы, когда была доступна гражданская авиация, она всегда стремилась поучаствовать в традиционных герценовских чтениях, выступала с интереснейшими

докладами. Ученые-россияне до сих пор помнят эту удивительную энергичную женщину. Но мало кто знал, каких усилий стоила очередная поездка (материальных, разумеется). В последние годы все-все профессор оплачивает из своего кошелька – вот вам и подтверждение преданности науке и общечеловеческому долгу перед обществом. А каждая встреча ныне с Санкт-Петербургом словно напитывает ее энергетикой молодости, научной, духовной. Познавшая многие ценности искусства и культуры этого уникального города, Мария Алексеевна возвращает и в своих студентах тягу к прекрасному, ее мир окружен музыкой и поэзией, друзьями и благодарными питомцами, которые пишут ей из ближнего и дальнего зарубежья. Так прав ли был поэт, воскликнувший: “Уходят женщины в науку, как уходили в монастырь...”

В 1997 г. Мария Алексеевна Лигой избрана действительным членом Академии гуманитарных наук Республики Казахстан. Эту весть она восприняла спокойно, более восторжен был супруг Владимир Александрович, он тоже ученый. А она в такие высокие минуты жизни внутренне, невидимо для мира, печальна и грустна, ее мысли в эти мгновения – родителях, и особенно об отце. Если бы он знал, что его мечта сбылась –

– Отец ушел из жизни в 66 лет, трудармия, хвори укоротили его жизненный путь. Мама скончалась в возрасте 88 лет. Сегодня нас трое сестры и брат. Все мы, как говорится, стали людьми, за что безмерно благодарны родителям, отцовскому роду. Я знаю свое генеалогическое древо – оно благородно. Дед мой, например, был завучем корейского педучилища, умным человеком остался в памяти брат отца, дядя Ваня. Все мои родственники нравственно чистые люди, с ясной душой. И я благодарна судьбе, что случай сохранил меня вместе с сестрами, родными. Дело в том, что в те далекие годы, в Кызылорде неподалеку от нас, через железнодорожную нитку, проживала бездетная корейская чета. Супруги горевали от такой драмы. Очень просили наших родителей отдать им меня. Наверное, это было возможно, но разве мои решились бы на такое? Хотя житейские трудности были невыразимыми, отец с матерью и слышать о подобном не хотели. Вот она, родительская верность, и святой долг, на которых я возвращена. И если депортация 37-го года попереломала жизненные планы и устои старшего поколения, она, несмотря ни на что, не смогла сломить их дух, извечное стремление дать счастье своим детям!

“КИ”



СУДЬБА КАК У МНОГИХ



ДЕГАЙ Владимир Маркович

Родился я в селении Крабы Посыетского района в 1935 году. Мой отец Дегай Марк, по рассказам матери, был грамотным человеком. Он принимал активное участие в создании рыболовецких хозяйств на Дальнем Востоке, был председателем сельского Совета, должность по тем временам серьезная и уважаемая. Я был в семье самым младшим, седьмым ребенком.

Родители мои добрые, сердобольные люди, в селе их почитали, жили мы вроде неплохо. Население поселка кормилось морем.

Но вот грянул 1937 год. Отца арестовали одним из первых, по гнусному доносу каких-то людей. Он пытался было доказать свою невиновность, потрясая на суде документами, успокаивал мать, выкрикивая, что его скоро отпустят. Честный, правдолюбивый мой отец. И наивный – то был зловещий 1937 год. Попервой ему “впаяли” пять лет. Мать рассказывала: за первые два года она получила пару весточек. И все. Дальше полная безвестность. На многочисленные запросы – никакого ответа. Наша мама (звали ее Пак Степанида, 1896 года рождения) предположила: или умер, не выдержав условий лагерной жизни и тяжелого труда, или расстрелян. Вообще, наша семейная беда совпала с общей драмой народа, это были звенья одной цепи, связанной с массовыми репрессиями и депортацией корейцев с Дальнего Востока в Среднюю Азию и Казахстан.

Конечно, по малолетству я не могу помнить как все это было. Но поразительно, что две-три картинки нет-нет да и вспыхнут в моей памяти (спустя 70 лет): битком набитый людьми вагон-товарняк, отблески громадного водоема (наверное, озеро Байкал), какие-то скалы, туннели, леса. А уже по прибытии на место в Казахстан запомнились мазанки, земляные полы. Первым нашим поселением был Ущ-Тобинский район. И первыми людьми, с которыми мы повстречались, были казахи. Как показала дальнейшая жизнь, они оказались воистину нашими спасителями, предоставив свой кров, делясь последней лепешкой, оказывая помощь, в первую очередь детям и старикам. Огромная благодарность этому народу, низкий поклон. Тысячи депортированных корейских семей обрели здесь вторую родину, а для их детей, последующих поколений Казахстан стал единственной Родиной.



Через два года после депортации наша семья и часть родственников переехали в Ташкентскую область. К тому времени из семерых детей нас выжило только трое. Несколько лет мы прожили в г. Янги-Юль, где старший брат Леонид, имея неполное среднее образование и окончив бухгалтерские курсы, устроился на сахарный завод. Жизнь вроде стала налаживаться, но в 1941 году началась война. Брата забрали в трудовую армию. Через два года он вернулся – совершенно разбитый и больной. Маме кое-как удалось его выводить. Впоследствии он, очень старательный и отличный бухгалтерский специалист, всю жизнь проработал в должности главбуха в колхозах, совхозах Ташкентской, Джамбулской областей, а в 50-е годы в строительном управлении “Волгодонстрой” Ростовской области.

Матери было нелегко без Леонида, и она перебралась с двумя детьми в колхоз имени Энгельса Нижне-Чирчикского района, где жили наши родственники. Здесь я закончил семилетку, а среднюю школу – в г. Волгодонске Ростовской области. Школьные годы запомнились замечательными учителями. Так, в той семилетке работала Екатерина Николаевна Кан, она была женой легендарного Ким Афанасия, соратника и сподвижника маршала Блюхера В.К. По воспоминаниям, Афанасий Ким одним из первых получил из рук маршала орден Ленина – высшую награду государства того времени. А Екатерина Николаевна была превосходным педагогом. Удивительно живая, умная, невысокого росточка, она нас завораживала. Она имела два университетских образования, что по тем временам было большой редкостью. Она вела математику и биологию. Кроме того, на общественных началах заведовала библиотекой, неустанно пополняла ее фонды, прививала всем нам любовь и вкус к художественной литературе. Нензгладим из памяти и Шин Алексей, впоследствии ставший известным ученым, доктором исторических наук. Он был у нас пионервожатым.

Приятны воспоминания о Волгодонске. Молодой город речников. Цимлянское море, Цимлянская ГЭС. Каскад шлюзов-красавцев Волгодонского судоходного канала. Конечно, при этом нельзя забывать, что все это, как и многие другие из великих строек коммунизма (терминология тех лет) воздвигалось руками заключенных. Я был единственным корейцем в Волгодонской школе №1, но это не было мне помехой. Я успешно учился, занимался общественной работой. Избирался комсоргом школы, членом райкома комсомола.



После окончания школы поступил в Ташкентский пединститут имени Низами на филологический факультет. Но через два года захотелось большего. Заново подал документы на исторический факультет МГУ им. Ломоносова. Поступил! Это вселило большую уверенность в себе, в свои возможности. Закончил престижный московский университет в 1962 году. По распределению попал в только что созданный Кокчетавский педагогический институт. С 1965 года работал в Целиноградском пединституте. В 1970 закончил аспирантуру Ленинградского университета. Защита прошла успешно. Тема диссертации была посвящена роли республиканской партийной организации в деле коммунистического воспитания молодежи. Вообще дело воспитания – это тонкая материя, оно актуально во все времена, не теряет своей остроты и сегодня. Затем мне пришлось принять участие в создании Аркалыкского пединститута в 1971-1972 гг. в должности проректора по учебной и научной работе. С 1972 г. – доцент Целиноградского сельхозинститута, где проработал до 1998 года.

Я по-своему счастлив. У нас с моей замечательной женой Татьяной Александровной трое детей, внуки. Она специалист по языкам, более тридцати лет работает в столичном аграрном университете. Судьба на казахстанской земле сложилась как у многих детей депортированных родителей. Они сделали для нас все, что смогли, чтобы мы могли выйти, как говорится, в люди. И теперь мы, второе поколение, закликаем: 1937-й не должен повториться – ни с каким народом и нацией. Мы наказываем нашим детям и внукам: будьте благодарны древней казахской земле, ее мудрому народу за доброту, щедрость души, проявленные к нашим отцам и дедам. А как представитель научной общественности скажу еще вот о чем: не следует оханвать все, что было в прошлом. Есть такой в науке “Закон отрицания отрицания”. То есть отрицая неприемлемое с точки зрения высшей нравственности, духовности, надо сохранять из наследия прошлого все лучшее, чистое, что присуще нормальной, гуманной морали. Иначе трудно понять, как всем нам удалось выжить, получить образование, добиваться своих целей, быть равноправными в большой многонациональной казахстанской семье.

СОН Афанасий Ефимович

Родился 2.12.1932 г. в г. Владивостоке Приморского края в семье учителей. В 1937 году депортирован с родителями в Казахстан. Среднюю школу окончил в с. Новоишимка Акмолинской области в 1949 г. После успешной сдачи вступительных экзаменов стал студентом исторического факультета Казгосуниверситета им. Кирова (ныне имени Аль-Фараби), который окончил с отличием.



Трудовую педагогическую деятельность начал директором средней школы на руднике Богембай Алексеевского района Акмолинской области. Переехав в Акмолинск работал завучем зооветеринарного техникума, затем с 1958 года последовательно возглавлял педагогические коллективы школ № 17, 21, длительное время был директором самой большой в городе школы № 1 имени С. М. Кирова. Возглавляемый А.Е. Соном предколлектив приумножил добрые, славные традиции, заложенные предшественником, мудрым учителем и наставником Николаем Ивановичем Лю. Школа славилась в республике высокими показателями в учебно-воспитательном процессе, нравственном воспитании учащихся, спортивными достижениями, культурно-массовой работой.

С 1966 года Сон А.Е. совмещает работу с заочной учебой в аспирантуре Московского педагогического университета им. В.И. Ленина, которая завершилась успешной защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Следующий после этого этап – работа в Целиноградском педагогическом институте им. С. Сейфуллина – старший преподаватель, проректор по заочному обучению, заведующий кафедрой экономической теории, проректор по учебной работе. На этих постах проявился его блестящий организаторский талант, высокая научная эрудиция, умение увлечь студенческую молодежь к творческому самосовершенствованию, педагогическому мастерству снискали ему заслуженный авторитет среди профессорско-преподавательского состава вуза и будущих учителей, специалистов народного образования.

Награды: юбилейная медаль “За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина”. Высшая педагогическая награда Республики Казахстан – медаль имени Ибрая Алтынсарина. Избирался депутатом райсовета г. Целинограда. В настоящее время пенсионер.



НОГАЙ Адольф Сергеевич



1951 года рождения. В 1977 г. окончил инженерно-физический факультет Ташкентского политехнического института им. Р. Беруни по специальности: "Полупроводниковые и микроэлектронные приборы". По государственному распределению был направлен инженером в конструкторское бюро Ташкентского завода электронной техники ПО "Фотон" Министерства электронной промышленности СССР, где проработал 2 года. С 1979 г. вся его биография связана с научно-педагогической деятельностью. Был младшим научным сотрудником физического факультета Ташкентского государственного университета. В 1981 г. прошел стажировку во Всесоюзном научно-исследовательском институте электрокерамики. С 1982 по 1984 г. обучался в аспирантуре в Научно-исследовательском физико-химическом институте им. Л.Я. Карпова в Москве.

В 1987 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук по специальности: 01.04.10 – "Физика полупроводников и диэлектриков" в Московском институте стали и сплавов.

С 1984 г. по 1993 г. работал младшим научным сотрудником, затем старшим научным сотрудником физического факультета Ташкентского государственного университета.

В 1993 г. Ногай А.С. перевелся на работу в Акмолинский сельскохозяйственный институт, ныне Казахский государственный агротехнический университет им. С. Сейфуллина. Был старшим преподавателем. С 1994 г. по 1998 г. заведовал кафедрой электротехники и автоматической электросвязи.

В 1998 г. присвоено ученое звание доцента ВАКом Республики Казахстан. В 2001 г. был переведен с должности доцента на должность старшего научного сотрудника для завершения докторской диссертации. Диссертационную работу выполнял на кафедре общей физики физического факультета Омского государственного университета. За период с 2001-2002 гг. им была подготовлена докторская диссертация, опубликовано более 25 статей. Результаты работы докладывались на различных международных конференциях, выпустил монографию по теме диссертации.

В 2003 г. в Физико-техническом институте МО и НАН РК успешно защитил докторскую диссертацию на соискание ученой степени доктора физико-математических наук по специальности: 01.04.07 – “Физика конденсированного состояния”.

С 2004 г. по 2005 г. Ногай А.С. был председателем методической комиссии энергетического факультета и внутренним аудитором университета по системе менеджмента и качества (СМК). Он активно участвовал в комиссиях по проверке учебной, научной и воспитательной работы кафедр и факультетов университета.

В 2005 г. ему было присвоено звание профессора. На сегодня общий научно-педагогический стаж составляет 27 лет.

С 2006 г. по настоящее время заведует кафедрой автоматической электросвязи университета, проводит лекционные, практические и лабораторные занятия для студентов очной и заочной формы обучения энергетического факультета. Под его руководством студенты энергетического факультета выполняют дипломные и научно-исследовательские работы. Он руководит диссертационными работами соискателей. Участвует в разработке научно-исследовательских тем по прикладным и фундаментальным исследованиям. Ногай А.С. является обладателем гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан “Лучший преподаватель ВУЗа 2007 г.” В рамках полученного гранта начата научно-исследовательская работа по теме: “Разработка новых методик получения наноматериалов”. Им опубликовано более 90 научных трудов. Имеются авторские свидетельства, патенты, монографии и учебные пособия. Единично написано и издано учебное пособие: “Введение в физику электро- и радиотехнических материалов” для студентов энергетических и технических специальностей объемом более 10 п.л. Он участвовал в разработке типовой программы по дисциплине “Теория автоматического управления” для технических специальностей. Также изданы другие учебно-методические материалы для студентов энергетического факультета КазГАТУ им. С. Сейфуллина. Материалы научных работ им также докладывались на различных международных научных конференциях, имеются публикации в зарубежных журналах.

С 2006 г. Ногай А.С. является членом научно-технических советов университета и Комитета по промышленности и научно-техническому развитию при Министерстве энергетики, индустрии и торговли.

Большое внимание Ногай А.С. уделяет воспитательной работе студентов, активно участвует в организации и проведении республиканских научных конференций, готовит студентов к участию в республиканских научных конференциях и в различных конкурсах. Имеется благодарность от Министерства образования и науки РК за руководство научными работами студентов.

ПАК Никифор Данилович



Родился 20 мая 1930 г. в с. Благословенное Еврейской автономной области Хабаровского края в семье крестьянина. В 1937 году был незаконно репрессирован и переселен с родителями в Казахстан, в Акмолинскую область.

После окончания средней школы в 1949 году поступил в Чимкентский учительский институт, который окончил в 1951 году. Был направлен в Фурмановскую среднюю школу Джамбулской области, где работал учителем истории. В 1953 г. переехал в п. Акчатау Карагандинской области, преподавал историю, был завучем средней школы. Работу совмещал с заочной учебой в Челябинском педагогическом институте, который закончил в 1959 году. В 1957 г. вступил в ряды Коммунистической партии.

В 1962 г. переехал в г. Щучинск Кокчетавской области, преподавал в средней школе, затем работал инструктором райкома партии. С августа 1966 г. – заведующий кафедрой философии, и.о. доцента в Целиноградском медицинском институте. В 1970 г. был направлен в годичную аспирантуру при 2-м Московском медицинском институте.

В 1975 г. в Москве успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук.

С 1986 г. – декан Целиноградского филиала Алматинского института народного хозяйства. С 1990 г. – доцент кафедры философии Целиноградского педагогического института. С 2000 г. на пенсии.

В 1995 г. реабилитирован. Награды: юбилейная медаль “За доблестный труд” (1970 г.), медаль “Ветеран труда”.

КИМ Петр Григорьевич

*18 марта 1931 г. рождения, г. Владивосток
Приморского края.*

Кандидат экономических наук, профессор.



Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова, исторический факультет по специальности "Этнография" (1961 г.). Там же закончил очную аспирантуру (1972) и защитил кандидатскую диссертацию.

В 1950-1952 гг. учился в Ленинградском государственном университете им. А.А. Жданова на восточном факультете, корейском отделении. Закончил два с половиной курса, бросил учебу, как и многие корейские студенты ленинградских вузов, в знак протеста против дискриминации. Причина в том, что в октябре 1952 года всем студентам-корейцам первого курса, обучавшимся в вузах Ленинграда, приказали покинуть город.

Вернувшись в Казахстан, работал спектроскопистом в Ленинградской геолого-разведочной экспедиции, работавшей в республике, научным сотрудником в историко-краеведческом музее. В 1965-1969 гг. – преподаватель на кафедре политэкономии в Целиноградском сельскохозяйственном институте.

1969-1972 гг. – аспирант кафедры политэкономии МГУ им. М.В. Ломоносова. По завершении аспирантуры вернулся на кафедру и проработал до 1980 г.

В 1980-1997 гг. два срока заведовал кафедрой политэкономии в Талдыкорганском государственном университете им. И. Жансугурова и в должности доцента.

В 1997-2003 гг. – доцент, затем профессор на кафедре экономической теории в Жетысуйском экономическом институте. В 2001 г. в Алматы издал учебник по экономической теории для студентов вуза.

2003-2006 гг. – доцент кафедры экономической теории ЕНУ им. Л.Н. Гумилева.

ЛИ Вячеслав Николаевич



Родился 16 июля 1948 г. в г. Акмолинске. В 1972 г. окончил Казахский государственный университет им. С.М. Кирова, в 1978 г. аспирантуру физического факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Кандидат технических наук, доктор философии (PhD), профессор. Член Академии естественных наук РК, член Европейской академии естественных наук.

Проректор университета “Кайнар” и директор технического колледжа “Асу”.

Работает в корейских национально-культурных объединениях с 1989 года. В 1995-2000 годах – председатель правления филиала Ассоциации корейцев Казахстана в г. Астане. Член Ассамблеи народов Казахстана с 1995 по 2000 г.

ЮГАЙ Жанетта Петровна



Родилась 10 июля 1946 г. в г. Уштобе Талдыкурганской области. В 1964-1969 годах училась в Ленинградском университете на восточном факультете (корейское отделение). С 1969 по 1990 годы работала в Целинограде учителем английского языка, инженером отдела информации в проектно-институте “Целингипроектсельхоз”.

С 1990-го по сей день – учитель корейского языка в воскресной школе. Проходила стажировку в Республике Корея в 1992 и 2006 годах.

В данное время – учитель корейского языка, рукоположенный пастор церкви Назарянина, переводчик (корейский язык).

Муж – Лю Борис Иванович. Сыновья – Владимир, Александр.

Вперед, к родному языку!

Воскресная корейская школа в Астане функционирует уже более десяти лет. Своим успехам “воскреска” обязана ее филологу – языковеду высшей квалификации Жанне Петровне Югай, питомцы которой,

в свою очередь, несут знания корейского языка на постсоветском пространстве и за его пределами. Пример тому – Марк Кан с уроками корейского в Германии. Лестные оценки подвигают ее на постоянные поиски очередных новаций. Вот и в эти майские дни, ближе к завершению учебного года, она решила закончить его нестандартно. В офисе филиала АКК, благо он просторен, сошлись три группы, которые разнятся по возрастным категориям. Накрыли стол по принципу “что бог послал” – вышел “пир богов”. Ученики нанесли разной корейской снеди, и приступив к пиршеству, стали уточнять, объяснять, поправлять друг друга – как правильно называется и прописывается тот же чимпени, кадюри, пягода и т.д. Как соблюдать правила этикета за званым столом, обращаться к гостям, важным персонам. Словом, миниценны большого банкета будущим переводчикам эта наука крайне необходима. Говорили об особенностях, тонкостях и прелестях родного языка, обсуждали передачи и программы корейских СМИ. Добродушно посмеялись над трансформацией слов, которые не нуждаются в переводах, например, такому как “медре” /ведро/, “мупета” /буфет/, “пиндяка” /пиджак/ и т.д. А если серьезно – это издержки депортации 1937 г. Сегодняшняя цель – не только познавать язык, но и осваивать его каноны. И здесь неоценима роль преподавателя Жанны Петровны Югай. В свое время она блестяще закончила факультет востоковедения Ленинградского госуниверситета, отделение корейского языка, но в советские времена ее специальность не была востребованной. Ее час “пробил” десяток лет назад, а сегодня в столице ей нет равных в искусстве преподавания прекрасного корейского языка своим ученикам. Это особенно наглядно при сравнении с другими курсами, которые ведут некоторые миссионеры и прочие пришлые люди. Замечательное в школе Жанны Петровны Югай и то, что корейский язык осваивают не только дети, молодежь, но и люди пожилого возраста, разных национальностей. У нее успешно обучаются казашка Жанна Зулкарнай, русская Женя Кальсина, украинка Света Юрченко. Пенсионерка Лилия Андреевна Син говорит: сначала водила внуков, а потом сама втянулась в учебу. Поэт Евгений Евтушенко призывал: “Вперед, к Пушкину!” То же самое можно сказать и о нашей учебе – знай язык своего народа, почитай и береги его!

“КИ”



ВОНГАЙ Александр Дмитриевич

4 февраля 1938 г. рождения, г. Кызылорда

Кандидат физико-математических наук (1972), доцент.

Окончил Казахский государственный университет в 1961 г.



Трудовую деятельность начал в Институте ядерной физики АН Казахской ССР. С 1967 г. по 1971 г. учился в аспирантуре Института атомной энергии им. И.В. Курчатова (г. Москва). После окончания аспирантуры продолжил работу в Институте ядерной физики АН Казахской ССР.

В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию по проблеме проявления изотопической инвариантности в легких ядрах.

Научные интересы связаны с теорией ядерных реакций при средних энергиях и структурой атомного ядра. В последние годы ряд работ посвящен радиоэкологическим проблемам на территории бывшего Семипалатинского ядерного полигона и Акмолинской области. В 1976 г. избирается заведующим кафедрой физики в Целиноградском педагогическом институте. С тех пор, за исключением небольшого перерыва, занимается преподавательской деятельностью. С 1992 г. по 1995 г. работал в Институте радиационной экологии на территории бывшего Семипалатинского ядерного полигона.

В настоящее время работает директором колледжа "Лингва" в г. Астана. Колледж готовит преподавателей и переводчиков иностранных языков, в т.ч. и с корейского языка.

Имеет свыше 80 опубликованных работ, среди них два учебника: "Ошибки измерения" и "Лабораторные работы по теории распространения электромагнитных волн".

Общественная деятельность – первый председатель Целиноградского культурного корейского центра.



ЮГАЙ Жанна Иннокентьевна

*1945 года рождения, пос. Акколь,
Целиноградской области*

“Судья от бога” – так можно сказать об этом замечательном человеке, начиная небольшую статью для очень нужной и своевременной книги, которую вы держите в руках. Она обладательница Почетного знака Союза судей Республики Казахстан “УШ БИ”. Вся ее трудовая деятельность умещается в трех строках! Но какие это годы – 36 лет!



Окончила в 1971 году Казахский государственный ордена Трудового Красного знамени университет имени С. Кирова, получила квалификацию юриста.

Вся трудовая деятельность Югай Ж.И. прошла в органах судебной системы. Начала работать секретарем судебного заседания народного суда Ленинского района г. Караганды, затем стала консультантом по жалобам Карагандинского областного суда. С 1973 года – член Джезказганского областного суда, с 1979 года – и.о. народного судьи, народный судья Индустриального районного суда Павлодарской обл. С 1982 года судья Павлодарского областного суда. В 1997 году ее переводят судьей в Акмолинский областной суд. С 1999 года судья Суда города Астаны.

За время работы Жанна Иннокентьевна зарекомендовала себя грамотным и высококвалифицированным работником, избиралась членом президиума, судьей надзорной коллегии суда города Астаны. За длительный период работы судьей не имела отмены решений, приговоров, постановлений коллегии.

Любима и уважаема, пользуется заслуженным авторитетом среди юристов Казахстана.

Глубокая профессиональная подготовка, высокое чувство ответственности за порученный участок работы, принципиальность, огромный опыт судебной работы – вот что позволяет Югай Ж.И. правильно и целенаправленно организовывать свою работу и оказывать действенную практическую помощь судьям. Имеет много поощрений и наград.

Последняя выписка из представления Югай Жанны Иннокентьевны:
“Председателю Верховного Суда Республики Казахстан Мами К.А.



За добросовестное отношение к труду и правильное отправление правосудия в соответствии с Положением о выдаче и порядке поощрения Верховным судом Республики Казахстан

прошу:

За безупречную деятельность по отправлению правосудия и в связи с Днем Конституции Республики Казахстан присвоить ЮГАЙ Жанне Иннокентьевне звание "Почетный Судья Республики Казахстан"

Председатель суда г. Астаны

Джакишев С.А. "

Вот небольшая биографическая и служебная справка о человеке с большой буквы и огромным жизненным потенциалом! О человеке совести, чести и достоинства!

ЭМ Владимир Андреевич



Судья надзорной коллегии Акмолинского областного суда, высококвалифицированный юрист, посвятивший всю свою жизнь безупречному служению Фемиде, торжеству справедливости

Эм В.А. – выходец из крестьянской семьи. Родился 19 мая 1938 года в гор. Нерчинске Читинской области Российской Федерации.

После окончания средней школы на станции Кок-Су Кировского р-на Талды-Курганской (ныне Алматинской) области пошел на производство, работал каменщиком в Строительном управлении № 4 треста "Сталинуголь" гор. Караганды.

В 1959 году поступил на юридический факультет Казахского государственного университета имени С.М. Кирова, который успешно закончил в 1964 году и был направлен на следственную работу в город Целиноград (ныне гор. Астана).

С 1964 по 1970 г.г. работал старшим следователем УВД Целиноградского облисполкома. Затем после увольнения из органов внутренних дел по состоянию здоровья, работал в прокуратуре Целиноградской области старшим следователем (1970-1971 г.г.), прокурором следственного отдела (1971-1974 г.г.) и начальником следственного отдела (1974-1976 г.г.).



Эм В.А. всегда ответственно относился к любому делу, понимая, что за каждым стоит человек, решается его судьба, и принимал решения в строгом соответствии с законом.

Работая следователем, проявил незаурядные способности в раскрытии и расследовании сложных, запутанных преступлений. На его счету много раскрытых так называемых “бородатых” и считавшихся “безнадежными” дела в связи с неустановлением в течение более 10 лет лиц, совершивших преступление, или из-за неустановления места нахождения преступника.

Ему поручалось расследование громких, получивших широкий общественный резонанс уголовных дел, например, таких как об эпизоотии сибирской язвы с человеческими жертвами, автокатастрофе, унесшей 11 жизней молодых парней (учащихся СПТУ), приезжавших в Казахстан на уборку урожая из Украины. В кратчайшие сроки по этим делам установлены причины и виновные лица, которые привлечены к уголовной ответственности и осуждены.

В следственной практике считались сложными для расследования уголовные дела о хищениях государственной собственности в особо крупном размере путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением, за совершение которых прежним уголовным законодательством Казахской ССР предусматривалась даже смертная казнь.

Эм В.А. специализировался на расследовании этой категории дел. Умело работая с документами, изучая бухгалтерские и банковские операции, выявлял факты хищения и изобличал расхитителей, которые под тяжестью неоспоримых графических доказательств были вынуждены признаваться в совершении преступления. Так, им было расследовано и закончено одно такое уголовное дело на 11 расхитителей, которое состояло из 37 томов. Все привлеченные к уголовной ответственности лица Целиноградским областным судом (эти уголовные дела были подсудны областным судам) признаны виновными и осуждены к различным срокам наказания.

За добросовестное и безупречное выполнение служебного долга В.А. Эм в период нахождения на следственной работе неоднократно поощрялся грамотами, ценными подарками, денежными премиями и благодарностями, награжден Грамотой Министра внутренних дел СССР как один из лучших следователей.



В октябре 1976 года Эм В.А. избран членом Целиноградского областного суда, откуда в 1981 году направлен на партийную работу в Целиноградский обком Компартии Казахстана инструктором отдела административных органов.

В июле 1987 года он вновь вернулся на судебную работу: назначен на должность заместителя председателя Целиноградского областного суда по гражданским делам.

Прежде Эму В.А. не приходилось рассматривать гражданские дела. Поэтому ему пришлось освежить свои знания гражданского, трудового, жилищного, семейного права и других законов, регулирующих правоотношения между гражданами, изучать судебную практику по всем категориям гражданских дел. Однако хорошая теоретическая подготовка и знание судебной практики сами по себе, хотя это тоже безусловно важно, без умения правильно применить законы для отправления правосудия недостаточны.

Кроме того в коллегии, которую возглавил Эм В.А., работали судьи-цивилисты со стажем более двадцати-тридцати лет, имели богатейший опыт рассмотрения гражданских дел. Естественно, в их глазах он выглядел “новичком” и проявление уважительного отношения к нему с их стороны было продиктовано прежде всего человеческим фактором и признанием должностного положения.

Хорошо понимая эту психологическую ситуацию, и чтобы самоутвердиться, и прежде всего в собственных глазах, Владимир Андреевич, заступив в должность, сразу же взял в свое производство по первой инстанции четыре гражданских дела: об отъеме от отца ребенка и передаче его на воспитание матери, об установлении отцовства и взыскании алиментов на содержание ребенка, о признании договора обмена квартирами недействительным, о незаконном увольнении. По тем временам дела этих категорий считались одними из самых сложных для рассмотрения.

Сложность этих дел усугублялась еще и тем, что по ним ранее неоднократно принимались решения, причем противоположные, то в пользу истцов, то в пользу ответчиков, однако те и другие решения неоднократно отменялись Коллегией по гражданским делам Верховного Суда республики. Естественно, при их рассмотрении до принятия окончательного решения В.А. Эм советовался, обсуждал с судьями коллегии, которые высказывали свое мнение о разрешении дел и, конечно, они были полярными. В.А. Эм принял решение по своему внутреннему

убеждению и пониманию норм закона. Принятые по всем этим гражданским делам решения Верховным Судом были признаны законными, обоснованными и оставлены без изменения. Несомненно, в дальнейшем это сыграло важную роль во взаимоотношениях с судьями-цивилями, организации слаженной работы коллегии и направлении судебной практики по гражданским делам в области.

В 1989 году Эм В.А. переведен на должность заместителя председателя этого же областного суда по уголовным делам, по должности одновременно являлся председателем коллегии по уголовным делам. После упразднения должностей заместителей председателей областных судов продолжал возглавлять коллегию по уголовным делам.

При рассмотрении уголовных дел Эм В.А. досконально изучал материалы дела, скрупулезно исследовал в судебном заседании обстоятельства события преступления и после тщательного анализа совокупности доказательств выносил приговор, который требовал от него, как и от других судей, проявления не только объективности, справедливости но и принципиальности и нередко мужества.

Сейчас является нормой в судебной практике вынесение оправдательных приговоров. В советское же время постановление об оправдательном приговоре считалось чрезвычайным происшествием и практически такие приговоры не выносились, а если они и были, то являлись единичными и потому не характеризовали судебную практику.

Поэтому вынесенный Эмом В.А. оправдательный приговор в отношении привлеченного к уголовной ответственности за умышленное убийство с особой жестокостью, т.е. приотягчающих обстоятельствах (ст. 88 ч.1 п. "г" УК Каз.ССР) лица, находившегося в период следствия под стражей свыше 9-ти месяцев, было для правоохранительной системы "громом среди ясного неба". Всеми вышестоящими судебными инстанциями (Президиумом, Пленумом) Верховного Суда республики решение, вынесенное под председательством судьи Эма В.А. об оправдании, признано правильным.

С этими выводами согласилась и Генеральная прокуратура Союза ССР, куда обратился с представлением Генеральный прокурор Казахской ССР о внесении протеста в Пленум Верховного Суда СССР.

Все юристы-практики того времени понимали, как сложилась бы дальнейшая профессиональная судьба Эма В.А., в случае отмены оправдательного приговора. Знал это и сам Эм В.А., но поступить иначе,

принять решение вопреки своей убежденности в невинности человека, против своей совести он просто не мог. В этом и был весь Эм В.А.

В 2002 году в связи с достижением пенсионного возраста Владимир Андреевич освобожден от должности председателя коллегии, но остался в должности судьи областного суда, где по сей день, несмотря на достижение установленного трудовым законодательством предельного возраста, продолжает плодотворно трудиться судьей надзорной коллегии, оставаясь верным присяге судьи.

Заслуги Эма В.А. в укреплении законности и правопорядка в Акмолинской области, его добросовестное отношение к работе, долголетний безупречный труд и высокий профессионализм отмечены заслуженными наградами: медалями "50 лет Советской милиции", "За освоение целинных и залежных земель", "Ветеран труда", "Ерен еңбегі үшін", Грамотой маслихата Акмолинской области, он поощрялся ценными подарками, премиями и благодарностями.

Владимир Андреевич Эм пользуется большим уважением и авторитетом среди юридической общественности области и судейского корпуса Республики Казахстан.

Акмолинский областной суд
г. Кокшетау. 2007 год

ХВАН Федор Тельманович



Родился 22 декабря 1951 г. в селе Чкалово Гурьевской области Каз. ССР в семье политического узника. Отец Хван Тельман отбыл десятилетний срок в сталинских лагерях. Сыну передались такие отцовские качества как целеустремленность, негибаемая воля, сострадание к людям.

В 1953 году семья пересახала в Ташкент. В 1968 году Федор окончил среднюю школу. В том же году поступил в Казахский государственный институт физической культуры, который успешно окончил в 1972 году.

С 1975 года начинает работу в г. Целинограде – ассистентом кафедры физвоспитания в сельскохозяйственном институте. В спортивной жизни города это был знаменательный период: молодой тренер открывает пер-



вую в областном центре секцию дзюдо. Надо ли говорить, сколько молодежи было увлечено этим видом восточного единоборства, сколько сил вложил Федор Хван в развитие массового спортивного движения в городе.

С 1980 по 1986 год Федор Тельманович на посту старшего тренера по борьбе дзюдо в республиканском Совете добровольного спортивного общества "Кайрат". Затем почти десять лет заведовал кафедрой физвоспитания в Целиноградском сельхозинституте. За эти годы из студенческой среды, городской молодежи вырастают чемпионы, победители областных, республиканских соревнований, призеры Спартакиады народов СССР, Азиатских игр, победители Кубка мира.

Федор Тельманович взрастил блестящую плеяду талантливых спортсменов, достойно представлявших Казахстан на международной арене. Он выпестовал двух мастеров международного класса, 28 мастеров спорта СССР и Республики Казахстан.

С 1996 года Хван Ф. Т. – доцент кафедры военно-физической и самс подготовки Акмолинского филиала Костанайской высшей школы милиции, впоследствии преобразованной в Академию финполиции. В настоящее время является директором школы дзюдо имени профессора Асубаева А.

Ф. Т. Хвану присвоены почетное звание "Заслуженный тренер РК", "Почетный деятель спорта РК", "Почетный работник Академии финполиции РК". Имеет специальное звание "Подполковник финансовой полиции РК".

Являлся активным членом правления Целиноградского корейского культурного центра в годы председательства Кима В.Х.

Хван Ф. Т. – отец троих сыновей, четырех внуков.



Цой Юрий Алексеевич



Московский ученый Югай Г.А. в 2007 году свое эссе "Жизнь и судьба репрессированных корейцев в СССР и их потомков" посвятил 70-летию проживания корейцев в Центральной Азии. Во второй главе автор пишет: "Гилен Васильевич всегда гордится своим единственным и любимым племянником – Цой Юрием Алексеевичем, доктором технических наук, профессором, членом-корреспондентом Российской академии сельскохозяйственных наук, Заслуженным деятелем науки России, заведующим отделом Всероссийского НИИ электрификации сельского хозяйства (г. Москва)".

Цой Ю.А. родился в 1941 году в г. Кызылорде. В 1958 году стал студентом механического факультета Целиноградского сельхозинститута. По окончании вуза всю жизнь посвятил сельскохозяйственной науке, внес крупный вклад в теорию и практику комплексной электромеханизации и автоматизации животноводства. В четвертой главе эссе сообщается, что Ю.А. Цой является первым корейцем в СНГ, избранным в государственную Академию наук (член-корр.).

Цой Ю.А. – автор 220 научных трудов, включая научную монографию, 12 книг и справочных пособий, 78 изобретений в области электромеханизации и автоматизации животноводства. Отдельные положения научных трудов Ю.А. Цоя вошли в учебники для студентов сельскохозяйственных вузов.

Под руководством Цоя Ю.А. подготовлено 4 доктора и 15 кандидатов технических наук. Всего за период своей деятельности с участием Цоя Ю.А. освоено производство 23 наименований новых технологий, машин и оборудования, которые успешно работают в 27 регионах России.



СЭНСЯНИМ, ПАТРИАРХ ЦЕЛИНЫ

Имя этого Человека овеяно легендами. Его яркая жизнь, тернистый путь, трудовые свершения снижали ему славу, признание, высочайший авторитет. Они не поблекли со временем, не потускнели регалии, награды былых советских эпох. Кан Де Хану – 95! Чародей на земле целинной, признанный руководитель сельского пролетариата, выпестовавший целую плеяду талантливых хлеборобов, тружеников ферм, интеллигенции. Личность!



Три знаковые даты сошлись сегодня у нашего героя. В десятилетие казахстанского суверенитета Н.А. Назарбаев выразил благодарность корейскому патриарху: «Мы верили в себя, мы не жалели своих сил труда для того, чтобы возвести прочный фундамент современного государства... Я горд тем, что на этом нелегком пути меня окружали такие современники!».

Вторая дата – полвека тому, когда председатель североказахстанского колхоза им 18-летия Казахстана Кан Де Хан был удостоен высшей государственной наградой – звания Героя Социалистического Труда. Третья связана со всем дальневосточным народом: депортация, крутой перелом в судьбе. А она, судьбушка его, уже до 1937 года поиспытывала как могла. Юношей, лишившись родителей, был в батраках у кулаков, разнорабочим на рыбных промыслах, фабриках. У молодого Кана, между тем, была неодолимая тяга к учебе. Сумел окончить педагогический рабфак во Владивостоке. Вскоре стал секретарем политотдела Тафунинского райкомбината. А дальше было как у всех: эшелоны, дальний транзит. Он попал в Астраханскую область, колхоз «Красноярце», определен на культурно-просветительную работу. Здесь сельчане доверили возглавить правление колхоза, но до этого пришлось пройти все проверки, и прежде всего для того, чтобы быть принятым в партию (ВКПб). Судьба была благосклонна к нему, если в те немилосердные времена так повернула к нему. Но... Когда началась Великая Отечественная война, астраханских корейцев «задвинули» еще дальше, в Казахстан. Так Кан Де Хан и попал в Шортандинский район Акмолинской области, угодил на 36 точку. Село называлось Новокавказское (здесь уже были кавказские депортанты). У Кана опять с нуля: полгода конюхом,

завфермой, председатель безнадежно отсталого колхоза. За короткое время дела стали выправляться и вот уже райком партии принимает другое решение: коммуниста Кан Де Хана перевести на следующую “точку” и никаких возражений. Точка! Так в 1944 году он стал председателем очередного безнадежного колхоза. Село тоже в корне слова имело “новизну” – Новокубанка. Здесь он прожил почти 60 лет.

И вот вся его жизнь предстанет на торжествах, устроенных 1 июля с.г. в честь 95-летия, в одном из фешенебельных ресторанов столицы. Из приветственных адресов, выступлений уважаемых ветеранов, соратников, многочисленных гостей, родственников встает поистине легендарный образ человека, посвятившего себя святому служению людям, с которыми начиналась новая жизнь на казахстанской земле. Всех очень подкупила в то далекое время одна черта в молодом председателе колхоза – интернационализм. Он виделся людям уже в том, что на первом собрании попросил колхозников: называйте меня Дмитрием Хасеновичем (по первым буквам корейского имени). В селе люди были сплошь из сосланных сюда. А одна из легенд (это была) такая: в первый вечер незнакомый азиат пришел в колхозный клуб на киносеанс. В окошке кассы ему было сказано: что написано на афише? – “Дети до 16 лет не допускаются.” И молодой председатель безропотно пошел домой.

Он стал десятым по счету “колхозным головой” того злосчастливого, запущенного хозяйства. Пройдут годы, десятилетия. Колхоз имени 18-летия Казахстана станет красой и гордостью республики, освоенной и покоренной Целины. Кто только не перебывал в нем: зарубежные делегации из разных и особенно экзотических стран – Индонезии, Мозамбика и т.д., не говоря уж о странах соцлагеря, Америки, Канады... Со сцены великолепного по тем временам Дома культуры выступали легендарная Любовь Орлова, композитор Ян Френкель, писатель Анатолий Иванов (“Тени исчезают в полдень”), сейчас всех невозможно перечислить. Все это подтверждала в своем выступлении председатель областного Совета ветеранов Магавья Исмагамбетова, в прошлом секретарь Целиноградского обкома партии. Она говорила о невероятной скромности и человеческой порядочности Кан Де Хана. Власти давали ему автомобиль “Волгу”, а он предпочитал сельский “Уазик”, колхозники уже жили в добротных домах коттеджного типа, а он с семьей из трех детей ютился в хибарке того послевоенного времени. Колхозники, прибывшие на торжества целой делегацией, согласно кивали, гости

покачивали головами. Да-а, легенда. М. Исмагамбетова очень точно дала определение: Дмитрий Хасенович во все времена был “базовой личностью” в районе, области, республике, его лично очень ценил Динмухамед Кунаев. Взволнованным было выступление бывшего секретаря Шортандинского райкома партии Галины Алексеевой: в Новокубанке властвовала поистине колхозная демократия, все решалось народным “курултаем”. Кан Де Хану всегда было нелегко руководить мощным хозяйством, имея в виду то обстоятельство, что рядом был очень серьезный сосед – Всесоюзный научно-исследовательский институт зернового хозяйства (ВНИИЗХа) во главе с академиком А.И. Барасвым. Но зачастую бывало так, что хлебные поля колхоза были полновеснее, элитнее. Вспоминаю и события более чем тридцатилетней давности, когда его провожали на пенсию, а уходил он переработав еще несколько лет. Кан Де Хана не хотели, по его добровольному решению, отпускать – ни колхозники, ни вышестоящее руководство. Но он был непреклонен. И тогда один из молодых колхозников в сердцах произнес: “Ну кто же после него сможет работать Кан Де Ханом?” Вот такая оценка. Или другое: когда готовились встречать очередную высокую делегацию, переживали – как встречать, чем угощать. Ответ был всегда один – по-кандехановски. Я впоследствии была заведующей облоно, часто отвечала на вопросы молодежи: с кого делать жизнь? – С Кан Де Хана.

Именинника поздравляли хором и персонально, аким района Т. Жангуразов, вековой соратник И.И. Пинчук, дочь Ирина, правнучка из Эквадора Маша, приветствие прислал внук Марк из Германии. Столичный филиал АКК адресовал ему такое послание: “Многоуважаемый, достопочтенный сэнсяним Кан Де Хан, наш всенародно любимый Дмитрий Хасенович! Ваше 95-летие совпало с 70-летием проживания корейцев в Казахстане. Вы сполна познали все тяготы и лишения народа, тем глубже и обостренней осознали его чаяния и надежды... Вы сумели сплотить людей разных национальностей, сосланных в эти края зловещим режимом, объединить в одну братскую семью. Вы истинный интернационалист...”

Молодая мама двух прелестных мальчишек Юлия, внучка Кан Де Хана, до слез тронула весь зал, вспоминая о бабушке Соне. Она всегда была в тени знаменитого мужа, но она поистине Берегиня в этой большой интернациональной семье. Она похоронена в Новокубанке, а дед в последние годы живет вместе с мамой Ириной. То место в селе святое, его чтут все селяне. Могла ли она перечить председателю колхоза, когда в семье



всегда испытывался недостаток того-сего? Пыталась в молодости, но потом оставила саму мысль об этом. Как легенду помнят колхозники случай, когда кто-то привез ночью к дому председателя копну сена, зная, что его буренка осталась без подножного корма. Разгневанный Кан Де Хан наутро распорядился вернуть корм в колхозный стог. И еще не один, сегодня воспринимаемый как курьезный, случай вспоминали на этом большом семейном застолье.

Во второй части торжества слово взял сам патриарх. Говорил спокойно, с толком, с расстановкой. Благодарил людей за внимание, за оказанную честь. Вспоминал все лучшее, что пришлось на его век с колхозными людьми, подчеркивал: мы трудились на общее благо, на наше счастье. Так сложилось в те послевоенные годы, что государство встало перед необходимостью реорганизовать колхозы в совхозы. Из 17 хозяйств только наш колхоз оставили в прежней форме. Помню, что сказали тогда: этот колхоз-миллионер будет примером именно как колхоз. Спасибо Вам всем, что долгие десятилетия Вы смогли своим трудом подтверждать значение лучших в республике, спасибо за то, что всегда были рядом, какие бы бури – климатические, политические ни бушевали на наших просторах.

Увиденное, услышанное на этом торжестве наводит на глубокие раздумья. Мудрецами изречено: “Жизнь, как пьеса в театре: важно не то, сколько она длится, а насколько хорошо сыграна”. Что тут скажешь о многоуважаемом Кан Де Хане? Великолепно сыграна, а точнее, исполнено указанное судьбой назначение быть вожаком народа, создать людям благоденствие на сельской земле, обрести им счастье. Это достойно летописи, книги, киноленты. В разные годы пишущая, снимающая братия отражала путь Кан Де Хана, его прославленного коллектива. Казалось бы, достойно и объемно. И все же... Вот что поведала дочь Ирина Дехановна, в прошлом профессиональная журналистка: и все же многие не смогли постичь глубинную суть моего отца. Да, наверно, это было бы очень непросто. Многие в свое время его не понимали, считали... ну, того..., дескать, зачем бежать впереди паровоза. А вот в этом-то и был весь Кан Де Хан. Новизна, новаторство – вот что было его движущим мотивом. Когда он строил первый в области Дворец культуры, душские на молочных фермах, когда мечтал об асфальте и путевках колхозникам в лучшие санатории страны – его считали фантазером, мечтателем. Люди же жили в мазанках, носили телогрейки и кирзовые сапоги. Но потом



все – подчеркиваю – все замыслы стали явью. Подлинная культурная революция (не путать с китайской) произошла, когда впервые распахнулись врата того Дворца культуры. В него, это я помню, входили как в святой храм: никакой керзухи, ватников, то было жесткое пожелание председателя колхоза. Это всего лишь один пример. Отца уважал Н.С. Хрущев, но он смог обхитрить и его, когда тот насаждал неприспелый в наших краях квадратно-гнездовой способ выращивания своей любимой кукурузы. По обочине колхоз сеял по-хрущевски, а в глубине как обычно. И хозяйство всегда было в достатке с сочными кормами. Я могу бесконечно рассказывать о хитрости и мудрости отца, но нужно ли это кому-то сегодня? Но в одном согласна со всеми: скромность отца была потрясающая. В 1957 году ему присвоили звезду Героя соцтруда, надо было ехать в Москву на вручение. А он не смог – не было костюма. Через год был костюм, но зимой не оказалось приличной верхней одежды. Ему дали “на прокат” полу пальто “Москвич”, старые люди помнят такую одежду.

Сегодня Кан Де Хан живет в столице. Но село не забывает его. Н сможет забыть. Потому что этот Человек – Кан Де Хан!

“КИ

ЖИЗНЬ – НА БЕЛУЮ ЗАВИСТЬ

От столицы до голубых сандыктауских сопот четыреста верст с гаком, а там до целинного села Лесное рукой подать. Благословенным слыло оно еще и десяток лет назад, когда Иннокентий Митрофанович принял окончательное решение: Астана. Настаивали доктора, но более терзали тревоги дорогих дочерей за родителей, и не мог далее он допустить постоянных волнений, переживаний их на расстоянии. Тсперь же, раз в году (непрерменно) бывший директор завода держит путь в эту лесную глубинку, влскомый тем, что отражено в строках древнекорейского поэта: “Неповторимо в жизни лишь одно: родителям высокос служение”. На сельском погосте покоится отец Ким Митрофан (отчества в паспорте не было), потомственный дальневосточный рыбак, после депортации закончивший трудовой путь в балхашской рыбной флотилии. Вопреки обычаям, сел-





власый сын навещает родителя не день в день по лунному календарю, а в православный родительский день. Так однажды случилось, и сельчане в тот раз сказали: приезжай, Митрофаныч, именно в этот день, встреча с тобой для нас большой праздник, их так мало теперь. А помнишь, как было тогда?..

Это “тогда” вместило в себя ровно четверть века. В начале 70-х годов Кима вызвали в обком партии. Ночь была бессонной: вроде бы уборку закончили вовремя, к зимовке скота подготовились, планы по зерну, мясу, молоку перевыполнены. Вообще за пять лет совхоз “Нововладимирский” директор Ким вывел из отстающих не только в передовые, но и в образцово-показательные, по выражению тех лет. Покончено с бескультурьем в земледелии, отлажена механизация, внедрена автоматизация в животноводстве, труженики очень довольны улучшенной жизнью в Целиноградской области, о Киме, что называется, заговорили. В обкоме же партии, всесильном тогда органе, сказали: вот что, уважаемый Иннокентий Митрофанович, – даем новое партийное поручение. Есть у нас в глубинке Балкашинский госплемзавод, дела там прохудились, там нужен ты. Только ты. Следует пояснить, что в те годы такое “партийное поручение” означало строгий приказ руководящего органа, не терпящий возражений, иначе будешь причислен к “уклонистам”, т.е. без последующей какой-либо перспективы. Делать нечего – надо собираться в дальнюю дорогу. Первое, что запомнилось при въезде в райцентр Балкашино, так это указательный столб, на табличке которого местные остряки начисто стерли первую букву “Б”... Н-да... А вот и село Леснос, в 12 километрах от райцентра, неухоженное, с кривыми дорогами, обшарпанные финские домишки первых лет целины, в которых жили-прозябали местные “алкашинцы”. Что ж, вздохнул Ким, как говорится и “единица начинается с нуля”. В памяти еще свежи призывы-лозунги вчерашнего вождя Хрущева: цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи! Значит, за работу!

В Казахстане в те годы таких госплемзаводов было несколько, понятно, какое внимание к ним со всяких инстанций. Здесь объединялись усилия практиков, хозяйственников, ученых. Животноводство страны нуждалось в развитии селекционной работы, племенного дела, выведения улучшенной породы скота. Иннокентий Ким, выпускник московской сельхозакадемии им. Тимирязева, вознамерился взять все высоты, которые предоставила ему профессиональная судьба, поставил личные планы:



в лесной глубинке создать равноценную городской сельскую цивилизацию, сделать жизнь деревенского труженика достойной. Осуществилось? Да, достойным образом. И мало кому ведомо, что он однажды был представлен к присвоению самого высокого в советскую эпоху звания Героя Социалистического Труда. Но “не срослось”, говоря на современном сленге. Звезды героев давались тем, кто был ближе к высоким партийным кабинетам, кто умел жить по партийным “понятиям”. Он же, Ким, был удостоен ордена Ленина, впрочем, награды тоже высокой пробы, и уж конкретно заслуживший ордена Трудового Красного Знамени. Плюс уйма Почетных грамот, Диплом ВДНХ СССР (выставка достижений народного хозяйства). Улыбается: вот эти два ковра с той выставки.

Что сотворил в те годы в балкашинской глубинке, самом отдаленном населенном пункте области директор И.М. Ким? Есть ответ мудреца: “Действия человека – лучшие переводчики его мыслей”. Иннокентий Митрофанович замыслил тогда многое. И вот как это было “переведено” в жизни: парк Победы, молодежный парк, великолепный Дворец культуры, в котором проводились многочисленные районные мероприятия. Типовая средняя школа, в которой учились дети с окрестных сел – Граниковка, Речное, Михайловка и т.д. Благоустроенное жилье для животноводов, хлеборобов. Торговый центр, участковая больница. Огороды. Люди ездили во всесоюзные здравницы, молодежь после институтов возвращалась в свою любимую сельскую глубинку. Ежегодно на расширение строительства расходовалось более миллиона рублей, прибыль же хозяйства приближалась к трем миллионам, деньги по тем измерениям очень серьезные. Однажды у Кима побывал американский фермер, именитый, знающий толк и в племенном скоте, и в зерновом производстве. Изумленно иностранца не было края: мистер Ким, это невероятно, но это факт! И ваши быки-красавцы, и ядреное пшеничное зерно, и ваши прекрасные трудолюбивые люди. Ведь наша пропаганда рисовала вас, советских, по-другому. 30 центнеров пшеницы с гектара и это в зоне рискованного земледелия, а ведь зерно не ваша специализация. Поразительно!

Многому поражался тогда американский фермер. Раздолью, широкому размаху, деловитости советского хозяйственника Кима. Зачем он обременяет себя развитием зернового производства – 24 тысячи гектаров хлебной пашни, это же целый совхоз хлебного назначения. Но директор отвечал: а зачем нам зависимость от других? Своя кормовая



база для поголовья, своя хлебопеккарня, наконец, обеспечение тружеников завода кормами для личных подворий. Тонна комбикормов стоила сущие копейки, почти бесплатно сено, солома. А потом, уважаемый фермер, в засушливые годы, в неурожай наш племенной скот вполне благополучно выживает на соломе. Американец цокал, векидывал палец большой – о кей, мистер Ким! В полный восторг заморекний гость пришел, увидев быков-красавцев по имени Бартон, Демон, других племенных производителей. 1200-1300 килограммов каждый. Они были плодом “любви” науки и производства: селекции, скрещивания калмыцкой породы и завезенных из Англии высокопородистых экземпляров. Новая выведенная порода “казахская белоголовая” и сегодня не превзойдена на мировом рынке, “мраморное” мясо нежное, высших вкусовых качеств. И еще из достоинств: эта порода неприхотлива во всем (та же солома), акклиматизирована к местным суровым условиям, валютна при реализации. Но чего это стоило директору госплемязавода, коллективу, сколько всякого люда перебывало в те годы в Лесном: из ученого мира, сторонников, скептиков, доброжелателей, завистников. Не счастье. Яркие встречи, имена греют душу Иннокентия Митрофановича. Прежде всего его труженики. Кирилл Иванович Кисель, Степан Петрович Патута вырастили по шесть тысяч отборных племенных телят, другие животноводы добились высокой сохранности общественного поголовья. Их стимулировала щедрая система поощрений, само собой, многие имеют правительственные награды. Об одной, “ну очень яркой встрече” Иннокентий Митрофанович рассказывал со смехом. Представьте, я сопровождаю министра сельского хозяйства СССР (!). На пути пасет гурт тот самый Патута. Министр просит остановиться. Здоровкается “по ручкам”, как дела, то-се. Потом спрашивает: скажи-ка, мил-человек, какой скот лучше – наша “казахская белоголовая” или английская порода, которую хотим повсеместно рекомендовать. Патута в тон ему: а вот смотри, мил-человек, нашу скотинку – ведь как хороша. Картинка! И вынослива, и неприхотлива. А в Москве этот дурак Мацкевич почему-то очень хочет “англичанку” у нас завести. Скажу по-крестьянски – пропашсе это дело...

Ничего не сказал на это министр, он же Мацкевич Владимир Владимирович, со смехом (сегодня) рассказывает Иннокентий Митрофанович. Но тогда мне было не до веселья. Потом было продолжение этой истории. Вызывает меня первый секретарь обкома партии Н.Е. Кручина (царство ему божье). Опять бессонная ночь, утром еду. А он мне вру-



часть коробочку, передай ему, Патуте от министра Мацкевича. Там были золотые часы. Вот такие золотые люди работали у меня, заключает Ким. Благодаря им наш госплемзавод был одним из лучших в Союзе, высоко нес марку Казахской ССР. Сейчас же мне, бывая раз в году в Лесном, горько видеть, что многое из созданного порушено, захирело село, люди понурые. Мне как-то передали, что люди сочинили невеселый стих, что если бы я вернулся после пенсии, да взялся бы заново, то "ноги б Киму мыли, и юшку эту пили". Как-то нехорошо мне было от всего этого. Я всегда уважительно относился к людям. Ноги-то пока в состоянии вымыть сам. Горько, обидно за людей...

Обосновавшись в столице, подправив здоровье, ветеран-аграрий, с его неумной душой, искал приложения своим природным дарам. Точнее, его искали, ибо у него был выбор. Лично зам. министра МВД РК уговаривал возглавить подсобное хозяйство этого ведомства, оно в пригороде столицы. Иннокентий Митрофанович дал согласие, но как теперь говорит, "на свою голову". Дела-то он там выправил за пару лет, но более оставаться не смог, "атмосфера там какая-то... непонятная". Потом еще поработал в частном сельхозпредприятии, но все это уже было "не то". И его можно понять. Руководитель с большим государственным мышлением, понимавший масштабность, целесообразность очередных задач в то трудное советское время, умевший вести большие коллективы сельских тружеников на решение целевых программ, стал свидетелем крушения того, что создавали годами, десятилетиями. Не выдерживали нервы, мораль, сердце. Оно, сердце, год назад чуть не привело к семейной катастрофе, когда лучшие терапевты столицы отводили глаза при встрече с родственниками. Его спас доктор Юрий Пя, сделав открытую операцию на сердце. Сегодня Иннокентий Митрофанович в полном здравии, очень активен, оказывает посильную помощь диаспоре в проведении 70-летней даты проживания корейцев на казахской земле. Впрочем, немногие и помнят, что он, самый "удаленный" в области кореец-руководитель, в первый год создания корейского культурного центра в Целинограде (1989 г.) первым внес в копилку три тысячи рублей (это половина стоимости "Жигулей"). Потом еще и еще, хотя сам из-за отдаленности не мог участвовать во многих мероприятиях.

Он вспоминает прошлое бережно, с волнением, трепетно. Рано остался без мамы. И если бы ему потом не сказали, что вторая жена отца Цай Енсук мачеха ему, не поверил бы этому. Низкий поклон ей.



Депортированный отец-рыбак на Балхаше был капитаном рыболовецкого судна, команда из семи человек. Рыба маринка "тогда спасала корейцев от голода", вспоминает Иннокентий Митрофанович. Родитель настаивал на том, что я тоже должен плавать. Поступил в Астраханский институт рыбного хозяйства, но год "воляния". Друзья звали в Москву, это было престижно. А в Москве растерялся, стал спрашивать: где учатся на председателя колхоза? Так попал в Тимирязевку. Отцу дал телеграмму, что поступил. Потом рассказывали, что отец неделю пил, то ли от радости, то ли от расстройства, что я не стал рыбаком. На каникулы всегда приезжал в поселок Куйган на Балхаше, это колхоз "Достижение", название осталось с Дальнего Востока. На каникулы сюда всегда приезжала Галина, корейка из Самарканда, она там училась в сельхозинституте, и тоже на зооветспециалиста. Поженились. Это потом очень поможет им в балкашинской трудовой эпопее.

Москва запомнилась не только студенческой порой. В казахстанском аграрном секторе работал еще один выдающийся наш соотечественник – директор крупнейшего в СССР зернового совхоза "Кустанайский" Алексей Андреевич Пак. Впоследствии он возглавил Главптицепром СССР, был на правах министра. А.А. Пак всегда шел навстречу дальневосточным землякам, его квартиру на площади Восстания помнят многие. Его советы, наставления у меня крепки в памяти, говорит Иннокентий Митрофанович. Вообще с Москвой мы повязаны накрепко. Там сегодня живет старшая дочь Маргарита, она вышла замуж за сокурсника еще во время учебы в МАИ (авиационный институт). Это первая гордость отца и Галины Геннадьевны. Последующие дочери (их еще четыре!) рядом, все в Астане. С какой любовью родители говорили о них, о внуках. Спрашиваю: наверно, над Вами подтрунивали, когда рождались девочки? – Конечно, "бракоделом" называли! А вот то, что ты называешь, корреспондент, – "дамский мастер" – первый раз слышу. Ха-ха! Смеется и Галина Геннадьевна, удивительно "незаметная" женщина в нашем мужском разговоре, очень деликатная, и от того очень приятная. Мы иной судьбы не желаем и не мечтаем, говорят они. Наш дом – полная чаша, потому что дочери, интернациональные зятья замечательные ребята, преданные, искренние люди. Вроде только вчера справили мое 70-летие, а впереди – золотая свадьба. Они нам говорят: от вас потребуются только одно: начистить и надеть ордена, остальное мы все сами. Вот такая жизнь...

Такая жизнь – на белую зависть!

С. Волков

ЦАЙ (НОГАЙ) Анастасия Михайловна

Родилась в 1924 году в с. Корсановка Суифунского района Никольско-Уссурийской области ДВК в семье крестьян. Отец Цай Михаил Васильевич в детстве был батраком. Мать Ким Марфа Иннокентьевна. В 1929 году в селе был организован колхоз "Политотдел", в 1937 году хозяйство было также депортировано под Ташкент. Впоследствии этот колхоз стал знаменитым.



В 1932 году пошла в корейскую школу. Через год семья переехала в Еврейскую автономную область, село Казанское. Семья была единственной корейской в этом селении. М.В. Цай работал заведующим машинно-тракторной станцией (МТС). Анастасия стала учиться уже в русской школе. В дни массовой депортации отец и его братья Лука, Анатолий и Федор встретились в столице еврейской автономии в г. Биробиджане – вместе погрузились в эшелоны, направлявшиеся в Казахстан. До этого они работали в колхозе имени Карла Либкнехта. По прибытии на новое место, в Акмолинскую область, семья Цаев была определена неподалеку от Акмолинска, здесь же были высажены еще десятки сосланных с Дальнего Востока. Спецпереселенцы обосновали колхоз под прежним названием им. К. Либкнехта. Но так сложилось, что его больше неофициально знали как "Корейский колхоз". Ныне здесь учебно-опытное хозяйство (учхоз) Акмолинского агроуниверситета. Здесь Анастасия Цай продолжила учебу. В 1941 заканчивает "семилетку", работает в овощной бригаде колхоза. Отца забирают в трудовую армию. В 1942 году поступает в Щучинское педучилище, но учебу пришлось прервать из-за житейских трудностей. Вернулась в колхоз на прежнюю работу. Через год предложили быть учителем в начальной школе. Затем стала секретарем комсомольской организации, заведующей избой-читальней. В этих должностях была до 1949 года. За это время была принята в ряды партии, являлась народным заседателем Акмолинского райнарсуда. Затем в течение года исполняла обязанности председателя этого суда. До 1954 года выполняла партийное поручение, заведя отделом кадров станции Акмолинск. С началом освоения целинных земель с мужем Ногай Петр Григорьевичем, специалистом сельского хозяйства переехали в совхоз "Новоишимский". Он был главным зоотехником, Таисия Михайловна начальником отдела кадров. С 1957 по 1967 годы в этом качестве они



проработали в соседнем совхозе “Рассвет” Целиноградского района Целиноградской области.

Следующий этап жизни – Акмолинский птицеводческий совхоз под руководством Дмитрия Алексеевича Кима. Т.М. Ногай заочно заканчивает зоотехникум, работает ветврачом на птицефабрике. На этом сельхозпредприятии Таисия Михайловна десять лет возглавляла партийную организацию, одну из лучших в районе и области. Перед пенсией была работа юрисконсультом.

Т.М. Ногай награждена орденами Трудового Красного Знамени и “Знак почета”, шестью медалями, в том числе “За доблестный труд в Великой Отечественной войне”, “За освоение целинных и залежных земель”. С Петром Григорьевичем вырастили трех сыновей: Игорь – профессиональный военный, Олег – юрист, Святослав – госслужащий.

Пенсионерка Т.М. Ногай проживает в Астане, окружена заботой и вниманием детей и внуков.

ЦОЙ Владимир Александрович



Родился в 1928 году в г. Гродеково Приморского края. Родители Цой Хен Гук и Тян Тхя Хи. В 1937 году семья вместе с дедом была депортирована в Казахстан, Акмолинскую область.

После окончания школы В.А. Цой работал в системе культуры на руководящих должностях. В 1955 году окончил Омский автодорожный институт. Вернувшись в Акмолинск, работал в МДС (машинно-дорожная станция) главным механиком. Затем выполнял ответственное руководящее задание по организации машиноремонтных механизированных мастерских в областном центре. Здесь же под его руководством было создано специализированное управление механизации строительства (СУМС).

С 1959 года был первым директором автотранспортного техникума, который возглавлял до 1966 года. Далее находился на преподавательской работе в Целиноградском инженерно-строительном институте – и.о. зав. кафедрой. С 1967 г. по 1972 год работал в должности замначальника Управления материально-технического снабжения Минавтодора Каз.



СССР. С 1972-го по 1981-й год – директор деревообрабатывающего комбината (ДОК) в г. Алма-Ате. Перед выходом на пенсию был начальником автоматизированного, специализированного пусконаладочного управления Главриссовхозстроя.

Активно участвовал в республиканском корейском движении, был членом президиума алматинского культурного центра, в программе культурного обмена посетил КНДР.

С 1999 года на заслуженном отдыхе. С женой вырастили троих сыновей, троих внуков. Имсет правительственные награды, Почетные грамоты.



А В СОВЕСТИ БУДИЛЬНИК ТОТ...



В советские времена Андрей Вознесенский, поэт высокой, чистой гражданской совести, однажды опальный и гонимый властями, посвятил один стих самому святому:

*Я вижу этот памятник не в пространстве –
во времени.*

*Мемориальный будильник –
будущий монумент.*

Далее автор усиливает свою гражданскую страсть: “Я хочу поставить памятник не во времени, а в совести. Счет идет на секунды. Совесть – секундомер”. Название стиха – “Мой проспект памятника жертвам репрессий”, он опубликован в 1987 году. Ровно через десять лет Памятник жертвам политических репрессий был сооружен и в новорожденной казахстанской столице. Главным строителем объекта был Яков Алексеевич Югай, местный ветеран-градостроитель. В его послужном списке о-очень много не только новостроек, но и других замечательных дел, которые не значатся ни в трудовой книжке, ни в иных документах.

– Замечательная поэзия у этого Вознесенского, – говорит Яков Алексеевич. – Очень правильно сказано про совесть, про мемориальный будильник. С детства помню сильное выражение: “Глаголом жечь сердца людей!” Ну, а то, что мне пришлось строить Памятник жертвам репрессий в Астане, считаю это высоким доверием. Мне же, переработавшему еще ровно пятилетку после выхода на пенсию, вдруг взяли и поручили такое серьезное дело. Хотя, конечно, все было и не вдруг. Меня хорошо знал тогдашний мэр Аманжол Булекпаев, он и рекомендовал Брониславу Шину (“Алматыинжстрой” был генподрядчиком), а с Сергеем имел честь работать раньше, его предприятие – “дочка” было в Целинограде. То был год 60-летия депортации корейцев с Дальнего Востока, в работе был особый подъем, настрой, тем более у меня, пенсионера. Не вдаюсь в проблемы, они всегда есть, но этот объект вместе с архитектором мы создавали, что называется, с упоением. Потому что это памятник Памяти. Как там, у Ян Вон Сика: “Лишь только снова взглянься в былое. Обида, горечь сердце захлестнет...”

И поведал далее Яков Алексеевич о горемычной судьбе своих родителей, вспоминая картинки своего детства. Помнит он тот эшелон 1937-го,



который притащил их глухой осенью в Казалинск, сирый убогий городишко. Как мытарились в долгом пути. В “телячьем” вагоне была очередь к печке-буржуйке, чтобы сварить похлебку. На какой-то станции долго стояли. Родители сбоку шпал развели костерок, поставили чугунок. Свирепый конвойр сапожищем грохнул все это: состав поджечь хотите? Мать плакала, у отца скулы свело от гнева и бессилия. Люди в пути пропадали, особенно когда товарняк проходил через длинные туннели...

У Анастасии Даниловны и Алексея Михайловича было шестеро сыновей и одна дочь. Сегодня в живых только он, Яков Алексеевич и сестра Карелия. Родители в паспортах записаны русскими именами-отчествами, не знаю почему так, говорит он. А вот с нашими именами они чудили вместе с дедом. Был у нас дядя Август, один мой старший брат нарекался именем Адольф. Его ласково в семье звали Доля, мне же говорили, что Яков вообще святое имя. Может быть, поэтому дожил сегодня до 75 лет? (смеется). Потом, опечаленный, продолжает грустное повествование. У этого брата доля оказалась трагической, он попал трудармью, был связистом, они тянули электролинию по степям-лесам. В 1942 связь с ним пропала. Отец по ночам кричал во сне, мать мучилась нехорошими предчувствиями. И однажды обнаружила у отца письмо “оттуда”, в котором сообщалось, что Адольф Югай замерз на дальней точке. И другого брата постигла такая же трудармейская участь. Он умер от силикоза, который “заработал” на угольной шахте. Леониду было 22 года. Мать тогда надолго слегла...

Но вот Яков Алексеевич свернул на другую тему, вернее о том же, об именах, но в весело-недоуменном ключе. Ну почему то поколение корейцев так изощрялось в именах, давая их своим детям? Когда он начал после института работать на стройках Кызыл-Орды, первым объектом был универмаг. В те далекие годы объект очень серьезный. И первый вопиющий брак он обнаружил в фундаменте, который заложили до него: в два раза уже и слабее, чем положено по инженерной норме. А главный инженер-кореец возражал: все в порядке, коллега. Звали его Трудлен (труд и Ленин). Пошли препирательства, эмоции. На что ему было сказано: имя не позорь или смени, а то получается иной смысл: труд/иться/лен/ишься/

Яков Югай закончил Ташкентский транспортный институт. Но сначала поступал в Москве, в МИИТ. Он бы учился в Белокаменной, но в последний день сдачи вступительных проверили другие документы –



он подлежал выселению из столицы в течение суток. Так дети корейцев-переселенцев на себе познали это немилосердное слово “депортация”. Судьба подкидывала ему и другое: в день защиты диплома пришла телеграмма: умер отец. И Яков, похоронив его в Кызыл-Орде, не поехал в Волгоград, по распределению. В сырдарьинской стороне проработал полторы советских пятилетки, поднатерел крепко, и в Целиноград, будущую столицу прибыл матерым строителем-профессионалом. Здесь он все годы пребывал в начальниках: руководил СМУ “Казспецкоммунстрой”, “Казспецэнерго”, предприятиями “Акмолаэнижстрой”, где крепко, по-рабочему побратались с Брониславом Шином. Слава Б. Шина – набережная Ишима, гордость Я. Югая – Памятник политзаключенным. Вот такие замечательные строительные автографы у наших современников-соотечественников.

У Якова Алексеевича на счету еще одно прекрасное творение. Городские фонтаны! Перед дворцом “Жастар”, отелем “Абай”. Гости столицы, вероятно, думают, что они забили вместе с рождением нового города. Нет, это история старого Целинограда, и уж совсем им невдомек, что фонтаны в свое время чуть было не стоили Югаю свободы. В самом прямом смысле. Когда они радужно занескрились в провинциальном городе, а в сдаваемых новых домах он выбивал по десять квартир для своих строителей, у него появились завистники, недоброжелатели – дескать, Югай “мухлюет”, какие-то денежки у него водятся. Да у него просто была большая экономия средств, прибыли, людям выдавались премии! Дело, между тем, пошло до первого секретаря обкома. Но тот разобрался, правильно разобрался. В итоге, как сейчас говорят, рейтинг Югая стал еще выше. И из этой же экономии средств в 1989 году Яков Алексеевич заложил финансовую основу корейского культурного центра, первым положив на счет десять тысяч рублей (“Жигули” стоили 6 тысяч). О его приверженности идеям и делам диаспоры говорят другие дела, проблемы, в решении которых он принимал самое искреннее участие. Именно потому тогда его делегировали на первый съезд Всесоюзной Ассоциации советских корейцев (ВАСК).

В бытность немалым строительным боссом он помогал всем: трудягам, корейскому центру, бюджетникам. Вот рассказ ветерана здравоохранения Тамары Анатольевны Ким: “Это внешне он казался грубым, на стройке все матерились. А крепкого слова Якова Алексеевича ох

как боялись. Но всегда поделом, он же моментально отходил, рабочий, специалисты ценили его требовательность. Мне он помогал бескорыстно". Т.А. Ким первой в республике создала детский реабилитационный центр, была ведущим педиатром в городе. Единственная в своей сфере удостоена ордена Дружбы народов. В этой награде есть и невидимый вклад Югая, который помогал с ремонтом, обновлением помещений для центра, других объектов детского здравоохранения. Это как раз тот вклад, который не заносится в трудовую книжку. Запомним ее слова – все было бескорыстно, по закону, от души. И еще детский доктор рассказывала, что ее друг Яков Алексеевич удивительно мудрый, рассудительный человек, не завистливый, трогательно заботливый. Свои личные неурядицы утрясал поразительно мирно. Так сложилось, что будучи не в первом браке, он не охавает прошлое, очень дорожит сегодняшним. На каком-то этапе у них с Галей сложилось как в песне: "Вот и встретились два одиночества, разожгли у дороги костер". Галина Ивановна, милейшая женщина, всей своей сущностью доказала, что достойна такого человека как Яков Алексеевич. Одинаково любит его детей и внуков, как своих. 95-летняя свекровь умирала у нее на руках, а на устах последними словами старушки было ее имя: Галя, Галя...

Они иногда выезжают в Питер, там неподалеку его дочь Юлия. Была однажды памятная встреча, и люди какие: А. Собчак, Александр Малинин, но... Это был Александр, родной брат бывшего питерского мэра, а второй не певец – просто тезка. Все они бывшие однокурсники по Ташкентскому институту. Все спрашивали: правда, что в Казахстане жизнь "на уровне?" Вспоминали, каким был упорным Яша Югай, вгрызаясь в гранит науки, восторгались: живучий народ, эти корейцы. А Яков Алексеевич на этих встречах всегда рассказывал, как началась та, предвосная жизнь депортированных людей, как быстро он освоил казахский язык и этим языком помогал выживать своим родным. Великодушные казахи у него навечно в сердце. Добрые, такие же страдальцы, как и многие высланные. Ведь в столичном Мемориальном будильнике их имена рядом со многими пострадавшими. У каждого должен быть этот памятник – "не во времени, а в совести". Как у корейца Якова Югая.

Я. Галин

ИМЕЕТ ЧЕСТЬ СОЗИДАТЬ СТОЛИЦУ



Год назад произошло это событие. Внешне оно походило на обычную шумную московскую тусовку. Многоликая, разноголосая, иноязычная толпа, узнаваемые лица, “даже Зюганов был”, вспоминает тот день Саша. Но политикой здесь не пахло. В этой толпе доселе неизвестный Саша особо не выделялся. Он стал всем известным после бури аплодисментов, когда на мониторе высветилось его имя, страна, которую представляет. Так Александр Хван стал лауреатом XIV Международного фестиваля “Зодчество-2006”, ежегодно проводимого Союзом архитекторов России. Творческая группа в составе Александра Хвана, Сарсембека Жунусова, Токаши Цубакуро и Александра Герасимовича стала обладателем Золотого диплома в номинации “Ландшафтная архитектура, малые архитектурные формы и городской дизайн”. Победа им присуждена за проектирование в Астане престижного объекта, который у всех сегодня на устах – это Президентский парк.

Что представляет собой парк? В чем престижность награды? За минувшие полтора века подобных проектов просто не существовало. Известны только легендарные Александровский сад в Москве, Царский в Санкт-Петербурге, Королевский в английской столице.

Теперь же, собственная гордость будет и у нас. В анонсовой брошюре сказано: Президентский парк станет ландшафтной эмблемой новой столицы Республики Казахстан. Его территория составит примерно 80 гектаров.

– Вообще на московском фестивале не раз говорили о казахстанских архитекторах, об Астане, – рассказывает Александр Хван. – Мэтры мировой архитектуры, такие как ее президент Георгий Стоилов, Манфредо Николлетти в своих докладах уделяли нашим проектам много внимания. Я без ложной скромности стал вдруг, как это сказать, знаменитостью, что ли. Нас поздравляли, тянулись с бокалами, ну и прочее. Но и жесткие вопросы были: сколько “отстегнули” за лауреатский диплом? Намекали на взятку, нездоровое тщеславие? Наверное, это в людях неистребимо. Скажу другое. Те же Стоилов, Николлетти, восхищаясь замыслами казахстанского президента, наших зодчих, подчеркивали: смотрите, сколько

молодых талантливых архитекторов в этой стране, ее будущее в добрых руках. Кстати, в архитектуре 50 лет считается молодым возрастом, мне же “всего” 33.

Каков был путь к этой престижной награде? Ох, таким он был тяжелым, натруженным, очень даже не простым. Многие нынче не страдают отсутствием амбиций, а у молодого уже тогда, еще десять лет назад, Саши Хвана их было не меньше, а даже побольше, чем у остальных. У него – они воплотились в счастливые роды многих проектов. Его одного из 15 выпускников архитектурного факультета Аграрного университета взял к себе главный архитектор города В.А. Лаптев, ему и сегодня благодарен Саша.

– Но уже в 2000 году рванул в “самостоятельный заплыв”, это дорогого мне стоило, ведь времена вокруг были тяжелые. Появились первые объекты – разные в своей непохожести. И работа пошла. Но опять амбиции не давали работать, – нас не прельщали объекты в 3-4 тыс. кв.м. “Посигнули” на большее. На каком-то этапе случились проблемы, команда рассыпалась, и я это понимаю. Тогда люди по полгода не получали зарплату. Со мной остались две преданные женщины – Кульпан Абденова и Фарида Гильманова. Прав советский поэт Евгений Евтушенко: “Лучшие мужчины – это женщины”. В то время и сейчас меня очень поддерживал лидер столичной диаспоры Александр Ким. Когда мы узкой, но “могучей кучкой” взялись за разработку, проектирование объектов в 120 тыс. кв.м я слышал в свой адрес: ты сумасшедший. Пусть так. Мы продолжали “сумасшествовать”, хотя вдогонку несло: вам что, девятиэтажек не хватает? Да, это же уже вчерашний день, столичные масштабы сами диктовали новое мышление, иные подходы. Чего стоил один только объект “Идальго”. А другие, ставшие классикой комплексы “Номад”, “Сармат”, бизнес-центр и т.д. За это время не только обретали имя, но несли и потери. Невосполнимой утратой стал для нас уход из жизни Кульпан Абденовой. Ведь это она дала название нынешней архитектурно-проектной фирме – Frame Art.

Энергичный, эмоциональный и оправданно категоричный в своих суждениях, этот молодой архитектор Александр Хван. Откуда в нем эта неусмность, горячая импульсивность, позиция, которую можно принять за строптивость, если не больше – за неуживчивость? Вот такое первое впечатление. В диаспоре хорошо знают его маму, скромную, обаятельную Тамару Константиновну, и отец его Максим Александрович –



степенный, рассудительный добряк. Скорее, часть Сашиного характера объясняется воспитанием бабушки. Она при жизни была живой легендой, ее знали и до сих пор помнят не иначе как “тетя Люба – партизан”. Это было не ироничное прозвище, а народное звание.

В 30-е годы XX века она была участницей освободительного движения в Корее в составе партизанского отряда, за героизм и мужество была послана в советскую страну, на учебу в Москву. Но при пересечении границы была арестована как “вражеский агент”. Отсидела десять лет в тюменских лагерях. Вот с ней-то Саша и прожил первую часть своей молодости. Старая партизанка, наверное, имела сильное влияние на внука. Он в недавней встрече доверительно говорит: бабушка перед смертью вещала мне, что будут у меня большие дела, много буду ездить по миру. Не знаю...

Но уже в 2006 году у него в активе была Москва, весной София, Международный конкурс архитектурных проектов, Frame Art и ее директор последовательно обретают и имя, и имидж. Конечно, можно потихоньку наслаждаться славой, но Саша знает напутствие мудрых – “не опьяняйся ею”. Он с большим почтением отзывается о русском А. Герасимовиче, казахе С. Жунусове, японце Т. Цубакуро, с которыми имеет честь созидать молодую казахстанскую столицу. Лично у него сегодня престижный объект – “Деловой дом “Алматы””. Рассказывая о нем, других делах, он эмоционально обнажает свое мировоззрение, позицию:

– Мне с каждым объектом приходится утверждаться – профессионально, эстетически, философски. Сегодня нашего брата в столице хватает, иные – прежде всего видят в своем ремесле бизнес, а я – гармонию, музу, гуманизм, – горячо рассуждает Хван. – Я порой не просчитываю наперед экономику, но сейчас не беспокоюсь за это. Вновь сегодня у меня сильная команда, 70 человек, всех ценю, всех оберегаю. Ко мне хотели бы вернуться прежние “бсглецы” – не беру, не верю им. Сейчас немало в архитектуре таких, что видят в ней только выгоду, но она – прежде всего творчество! А это свято, она оставляет автографы времени, которым надо дать долгую жизнь. Я не раз и не два участвовал на градостроительных советах с участием Главы государства, вижу как он ревностно, трепетно и строго следит за архитектурной политикой в столице. Надо с честью оправдывать такое доверие.

Вот такой он, молодой столичный архитектор Саша Хван, неугомонный, уже признанный, не возгордившийся, полный новых амбиций, планов



и затасанных думок. Ведь пришла же ему в голову дерзкая мысль попробовать себя в конкурсе Президентского парка, смог же подвигнуть на эту идею коллег, обаять того же Токаши Цубакуро, одного из разработчиков генплана Астаны, из команды великого Курокавы. А быть рядом с великими дано не каждому. Саше – дано. Ибо сам он того желает.

“КИ”

МЕЧТАТЬ – ОБЯЗАННОСТЬ НА ЗЕМЛЕ

Виктор Евгеньевич – человек сильных, возвышенных чувств, но в высокие минуты житейского счастья, обрушившейся славы, признания он с поразительным смирением и спокойствием воспринимает эту данность, эмоции не выплескиваются, но дивно светятся на его красивом восточном лице. Так было при рождении сына Славки, нынче он потопает в пятый класс. Не возгордился Виктор Евгеньевич и в тот памятный день на реке Каратал близ Талдыкоргана, когда Глава государства скрепил крепкое рукопожатие словами: “Благодарю, Цой! Твой мост прекрасен!” Он с большим состраданием воспринимал слова благодарности за помощь при вручении грамоты от столичного общества слепых. Он всегда и во всем такой – искренний, сочувствующий, надежный. В работе, в проблемах, в житейском обиходе. Тот каратальский мост получился на славу, с четырьмя пролетами, мост-красавец, во вчера еще депрессивной области бывший заброшенным долгостроем, от его восстановления многие увильнули тогда – невыгодный объект. Для Цоя же он стал объектом чести и престижа, еще одного подтверждения высокого профессионализма – у него диплом строителя дорог и мостов Томского политехнического.



...Наверное, самой судьбой ей было уготовано стать в декабре 2006 г. счастливой именинницей, именно ей было предоставлено почетное право открыть звездный парад праздничных мероприятий на главной сцене страны – в Конгресс-холле. Она ровесница новой страны по имени суверенный Казахстан, которой исполнилось 15 лет. В одном столичном



издании накануне сообщалось: “Корпорация “Ак Ауыл” была создана на базе строительной компании 15 лет назад...” За этой короткой строкой – непростой, нелегкий путь становления, обретения своего “лица”, утверждения на столичном и отечественном рынке недвижимости. Это состоялось, успехи и достижения корпорации бесспорны. Отличительная особенность огромного коллектива – единство замыслов и целей, слаженность всех звеньев многопрофильного строительного конвейера, которым управляют классные специалисты, подлинны мастера-профессионалы. Но самым большим обретением является истинный патриотизм людей, их интернациональное единство, – так особо выделил этот коллектив зам. акима столицы Ермек Аманшасев, – именно “Ак Ауыл” мы отдали предпочтение в открытии звездной декады в честь 15-летия независимости нашей Родины. Благодаря Виктору Цюю труженики отрасли познали истинное счастье созидания молодой столицы, он верный соратник нашего президента.

Подтверждением сказанному заместителем столичного градоначальника и стал тот впечатляющий киносюжет, в котором В. Цюй снят на построенном им мосту на реке Каратал вместе с Президентом страны. Это было в 90-е годы. Так успешно началось восхождение Виктора Евгеньевича на свой профессиональный Олимп. И не только профессиональный. В официальной части торжества выступил заместитель председателя Ассамблеи народов Казахстана Жуматай Алиев, он отметил бесспорные, яркие результаты в социальной деятельности корпорации, успехи в попечительском деле, меценатстве, шефстве над обществом незрячих и т.д. Им был обнародован факт высокого признания В.Е. Цюя – ему доверено возглавить общественный фонд “Социальный консорциум Ассамблеи народов Казахстана”, утвержденный Президентом страны.

Генеральным директором фонда назначен Афанасий Ким, являющийся партнером корпорации “Ак Ауыл”. В его кратком докладе содержалась насыщенная, емкая информация, давшая огромному зрительному залу наиболее полное представление о масштабах созидания, подлинном творчестве и даже романтизме в, казалось бы, такой прозаической строительной работе. Об этом говорят сами названия сданных и возводимых объектов: “Визит”, “Виктория”, “Гармония”, “Мисон”, “Уют”, и это наряду с более “серьезными” именами – “Дипломат”, “Авангард”



и т.д. “Ак Ауыл” сегодня шагнул и за пределы страны. Всю прелесть, колорит и искусство зодчих в будущем смогут оценить на Украине, в Чехии, Болгарии. В Румынии уже начато строительство многоэтажного, многофункционального жилого комплекса с офисами. Особое слово о проекте с романтическим названием “Алтын желкен” (Золотой парус). Уже сейчас архитекторы, проектанты говорят, что этот парус призван стать казахстанской жемчужиной. Как это созвучно с Рыцарем мечты, автором бессмертных “Алых парусов” А. Гриним: “Человек должен мечтать, он должен стремиться к прекрасному – это его обязанность на земле”. Объект будет расположен на берегу реки Ишим, в центре столицы, состоять из двух башен, по 25 и 30 этажей прикрытых фальшфасадом, имитирующих паруса. Особенность этих башен в том, что на их крышах будут две вертолетные площадки. И это не для экзотики, а меры противопожарной безопасности, с учетом печального опыта “Зажигалки”, которая памятна тем пожаром.

Много волнующих чувств испытали на этом празднике и именинники, и гости. Вручение ключей от квартир и автомашин сотрудникам корпорации, подарок футбольной команде “Ак Ауыл” – автобус, персвопновался и Виктор Цой при оглашении решения Европейского университета естественных наук (Ганновер) о присвоении ему ученой степени доктора экономики.

В свои 40 “с хвостиком” лет Виктор Евгеньевич преуспел во многом, и познал немало. Был аграрием, молодежным лидером, делегатом комсомольского съезда в 80-е годы, однажды баллотировался в Верховный Совет республики (роковой случай “бросил шлагбаум”). Но после всего пройденного накрепко взялся за свое основное дело – созидать. И пошли дороги, дороги, мосты. Затем “решился” на столицу. Знал, что на этом столичном рынке будет непросто. Знал, но пошел. Чтобы утвердиться, сказать свое слово в летописи зодчества Астаны, уникального города по темпам развития. В разговоре с ним припомнили мнение американской прессы: “Астану захватил такой строительный бум, что заставил бы гордиться даже римлян”. Конечно, корпорация “Ак Ауыл” имеет к этому буму свое приложение.

Фотоснимок Виктора Евгеньевича сделан на далеком островке, который называется Пхукет, что в Юго-Восточной Азии. Это было в декабре 2004 года, за сутки... до того страшного цунами. Обо всем пережитом

рассказала жена Цоя Лариса: “Мы после всего случившегося совсем по-другому смотрим на жизнь... А Витя тогда был бесстрашным. Спасал семью, и совсем чужих людей. Было страшно...”

P.S. 20 августа 2007 г. на XIII сессии Ассамблея народа Казахстана избрала В.Е. Цоя депутатом Мажилиса Парламента РК.

МУН Эмилия Эриевна



Родилась 18 мая 1942 года в г. Кызыл-Орде. Среднюю школу окончила в г. Алма-Ате. Образование высшее: диплом экономиста после успешной учебы в Казахском государственном университете им. Кирова. В последующем приобрела вторую специальность, закончив Московский инженерно-строительный институт им. Куйбышева.

Общий стаж работы 43 года. Трудовой путь начался в Госстрос Казахской ССР: от инженера до руководителя группы. Э.Э.Мун внесла большой вклад в развитие и совершенствование действующих в настоящее время норм, правил и принципов строительства, принимая участие в разработке СниПов с привязкой их к городам и районам Казахстана, в ценовой политике.

В 1979 году возглавила сметно-договорной отдел “Райагропром-строя”, осуществлявший контроль за 15 районами Целиноградской области. Параллельно самостоятельно выполняла обширные программы по хозяйственным темам по определению нового строительства, реконструкции и капитального ремонта. В 1995-1999 годы – начальник отдела стратегического планирования и сметных норм Министерства внутренних дел Республики Казахстан и Министерства энергетики, индустрии и торговли РК. В активе Эмилии Эриевны такой важный и плодотворный результат, как строительство оперативного центра МВД РК, с применением новейших технологий, не имевший аналогов на пространстве СНГ.

С 2000 по 2004 годы Мун Э.Э. в должности заместителя Генерального директора по строительству ТОО “Стройкласс”. С 2004 г. по настоящее время возглавляет дирекцию ТОО “ЭйКей – Строй”, основным заказчиком которого является лидер строительного рынка Южной Кореи –



компания “Донгил Хайвил”. Она осуществляет возведение известного в столице жилого комплекса “Хайвил Астана”, или как его еще называют – “умного жилья”: общей площадью 600 тысяч кв. м. В его строительстве задействованы более 20 корейских компаний. Под руководством Мун Э.Э. дирекция “ЭйКей – Строй” решает все производственно-технические вопросы на данном объекте.

За долгие годы работы в этой отрасли Э.Э. Мун внесла большой вклад в строительство и обновление сельского облика в районах области: животноводческие комплексы, дачады, школы, дома культуры. По-новому выглядят целые кварталы города в результате строительства многих объектов: здания РГУОС МВД РК, магазина “Есиль”, благоустройство территории Президентского парка; жилых комплексов “Успех”, “Изобилие”, “Хайвил Астана” и т.д.

Эмилия Эриевна Мун заслуженно представлена к званию “Почетный строитель Казахстана”.





ПАК Валентин Валентинович

Искусствовед



Пак В.В. долгие годы был в городе единственным профессиональным искусствоведом, подлинным знатоком и тонким ценителем изобразительного искусства. Он неустанно пропагандировал идеи истинных культурных, эстетических ценностей, внес большой вклад в дело нравственного, гуманитарного воспитания людей. Его уроки рисования в школах памятны нескольким поколениям учащихся.

Высокой оценки заслуживает его неутомимая деятельность на посту директора музея изобразительных искусств, в качестве эксперта Минкульта и т.д. В.В. Пак представлял страну за рубежом. Он и сегодня активно продолжает свою профессиональную деятельность. О себе же повествует скромно, без громкого пафоса:

– Родился в апреле 1935 года в г. Находка Приморского края. Осенью 1937 г. в пору массовой депортации корейцев наша семья была высажена в Икряинском районе Астраханской области, там находился Оранжерейный рыбокомбинат. Мой отец Пак Ман Ок, 1892 года рождения, работал солильщиком, мать Ким Елена, 1902 г. рождения, была домохозяйкой, занималась воспитанием многодетной семьи (нас было 8 детей).

Когда началась Великая Отечественная война, семья испытала второе переселение. Теперь нас сослали в Казахстан. Так мы попали в Акмолинскую область, Акмолинский район, село Раздольное – в то время это была 27-я точка. И встретило нас ужасное, буранное “раздолье”, страшные морозы, все это помнится до сих пор: как везли со станции в огромных коробах с соломой, установленных на полозья, впряженных в пару лошадей. От обморожения спасли большие меховые тулупы, ведь мы были одеты налегке, обуты в стеганные матерчатые ичиги в галошах. Корейцев было с десяток семей. Поселили в холодный, продуваемый со всех сторон зерносклад. Почему-то мне, пацану, врезалась в память заткнутая пучком соломы дырка в углу потолка и вокруг изморось. Нас уже “ждали” здесь – загодя сбитые топчаны и много соломы. Посреди склада, ставшего теперь нашим жильем, поставили печку-



буржуйку, на которой поочередно готовили еду, ею и грелись. В детской памяти осталась и смерть двух моих младших сестреноч, которые умерли от кори одна за другой через два дня. Горе родителей было безмерным.

В июле 1942 года нас распределили по разным поселкам. Четыре семьи, в т.ч. нашу перевезли в село близ г. Акмолинска, впоследствии здесь будет совхоз имени Кирова (ныне здесь микрорайон столицы Коктал). В 1954 г. я окончил городскую среднюю школу. Поступил в том же году в Карагандинский горный институт. Но чувствовал, что "это не то", меня больше привлекало гуманитарное образование. Со второго курса прервал учебу на горняка. Дальше правила судьба, а не мои личные устремления. Был призван в ряды Советской Армии. Отслужил более трех лет.

С 1961 по 1969 годы работал в школах города, давал уроки рисования, учился заочно в вузе. В 1970 окончил Уральский государственный университет им. М. Горького, факультет истории и теории изобразительного искусства, где мне была присвоена квалификация искусствоведа. В 1970 году работал в Целиноградском областном управлении культуры инспектором по искусству. С 1971 по 1974 гг. был консультантом от СХ Казахстана при Целиноградской областной организации Союза художников. В декабре этого же года переведен Министерством культуры на работу в Республиканскую дирекцию художественных выставок заведующим филиалом в г. Целинограде. Здесь мною был основан выставочный зал в только что открывшемся Дворце молодежи (ныне "Жастар"). Зал успешно функционировал до 1980 года. В нем ежемесячно проводились крупные республиканские и всесоюзные выставки изобразительного искусства.

В 1979 году был назначен директором Целиноградского областного музея изобразительных искусств. Работа музея начиналась с нуля. Для него было выделено помещение нижнего этажа в жилом доме, ранее здесь располагался мебельный магазин. Необходимо было произвести реконструкцию интерьера и максимально приспособить к функциональным требованиям музея, причем в кратчайший срок. Параллельно велась интенсивная работа по комплектованию фондов, выработке концепции собирательской деятельности на перспективу, систематизации, изучению и пропаганде коллекций произведений искусства и мно-



гое-многое другое, которое позволило бы говорить о музее как о подлинном учреждении культуры нашей области.

Музей открылся в октябре 1980 года и это было большим событием в культурной жизни областного центра. Первая экспозиция посвящалась 25-летию освоения целинных и залежных земель. Произведения на эту тематику составили большую коллекцию фонда. Все годы (18 лет) со дня открытия музея и моего ухода на пенсию в 1998 году были отданы кропотливому и систематическому пополнению фондов произведениями живописи, графики и скульптуры всех республик СССР. Убежден, что среди почти трех тысяч единиц хранения, собранных в бытность моего директорства, имеется немало произведений, которые по своим высоким художественным достоинствам могут называться подлинно музейными.

В сентябре 1998 года вышел на пенсию. В общественно-политической и экономической жизни пошли новые веяния. Перемены коснулись и нашего музея. Считаю, что он был бездумно переименован в музей современного искусства, т.е. «авторы» серьезно не вникнули в суть содержания имеющихся фондов произведений, на базе которого строится эстетическое воспитание народа.

В течение ряда лет, будучи директором, преподавал в педагогическом училище историю искусств и основы эстетики. Публиковал в газетах и журналах материалы о творчестве художников Целиноградской организации СХ Казахстана, обзорные и аналитические статьи о выставках. Работая в Дирекции художественных выставок представлял искусство Казахстана в гг. Каунасе, Риге, Сочи. Эта работа приносила много хлопот и одновременно творческое удовлетворение, гордость за наших мастеров.

В 2000 году Министерством культуры и информации был приглашен для организации в Астане Комиссии по контролю за ввозом и вывозом культурных ценностей в РК, был главным экспертом. Здесь проработал четыре года. В настоящее время сотрудничаю с музеем в качестве консультанта.



МАСТЕР И ЛЮДМИЛА

Дух гениального Нико Пироманишвили витал в этот раз в маленькой художественной мастерской, где мятежный, полубытый грузин воскресал во всей мощи своего необыкновенного таланта, трагизме неразделенной любви. Живший, мучившийся над своими шедеврами в первой половине прошлого века, он явился нам в 80-е годы звонко-дослыми устами Аллы Борисовны, триумфальным “Миллионом алых роз”. Из жизни этого бедного художника почерпнут сюжет его судьбы, ставший гимном любви, верности, надежды.



Хозяин мастерской Леонид Чир-Сенович (так по паспорту) в изумлении вчитывается в газету “Совершенно секретно” – в ней версия рождения этой песни. Потом разговор перескочил на бессмертные строки Ахматовой: “Времена не выбирают, в них живут и...”. У поэтессы очень печально и закономерно – и умирают. Задумались мы, Леонид Тян погрузился в свои мысли, свою, только ему постижимую нирвану, в тс особое индивидуальное состояние души, которое несет озарение и просветление, и ныне оно вынесло свой вердикт: не умирают – выживают (!). Да-да, именно так надо говорить о нас, корейцах, наших родителях, судьба которых пришлось на тяжкие годы сталинщины, геноцида, ущемление человеческих прав, горячо, но сдержанно говорит он.

Родительница Тяна, мать троих детей, рано покинула этот бранный мир. Ленья, рожденный в первый год войны, в послевоенную годину с детства был приобщен к сельскому труду, был подпаском, табунщиком, “главным” там, куда пошлют. А какая могла быть “главная” работа в деревенской глубинке Северного Казахстана, куда занесло родителей после переселения 1937 года? Посевная, сенокос, скотный двор.

В сельской школе он отличался ярким даром рисования, и его первый наставник, вечно полупьяный ленинградский художник, занесенный сюда смутной судьбой, настаивал: ты, Ленья, непременно должен учиться художеству, это главное в твоей жизни. И Ленья рванул в Пензу, особо надеясь на улыбку фортуны. Но предварительные творческие смотрины предрешили успех, более того, какая-то милая белокурая смотрительница из приемной комиссии поговорила с ним “персонально и тихо”:



если у тебя будет туго с экзаменом по русскому, мы поможем. Но он в этом не нуждался. Забавнее было другое: в те годы в этом российском городе на него смотрели с удивлением, показывали пальцем – иностранец.

“Иностранец” блестяще закончил отделение станковой живописи, вернулся в Петропавловск, Казахстан, работал в школе. Вне ее жарко, испуганно творил. Старался почаще бывать на природе. Этюды, натюрморты, пленэры. Потом зарабатывал на портретах кремлевских “долгожителей”, членов политбюро ЦК КПСС. Тяновские портреты несли на Первомайских демонстрациях, 7 ноября. Петропавловск для Леонида стал городом счастливой семейной судьбы. В общежитии оборонного завода, эвакуированного в годы войны, работала медсестричка-корсяночка, певунья и хохотунья. Люда тоже из местных, североказахстанских. Средняя из восьми детей, она единственная из них удивительно рано начала петь, замороженно смотрела на отца колхозника, в редкие минуты клавшего на плечо скрипку. Он ей завещал: ты должна петь. И она пела, везде и всегда, до сегодняшних дней. А потом они “спелись” с Леонидом, когда и он поселился в том общежитии. Славно у них получилось. Он рисовал, она смешила его своими фальцетами. Они всегда подправляли друг друга, она была ревностным ценителем и первым оценщиком его творчества.

Творческая манера художника Тяна, как и подобает истинному творцу, своеобразна, индивидуальна. У него своя, авторская техника исполнения, авторская печать, его произведения и метафоричны, и поэтичны, понятны и возвышенны. Таковы картины “Ожидание”, “Гармония”, которые лицезрели посетители выставки, устроенной в октябре в столичном Доме художника. Сама выставка экспонировала картины южнокорейских художников. Тяна уговорили выставить эти две, но именно они больше других приковывали внимание местного люда, хотя творения далеких собратьев, надо думать, отбирались с особым пристрастием там, на родине. И именно тяновские работы были куплены состоятельными людьми.

“Ожидание” и “Гармония”, возможно, одни из лучших произведений художника. В них много света, воздуха, экспрессии. Это объяснимо. Леонид Тян всю жизнь постигает магическую силу полотен импрессионистов, он благоговееет перед Ван Гогом, который был в вечном поиске “своего желтого цвета”, для него бог Поль Гоген, открывший “Креоль-



ских богов”, художник Тянь в высшем восторге от Леонардо да Винчи. Дух импрессионистов накатывает при просмотре его работ “Ночь на Нуре”, “Ялтинский пейзаж”, “Осенний пейзаж”.

Есть в них какая-то необъяснимая светлая печаль, ожидание оптимистического продолжения жизни. Сам Леонид объясняет, что творя их, не покидало щемящее чувство ранней утраты матери, размышлений о величии этого человека для каждого из нас. Другая работа может показаться полной абстракцией, это “Древо жизни”. И здесь Тянь следует кумиру Полно Гогену: “Искусство – это абстракция, извлекайте ее из природы, мечтая подле нее, и думайте больше о том творении, которое возникает”. Леонид Тянь – классик казахстанской школы живописи, и это сегодня неоспоримо. Подтверждением может служить его членство в Союзе художников, к которому он не очень стремился, “там всегда какая-то смута, бездарная суета”. В творческий Союз его почти насильно втащил бывший председатель Володя Трофименко, истинный, тонкий ценитель его таланта. Определенно высказался и признанный столичный искусствовед, бывший директор музея изобразительных искусств Валентин Пак: это было давно, и когда я впервые увидел три работы Тянь, одну прибрал себе, это “Портрет девушки”.

О девушках и портретах. Великолепная ранняя работа “Портрет профессора Корженевского”, выполненная карандашом. Просто великолепно, других слов нет. А из девушек Леонид Тянь, 65-летний мастер, не устает писать маслом, карандашом, акварелью свою единственную певунью и хохотунью, жену Людмилу. Как она поет! Не имея музыкального образования, она каждый раз покоряет зрителей столицы. В доме престарелых, во дворце “Жастар”, в Конгресс-холле, детском приюте – всюду, куда приглашают, где она всегда желанная, ведущая солистка корейского ансамбля “Ченрю”, лауреат республиканского фестиваля национального народного творчества. Совсем недавно она с блеском выступила в Ташкенте, в творческом тандеме с Георгием Соном. А буквально на днях с полным триумфом вернулась из Бельгии, где была в составе делегации мажилиса парламента РК, выступила в культурной программе. Она представляла корейскую диаспору, ее песня “Пидульги” вызвала овации. Вот такая девушка, неувядающая, звонкоголосая у художника Леонида Тяня.

В тяжкие 90-е годы ему приходилось заниматься чужеродными делами, чтобы жить.

И когда на полях останавливалась работа, он уходил к степной реке, писал дождливые этюды. Другого средства от тоски, от отчаяния у него не было. Хотя в мастерской у него всегда заготовлено то, что можно “положить на грудь” – для друзей, для заказчиков. А последних у него сегодня хоть отбавляй. Генералы, бизнесмены, разные “новые” хотят запечатлеть себя, любимого, кистью Тяна, такая сегодня его цена. Но и он знает себе цену. Например, не каждый рискнет взяться за портрет, скажем, президента страны. Тянь решился, и это-то после Ильи Глазунова! Около года Леонид Чир-Сенович работал над воплощением задуманного. Скептики, коллеги выжидали. А потом они же лицезрели портрет Главы государства (2x3), какос-то время экспонировавшийся в этно-географическом комплексе “Атамекен”, затем последовало соперничество нескольких ведомств за право обладания превосходной работой. Победила всесильная Генпрокуратура. Эту работу художник посвятил 15-летию суверенного Казахстана.

А. Лугай



ИДТИ ПО ЖИЗНИ С ДОБРЫМ СЕРДЦЕМ

На сорок читателей "Коре ильбо" стало с Нового года больше в Астане и Алматы благодаря спонсорской поддержке Виктора Михайловича Пака, активиста корейского движения Казахстана, директора ТОО "ЮСКО-Логистик". А с февраля к сорока присоединятся еще двадцать.

На протяжении многих десятилетий он был и остается патриотом национальной газеты. И когда занимал ответственные должности на племзаводе "Кастекский" Жамбылского района Алма-Атинской области и потом, будучи инспектором Республиканского комитета народного контроля, а впоследствии – консультантом по экономическим вопросам Верховного Совета республики, он болел душой за газету и корейские дела. У него много знаков отличия, но среди них Виктор Михайлович выделяет грамоту, полученную к 75-летию "Коре ильбо" за организацию подписки на нее.



АКТИВИСТ

Холода как всегда неожиданно нагрянули на южную столицу. Два дня назойливо моросил осенний дождь, потом из темных тяжелых туч, нависших над городом, посыпались и закружились на ветру снежинки. В промозглый день октября в зале Корейского театра собрались делегаты VIII съезда Ассоциации корейцев Казахстана и приглашенные. Обсуждали отчет правления АКК, принимали решения, рассказывали о проделанном. Но вдруг попросил слово невысокий коренастый человек.

– Сегодня, говоря о достигнутом, мы не можем не вспомнить добрым словом тех, кто стоял у истоков корейского движения, – сказал делегат из Астаны В.М. Пак. – Кстати, меня привел в это движение Валентин Чен, нынешний редактор "Российских корейцев". Он работал в ту пору в комитете народного контроля и столько черновой работы переделал, что словами не передашь! Такими людьми должна гордиться наша диаспора.

Зал одобрительно загудел.

Сам В.М. Пак, однажды приблизившись к корейскому движению, не мыслит себя вне его. Он приложил немало сил для консолидации диаспоры. Живя в Алматы, состоял в правлении АКНЦ, год был его председателем. Практически ни одно заметное мероприятие в жизни



алматинских корейцев не проходило без его участия. А когда пути-дороги привели его в новую казахстанскую столицу, включился в общественную работу местного филиала АКК. Мимо недостатков не проходил. Замечания высказывал открыто, не боясь вызвать недовольство и огонь критики на себя. Многим не нравилось, но жизнь всякий раз подтверждала правоту его слов. Виктор Михайлович является членом правления Акмолинского филиала АКК, курирует работу со старейшинами. К его советам прислушиваются, без него не принимают ни одно решение. Он может поступиться собственными принципами, если это на благо общества; справедливо решит затяжной конфликт или спор, примирит враждующих; найдет простые и хорошие слова, чтобы подбодрить человека. Столичная диаспора гордится своим патриархом, который живет по совести, работает не жалея сил, а заработанным, не скупясь, делится с окружающими. А это, увы, не всякому дано.

Корни

Они далеко от Астаны. Вечерами, когда за окном смеркается и зажигаются вечерние огни, волна воспоминаний уносит его далеко-далеко, в семиреченскую степь, где холмы перемежаются с песчаными дюнами и течет бурная, стремительная река Каратал. Здесь в 1937 году обосновалась депортированная из российского Приморья семья Пак Бун Су и Тен Сук Ген. Одному Богу известно, что пришлось пережить новоселам в глухой степи! Хлебали жидкую похлебку, ходили в латаной одежде, прикрывая прорехи рукой, но на судьбу не жаловались, терпеливо и с достоинством несли нелегкий крест. Виктор родился в 1938-м. Семья большая – десять душ, а работник один. Отец, человек образованный, знавший кроме корейского языка, китайский и английский, преподавал в школе. Поднимать восьмерых детей на скромное учительское жалование было тяжело, и через 35 лет, уйдя на пенсию, глава семейства занялся привычным для корейца делом – выращивал овощи. Мать хлопотала по дому. Переделав домашние дела, бежала в поле: в колхозе ОСОАВИАХИМ, позднее переименованном в “Октябрь”, работы хватало. Глядя на взрослых, дети росли скромными и трудолюбивыми: и воду наносят, и печку затопят, и в доме приберут – все матери легче.

Не в деньгах счастье

В семье Паков никогда не было культа денег: они не копили на “черный день”, а тратили на детей, помогали им встать на ноги, получить хорошее образование, определиться в жизни. Только на любви и доброте держится человеческое счастье, считали отец с матерью и не ленились помочь, когда в них была нужда. Своим отношением к родственникам, соседям, односельчанам незаметно воспитывали в детях потребность делать добро.

Виктор на всю жизнь запомнил первый отцовский урок, когда решил рвануть с друзьями на Украину выращивать лук. Деньги оказались бы как нельзя кстати. Виктор обзавелся семьей, и, чтобы обустроить быт, расходы предстояли немалые.

– У нас, Паков, никогда не было больших денег. Незачем тебе схать, сказал отец, и, не проронив больше ни слова, вышел из дома, оставя сына перед трудным выбором.

Виктор долго размышлял, взвесил все “за” и “против” и сдал билл на поезд.

Жизнь шла своим чередом. Он получил специальность, работал, воспитывал детей. Родителям ни разу не пришлось краснеть за сына. Чаше были поводы для гордости.

Знаковая встреча

В 1992 году В.М. Пак познакомился с американским корейцем доктором Чанг Йанг Бэнгом, присхавшим в нашу страну, которая только-только обрела независимость. Д-р Бэнг был в числе первых иностранных бизнесменов, рискнувших инвестировать средства в казахстанскую экономику.

Через два года судьба вновь свела двух знакомцев на одной из алматинских улиц. Поговорили, Бэнг расспросил о житье-бытье и по прошествии двух месяцев сам разыскал В.М. Пака с просьбой помочь в реализации проекта. Дело оказалось интересным. Энергичный и деятельный Виктор Михайлович окунулся с головой в работу. Не заметил, как пролетели годы. 12 лет минуло с той поры. А все будто произошло вчера.

ЗАО “ЮСКО Интернэшнл” многопрофильная структура – она строит, занимается реализацией южнокорейских телефонов LG и Samsung, мини-



АТС; складским бизнесом, обслуживая крупную американскую компанию и обеспечивая рабочими местами в обеих столицах порядка 600 человек. Она имеет несколько дочерних фирм, одна из них – ТОО “ЮСКО-Логистик”, директором которой уже год является Виктор Михайлович. Забот у него хватает: за день нужно массу дел переделать, везде успеть. Его энергии по-хорошему завидуют, а организаторским способностям изумляются. Он любит работу, которая целиком захватывает его, заставляя забыть про отдых и усталость.

– Его коллектив, состоящий примерно из ста человек, как хорошо отлаженный механизм, – говорит ведущий специалист отдела кадров ЗАО “ЮСКО Интернэшнл” Тамара Петровна Югай. – Он умеет работать с людьми: всегда сдержан, немногословен, не повышает голоса, но всегда умеет строго спросить с неисполнительного. Его как-то даже побаиваются. Но понимают, что несправедливых решений никогда не примет. У него великолепная память. Он знаком с сотнями людей и помнит практически всех по имени-отчеству. При встрече расспросит о делах, о близких, а это, согласитесь, каждому приятно.

В 1994 году В.М. Пак обратился к д-ру Бэнгу с предложением.

– Не надо делать ставку на иностранцев, нужно принимать на работу местных. Мы живем на казахской земле. Она нас приняла, когда нам, корейцам, было трудно, помогла. Это будет справедливо по отношению к нашим братьям-казахам, – сказал Виктор Михайлович.

– Ну что ж, в этом есть резон, – согласился патрон.

Так на американской фирме появились казахи, за ними потянулись представители других этносов. Сегодня здесь, наряду с иностранцами, работают и корейцы, и казахи, и русские. Все они профессионалы высокого класса, образованы, отлично владеют английским языком.

– Один я на совещании нуждаюсь в помощи переводчика, – улыбается В.М. Пак.

Характер

На работе В.М. Пак строгий, порой даже чрезмерно; в семье заботливый и внимательный; поддерживает самые теплые отношения с родственниками. Если у кого из них праздник – он там, случись горе – он найдет самые подходящие слова сочувствия и материально поддержит. При этом остается деликатным человеком.



Как-то в Каратальский культурный центр Алматинской области пришла огромная посылка. Люди недоумевали: от кого? Ничего подобного никогда не просили. Оказалось, В.М. Пак прислал стиральные порошки, которые потом раздали местному детскому дому, школам, детсаду. На День пожилых людей, на Новый год, другие праздники знакомые и не очень жители столицы получают подарочные наборы с продуктами и нужными в повседневном быту товарами. Без него не обходится ни одно сколько-нибудь значимое событие в жизни столичной диаспоры. Доставить радость человеку – состояние его души, жизненная потребность.

Солнце домашнее

Это его Дора. Она озаряет дом теплом и светом. В нем уютно, комфортно, легко дышится. Как бы ни припозднились гости, у Доры Михайловны всегда найдется для них доброе слово и вкусное угощение. Конечно, годы берут свое, порой она ловит себя на том, что не так проворна, как прежде: бывает, устает, хлопоча на кухне, но жить без людей, которые неожиданно наполняют их дом, она, как и супруг, не может.

– С женой мне повезло, – говорит Виктор Михайлович. – Умная, мудрая, терпеливая, она всегда была заботливой матерью детям, хорошей женой, домовитой хозяйкой. На работе ее ценили как хорошего специалиста. Бухгалтером до выхода на пенсию была – таких поискать!

Дора Михайловна и сейчас хороша собой. А тогда в пору знакомства – аж дух захватывало, глядя на нее – хрупкую, темноволосую, полную грации и юного очарования. На красавицу из Алматинского политехнического техникума заглядывались многие. Случалось, на кулаках приходилось отстаивать свою любовь. И отстоял! Соперники отступили перед немногословным, спортивно сложенным сильным парнем.

В сложном мире семейных отношений Дора и Виктор сумели сохранить и пронести через годы любовь и уважение друг к другу – ценности, без которых не может быть счастья. Вырастили двоих детей. Сын Юрий окончил два вуза, живет в Москве. В нем те же основательность и тяга к труду, что и у отца, голова полна идей и планов. Получил лицензию и занялся в Первопрестольной аудиторской деятельностью. Дочь окончила Академию управления в Алматы, экономист-международник. Незаметно подросли внуки. Оба студенты, учатся в Москве.

У Ларисы Викторовны и зятя Романа Аркадьевича Юна крепкая, добрая репутация в деловом мире. Одно огорчает: живут внуки в Москве и не часто доводится видеться, все чаще по телефону общаются.

– Разве это дело, – сетует В.М. Пак. – Не теряем надежды, что внуки придут туда, где пустили корни старшие.

Виктор Михайлович не зачерствел душой с годами, как другие, не побронзовел от благополучия, а идет по жизни с добрым сердцем и сест вокруг себя крупницы счастья и радости. А это дар редкий.

Маргарита Ни
“КН”

Все звезды Аллы Павловны



Верить или не верить астрологам? – вот в чем вопрос. Алла Павловна сама подвела к нему, весело обронив: “Я же рожденная под созвездием Льва, да еще в год Тигра. Это такая зрелучая смесь!” Как тут не восхищаться подобной самооценке, которая исчерпывающе подтверждает – эта смесь великолепна, чудодейственна, целебна и, в добром смысле слова, не одиножды в жизни послужившая ей панацеей.

Потом, наедине, “сверяю” гороскоп Аллы Павловны Когай. Много, если не все, сходится: “Невероятная жизнестойкость, сопротивляемость феноменальная. Львы гордятся этим, как будто это их заслуга и личное достоинство”. Подтверждение? – Четыре перенесенных операции, не самых простых – типа удаления аппендикса. Между тем многие доктора, профессора никогда в жизни и не познали муки и пытки пациентов, ну и дай им Бог избежать их. Но вот Алла Павловна, почти всю жизнь бывшая медицинской сестрой, наверное, глубже, болезненнее понимает состояние, чувства больного человека. Далее звезды толкуют: “Внутренне Львы осознают свою социальную роль, что может сделать из них искателей статуса”. И здесь – в “десятку”. Сегодня в Астане мало кто не знает, кто такая Алла Павловна. Прежде всего, опять-таки следуя звездочетам, она лояльна, откровенна, не может жить в моральном отрицании, роль второй скрипки явно не по ней.

Логика самой жизни, с такими данными, определила ее место в общественно-социальной нише. Она – председатель столичного общества



пожилых людей: в “Ноиндане” числится уже 160 человек. Нелегкая ноша, ответственный статус. Так уж сложилось из опыта собственной жизни, профессионального долга, что к выходу на пенсию она обостренной других осознавала, видела, что такое старость – и биологически, и социально. Когда ее супруг Василий Харитонович Ким немалыми усилиями и энтузиазмом создал “Ноиндан”, жена стала главным его помощником. Но два года назад В.Х. Ким ушел из жизни, оставив добрую память, реализовав замечательные проекты. У руководства столичной диаспоры, у людей не было вопроса о преемнике. Алла Павловна!

Вдуматься – 160 членов общества – это же и столько явных и потенциальных пациентов. Кому, как не ветерану медицинской службы, ближе и понятнее тяготы хворых стариков и старушек, иные из которых нуждаются всего-то в добром слове.

Алла Павловна наметанным глазом быстро может определить ухудшение состояния здоровья человека, принять меры. Такое случается частенько. Она не просто по-прежнему медицинская сестра. Поистине она – сестра милосердия!

Позади сорок лет трудового стажа. День первый после окончания Кустанайского медучилища начался в колхозе “Кенес-ту” Актюбинской области. 150 километров до районного центра. Тот первый день помнится, как вчерашний. Недоверчивый взгляд главврача Моисея Абрамовича Ячменева: маленькая, со школьными косичками... Был звонок в район:

– Зачем мне такая пигалица? – Других не было, – ответствовали на другом конце.

Алла об этом узнала позже... Маленькая “львица” по гороскопу проявила себя сразу, ибо они, “Львы, могут быть великодушными до безрассудства. У них нет чувства опасности...” Однажды, оказавшись на дальней заимке, ей пришлось принимать роды. Весь аул был в напряжении, – такие были роды. Когда малыш заорал, ликующие казахи стали целовать руки этой маленькой “пигалице” с раскосыми глазами.

Она честно отработала три года фельдшером в том колхозе: к людям – со всей душой. Старожилы звали ее дочкой, молодые – сестренкой. Прощание с ней было очень грустным... Далее определилась в Целиноград, где в первой городской больнице бессменно проработала до выхода на пенсию. И еще несколько лет “после того” по просьбе руководства.



Врачи-ветераны до сих пор помнят удивительное открытие, сделанное А.П. Когай. Может быть, не выдающееся, но по тем временам обратившее на себя внимание. Как-то, составляя годовой отчет, рядовая медсестра выявила такую закономерность: среди больных сахарным диабетом на первом месте были немцы, на втором русские, третьими следовали корейцы, далее остальные.

Началось исследование, в частности, рациона питания, потом появились выводы. В истории первой городской Алла Павловна числится и как новатор. А именно: вместе с Зинаидой Григорьевной Овсянниковой они открыли отделение иммунологии, с Лилией Амержановной Омаровой – лабораторию по исследованию коагулопатии (нарушения свертываемости крови) – аналога ей в то время в Казахстане не было. Практическая деятельность среднего медперсонала была хорошим подспорьем для тех, кто готовил диссертации.

– Им ученая степень, а мне медаль, – смеется Алла Павловна. – А сколько наград у Вас? – О-о, много, – продолжает она. – Медаль одна – в честь 100-летия В.И. Ленина. И море почетных грамот – целый чемодан. В завершение из той же звездной “оперы”: “Женщины этого знака великолепные жены (это очевидно), замечательные хозяйки (160 подопечных), мужскую дружбу предпочитают женской”. Последнее тоже подтверждается: ведь сколько ей приходится решать текущих проблем, связанных с общественной должностью. И она обращается то к Виктору Михайловичу Паку, то к Давиду Чиннамовичу Цою, то к Леониду Иннокентьевичу Те. Никто ей просто не может отказать. А все ее хлопоты и заботы направлены на то, чтобы продлить жизнь своим ветеранам, сохранить остатки здоровья, утешить. Мудрец изрек: “Вечер жизни приносит с собой свою лампу”. У Аллы Павловны еще не вечер, и дай Всевышний ей быть еще далеко от него. У нее свой свистильник в жизни, свой звездный паспорт – сестры милосердия, добра, здоровья.

“КИ”

❖
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК

Ну, не окаинные ли нынче времена? В первую неделю марта на акмолинской барахолке творилось что-то несусветное, от мала до велика торговали всем и вся. Смешное и грустное было сплошь и рядом. Разве не гримаса базарная, когда огромный детина – “кровь с коньяком” – не успевал считать деньги от продажи крошечной куколки – “Барби”, а рядом древняя старушенция предлагала, извините... презервативы, подчеркивая, что они импортные! Толстомордый “кукольник” чуял конъюнктуру – на днях женский праздник. Наверняка знаю, что этот тип на 8-е марта одарит свою спутницу, а может и не се только, дорогими безделушками, под “Смирноффа” или “Распутина” будет поучать, как можно “выжить” сейчас, в чем “гвоздь момента”. Грустно, беспокойно на душе. И уж совсем впал в уныние, повстречав в овощном павильоне приветливую, добрую старушку, которую все зовут тетей Любой. Известна она тем, что среди “своих”, то есть корейцев, на рыночном пятачке негласно значится как “базарком”, что ее слово непререкаемо, а авторитет завоеван исключительной справедливостью и мудростью. В тот день она была печальна, морковный и прочий салат шел туго. Подумалось: как же мало надо для радости, сколь самоотверженны наши старушки во имя того, чтобы принести не лишний тенге внукам, чтобы, наконец, не считать себя обузой своим детям.

А их в нашем городе осталось совсем уже немного, и увидишь их разве что на свадьбах или поминках. Вспомнилось: “У счастья не бывает опыта, лишь у несчастья опыт есть”. Да, для обретения опыта несчастий старшему поколению выпала целая эпоха, начавшаяся в черном 1937-м. А сегодня нашим ветеранам первого поколения, если вести отчет от того года, нелегко прожить на нищенскую пенсию, вот и строгоют ночами морковный салат – надежный текущий бюджет. Однако редест “команда” тсти Любы, потихоньку уходят из жизни подруги-товарки. Скрасить бы как-то их одиночество, тоску по своим старикам, почему-то покинувшим земную обитель раньше...

Все-то были разговоры об одиноких людях в местном культурном центре, но дальше говорильни дело не шло. Замысливалось собирать их в арендованном под кафе зале бывшей столовой таксомоторного парка. Года полтора назад его хозяйкой стала некая Людмила, кафе называли “Ариран”. Но вскоре вышел конфуз, грозивший перерасти в криминаль-



ный скандал. У “хозяйки” были свои интересы, и она успела даже благополучно “замести” следы. Но перед правлением корейского культурного центра встала реальная угроза лишиться хорошего помещения, которое годилось бы в будни для всевозможных репетиций, учебы и прочих мероприятий. Когда вновь стали хлопотать о восстановлении кафе (что-то было растащено, разворовано и т.д.) к ходатаям явно проглядывалось недоверие.

Тогда Лаврентий Чен и дал слово все поправить, сделать предприятие общепита рентабельным, но главное – превратить кафе в такое, где собирались бы земляки.

И вот – первый выход. Накануне женского праздника обзвонили, оповестили всех, кому за 70, попросили быть дома, потому что за ними заедут. Надо было видеть удивление старушек, когда они оказались в уютном, теплом помещении (а нынче во всем городе в квартирах было очень холодно) с красиво сервированными столами. Причем, меню было именно для старушек: всевозможные корейские блюда, изюм, орешки, яблоки.

Председатель правления Василий Харитонович Ким сердечно поздравил женщин с праздником, за ним последовали другие. Старушки были усажены за отдельный просторный стол, ну среди них лишь один их ровесник – бравый 78-летний Константин Васильевич Ан, бывший фронтовик, танкист, о котором рассказала наша газета в декабре прошлого года. Через часок, не столько от пары рюмочек, сколько от всколыхнувшихся чувств он так распелся и расплясался, что его ровесницы и молодежь только руками разводили. Вот он затянул “Торади” и весь зал подхватил мелодию.

А тут и тетя Люба встрепенулась, и пустилась в русские пляски, а потом, отдышавшись, такая маленькая да сухонькая, вдруг звонко и зычно запела “Расцветали яблони и груши...” Пели и корейские песни, под барабан, в который со знанием дела стучал Федор Хван, зав. кафедрой сельхозинститута.

В перерывах бабушкам вручали подарки, цветы, лунные календари, чему они были несказанно рады. Все время тихо лилась печальная, нежная восточная мелодия. Любовь и радость, и печаль...

Прав мудрец, сказавший: жизнь не те дни, что прошли, а те, что запомнились. Такой праздник у акмолинских старушек впервые и, конечно,



останется в памяти. Отныне, – сказал Лаврентий Чен, – будем как можно чаще собирать ветеранов, они не должны быть забыты нами.

Несколько слов о Лаврентии. Он местный фермер, хозяйство ведет умело. В жизни испробовал немало ремесел, но окончательно прикипел к крестьянскому труду. В семье самый старший, у матери их было мал-мала меньше.

Вокруг много богатых, или точнее, быстро разбогатевших людей. Много разговоров о том, что надо помогать национальному движению, направленному на возрождение языка, традиций, обычаев. Разговоров много, а вот, как бы это выразиться яснее, движения души у многих-то и нет. Я не такой уж богат, но вполне состоятелен и могу не скупиться на благотворительность, искреннее участие в судьбах людей, – сказал Лаврентий Чен.

Обо всем этом можно было бы ограничиться маленькой информацией. Но коль состоялось такое впервые, в провинции, то почему бы нам не узнать об этом поподробнее, не порадоваться вместе, не пожелать всем доброго пути.

“КИ”

90-е годы XX века

ЧЕН Лаврентий Алексеевич

Родился в 1948 году в селе Мукры бывшей Талды-курганской области. В отличие от сверстников рано приобщился к труду, стремясь помогать родителям. Поэтому учился в вечерней школе. Дальнейшую учебу продолжил в строительном техникуме. В молодости Лаврентий был человеком неусмысленных страстей, у него была неодолимая тяга к странствиям. Работал на стройках Краснодара. Далее были Дальний Восток, Камчатка, где по жизненным обстоятельствам не гнушался иной работы: был токарем, грузчиком, экспедитором. Так он обогащался жизненным опытом, наукой выживания в непростые советские годы.



Познав разные промыслы, испробовав себя в разных специальностях, с возрастом Лаврентий Алексеевич склонился к тому, что его стихия – это труд на земле-матушке, общение с природой. И он делает оконча-

тельный выбор, став фермером. Пятнадцать лет назад на землях бывшего совхоза "Воздвиженский" Акмолинской области он закладывает основы своего крестьянского хозяйства. Есть во всем этом некий символ: название того совхоза от слова "воздвигать", а в характере Чена заложено именно это качество, свойство его души – с нуля начинать новое дело, каким было в 90-е годы рождение новой формации в аграрном секторе страны, бизнес-структур в земледелии, животноводстве. Здесь и пригодились ему те навыки, которые он обрел еще в юности, работая на Талдыкурганщине, на земле депортированных отцов и дедов.

Сегодня его крестьянское хозяйство "Милана" (по имени внучки) устойчиво, полтора десятилетия слывет в Целиноградском районе успешным: производит зерно, свинину, овощи, бесперебойно обеспечивает столицу экологически чистой продукцией. Незаменимым помощником у Л.Чена является его жена Светлана Романовна, надежно обеспечивая заботу подсобных служб.

Лаврентий Алексеевич слывет человеком щедрой и бескорыстной души. В трудные 90-е – годы становления Целиноградского корейского культурного центра он был в числе первых спонсоров, помогавших делу возрождения нации, в его кафе "Ариран" проводились многие мероприятия – хорошие, добрые, иногда печальные. Л.А.Чен был в то время надежным соратником и единомышленником в команде Василия Харитоновича Кима. Он и сегодня, несмотря на то, что находится в глубинке, с готовностью откликается на просьбы соотечественников. Как говорят в народе – на таких людях земля держится.

ВЕСТИ СВОЮ СУДЬБУ



В кругу столичных старожил Владимир Сергеевич Ли примечателен своими особыми, как это ни парадоксально, непримечательными данными. Низенький, наполеоновского роста, очень сдержанный, но афористично точный в своих суждениях, лишнего слова не позволит. Но в общении с этим "маленьким" человеком чувствуешь скрытую силу характера, нор, свои категоричные принципы. Однажды он обнажил их, поспорив с самим Петром



И-м. В молодости я вычитал, рассказывает Владимир Сергеевич, что этот великий царь обронил: не люблю низкорослых и людей с писклявым голосом. С голосом, между прочим, у меня нормально, а на рост повлияла травма позвоночника, которую получил в детстве, работая прицепщиком в тракторной связке. Трудиться я начал рано, мое детство закончилось в депортацию 1937 года. Об этом я, как мог, написал в своих воспоминаниях. Вот они.

– Мое корейское имя Ли Ги Сок. Родился 9 мая в 1928 году, в колхозе “Большевик” Надеждинского района ДВК. В 1933 году умер отец, через год не стало матери. Нас было четверо: два брата, две сестры. Нас “разобрали” родственники и друзья отца, жившие в разных местах Дальнего Востока. Меня прибрал к себе один такой родственник, и сразу захомотал так, что я не знал продыху. Нянчил хозяйских детей, пас телят, рано поутру оттаскивал молоко на приемный пункт. А идти надо было через хмурый лес, были страхи и отчаяние. Где братишка, дорогие сестренки?

Однажды весенним днем в 1937 году неожиданно приехала старша сестра Бон До. Я выглядел печально: грязный, в рваной одежде, худой. Как она горько плакала...

Ее слезы всю жизнь стоят в моих глазах. А на следующий день на попутных подводах, редких машинах мы добирались до Владивостока. Первый урок моего “университета жизни” заканчивался. В городе обосновались на Первой речке, старые корейцы помнят это место. Жизнь стала налаживаться, я пошел в школу. Сестра вышла замуж. Счастье было недолгим. Приказ властей срочно собраться в неизвестную дорогу был громом в ясный день, это был черный день для всего народа. Личным несчастьем было то, что мы не знали, где остальные, т.е. сестра и брат. Я их так и не нашел по сей день.

Высадили нас в Казахстане, определили в совхоз № 3 неподалеку от г. Темиртау. Начинались другие “университеты”, экзамены на выживание. Через полтора года мы смогли переехать в Уштобинский район Татдыкурганской области, колхоз “Приморец”, это было решение зятя Цоя Андрея Никоновича. Только начали обживатьсь здесь – грянула Великая Отечественная война. Зятя забрали в трудовую армию. Старшим в семье из четырех человек стал я. Об учебе речи не было. Прицепщик у тракториста, летом на прополке, осенью на уборке урожая, зимой на ферме, вот такая нескончаемая работа. Однажды двое суток



не слезил с прицепа, ночью уснул. Не помню, как это произошло: меня тащит по земле за рукав телогрейки, в сантиметре лемех плуга. Хорошо, что тракторист вовремя заметил. Было это на рисовых полях. Вскоре случай повторился, оторвало палец. Меня перевели в овощеводческую бригаду, вскоре стал бригадиром. 40 человек в коллективе, одни женщины и старики (молодые были в трудармии). Выращивали картофель, кукурузу, капусту, бахчевые, все, что могла родить эта земля.

Что памятью? Кладбище. Я раньше всех приходил на полевой стан, заполночь последним покидал его. А дорога шла мимо могил. Их становилось больше за счет наших переселенных людей. Ночью жутко проходить мимо этого места.

Владимир Сергеевич четко излагает свою житейскую историю. Такой же четкий почерк, ровные строки, а ведь в будущем году ему исполнится 80. Это в паспорте я записан "помоложе", поясняет он. Вообще мне нелегко описывать собственную жизнь, очень разволновался. Как-то получалось, что все время приходилось плыть против течения. Несколько раз прекращал рукопись – все прошлое будоражит. После войны переехал в Караганду, на заводе имени Пархоменко выучился на киномеханика. В те годы если демонстрация кино барахлила, в зале кричали: "Сапожник!" Почему? – до сих пор не понятно. Почему-то задумываюсь над другими фактами. Родился 9 мая, в 1952 году уходил в армию с 7-го на 8-е ноября (Октябрьская революция), и т.д. Но праздников в жизни было мало.

Армейская судьба закинула на Дальний Восток. Щемило сердце, ведь помню леса, тайгу того 1937 года, а этот воинский эшелон возвращал меня в мое детство. Наша часть дислоцировалась в г. Гродеково, на границе с Китаем. Местное население, в основном русское, сочувственно спрашивало: ну как вы там, корейцы, в Казахстане, Средней Азии живете? Я отвечал по-военному, что мы были обречены выполнять наказ судьбы. "Приказано выжить". К чему было что-то приукрашивать, выдавать действительное за розовое? Хотя должен признать, что у советского народа, частью которого были корейцы, было высоко развито чувство патриотизма, святых идеалов, которых маловато сегодня. Во время службы у меня мог случиться крутой перелом. Со мной начали долго и обстоятельно беседовать, понятно что выспросили все, что возможно. Я служил в артиллерийских войсках, выучился на командира орудийного расчета. Потом объявили: отправляем на войну в Корею, я



взял под козырек. Попросил лишь об одном: в случае чего – позаботьтесь о жене и маленькой дочурке, они в Казахстане. Но на войну не попал, в 1953 году она заканчивалась. Дальше еще интересней. В армии начались реформы, и мы оказались в военном совхозе № 36, село им. С. Лазо. Картошка, коровы, сенокос и т.д. Душа воспротивилась: я же кадровый офицер, был командиром взвода, а теперь колхозник в форме? Написал письмо Министру обороны СССР Малиновскому. Последствия такие: вызвали к генерал-майору Катунину, “воспитывали”, я же был и секретарем комсомольской организации. Смотрели свысока – я вообще от природы мал выдался в высоту, а тут еще Петр I-й со своим “не люблю низкорослых”. Ну да ладно. Полтора года бригадирил, вот где сгодилась уштобинская школа земледелия. Армии было отдано три года.

Вернувшись в Караганду, поступил в вечернюю школу, пошел в 6-й класс. Возраст подходил к тридцати, специальность киномеханик, эти годы приходится на областную киномастерскую. Узкий профиль тяготил. Еще в армии решил: несмотря на годы, закончить вечерку, поступить в институт. Так и сложилось. В 1964-м поступил на электрофак Целиноградского сельхозинститута, заочное отделение. Пересехал в этот город он уже однажды был столицей (Целинного края). Успешно окончил вуз. Доверили Щучинское предприятие электрических сетей, здесь прошла еще одна советская пятилетка. Затем был перевод в “Целинметалснабсбыт” начальником отдела цветных металлов. Уже в те времена ушлые люди “баловались” с цветметом. Мне пришлось быть стойким и неприсутственным, за что ценило руководство и партийный комитет. Именно поэтому меня перебрасывают в 1987 году руководителем инспекторской группы в ПРП “Целинэнергоремонт”, здесь вышел на пенсию, но отдыхать не давали, пришлось еще поработать. В те годы переводы, назначения происходили по рекомендациям и прямым указаниям партийных органов.

Наверное, есть ордена, медали? Владимир Сергеевич смеется, машет ладонью: таких как я не награждают. Ну кому мог нравиться честный человек в системе цветных металлов, или упрямый контролер, не подписывавший разные сомнительные акты в энергетической отрасли? Правда, кое-какие грамоты, медаль “Ветеран труда” есть, ордена – нет. Но знающие близко его люди думают: сегодня будь такая награда как “За мужество в семье” он был бы достойным ее кавалером. Только немногим ведомо, как стойко переносит Владимир Сергеевич удары судьбы.



Более десяти лет он безропотно, стоически ухаживает за больной женой, с которой прожита большая, непростая жизнь. Судьба была скупа к ним, у них всего одна дочь, Женя. Но Владимир Сергеевич благодарен судьбе, что дальше она смилостивилась, есть замечательный внук Сергей, выпускник военного училища МВД РК, внучка Наташа порадовала близнецами – Вовой и Ваней, есть и правнук.

– Как-то мне врезалась в память восточная мудрость: ты сам должен вести свою судьбу, иначе она будет тащить тебя, – задумчиво говорит этот маленький, сильный человек. – Всю жизнь приходилось противостоять трудностям, с кем-то и с чем-то бороться. Работая в контрольных органах, я практически выигрывал во всех судебных процессах, сэкономил много государственных средств, себе же не скопил ни копейки. А мог бы...

– Замечательный человек, – рассказывает о нем председатель столичного общества “Ноин дан” Алла Павловна Когай. – Сколько в нем воли, преданности семейному очагу, общественному делу. Всегда откликается на мои просьбы, и это в его-то возрасте. Очень надежный человек.

Таков Владимир Сергеевич на фото. Волевой, крепкий.

С. Вольф

ТАК ДЕРЖАТЬ, ТЕТЯ ЛЮБА!



Тетю Любу, эту замечательную, неутомимую, жизнерадостную и по-своему талантливую бабушку знают все столичные соотечественники. Без преувеличения. Потому что она всегда на виду, без нее не обходится ни одно общественное мероприятие, всюду она желанна и везде званая гостья. А намеренно тетя Люба была в “эпицентре” общественного внимания, ей исполнилось 80 лет. Добрые, благодарные дети постарались: просторное кафе, богатый изысканный стол, много света и музыки, заздравные тосты были до слез душевными и искренними. Все получилось здорово и превосходно! Среди многочисленных гостей были южнокорейский пастор, местные артисты, пресса, один серьезный человек из президентской охраны (давний друг семьи), была также замечена высокая особа из Верховного Суда Республики Казахстан.



Так кто она, уже при жизни легендарная теть Люба? Человек с ученым званием, боевой биографией, орденоносцем, или, может быть, дети ее “крутые”? Ни то, ни другое, ни третье. Не ученая она, но – мудрая, биография же обычной депортированной корейки, есть трудовые медали, дети все работяги и просто хорошие люди. Три сына – Аркадий, Артур, Юрий, дочери Рита и Римма. А также 14 внуков и шесть правнуков. Богатство! Радость и счастье дорогой всем тети Любы. Часть этого богатства живет в узбекистанской сторонке, остальная, как малые планеты, вращается вокруг мамы и бабушки в Астане. Сюда она переехала 30 лет назад, но мало кто это знает, всем кажется, что теть Люба всю жизнь здесь, коренная. А в Узбекистане она жила в селе Октябрьском Ак-Курганского района Ташкентской области, потом – в самом райцентре. Немного работала продавцом, завмагом, но в основном в школе, воспитателем, выйдя на пенсию – завхозом, и везде ее знали как веселую, неунывающую Любовь Даниловну, хотя по паспорту она Ким Кым Ок, а в переводе это имя означает – золотая. Понистине это так: золотая душа у тети Любы, щедрая, отзывчивая. Обосновалась здесь сначала рядом с базаром, временное жильё, пробавлялась тем, что бог даст на том самом базаре. Старые товарки помнят до сих пор, как теть Люба тогда, в 70-е, объявила войну рыночному начальству. В те годы началась “салатная эпоха”, но кому-то это не нравилось, пошли всякие запреты. Теть Люба, собрав у подружек реабилитационные документы, двинула в горсовет (ныне маслихат) и отстаивала право на свои места со своей продукцией. Тогда ее и прозвали уважительно – “наш базарком”. Это лишь один пример ее постоянной неуспокоенности, неустанного радения за чьи-либо дела.

Но более всего душа тети Любы раскрылась на общественном поприще, когда в жизни городской диаспоры настали новые времена, началось движение по консолидации, возрождению нации, ее духовного потенциала. Любовь Даниловна как могла (и может!) активно участвует во многих организационных делах, агитирует стариков и старушек приходить на собрания, наставляет молодых уму-разуму, сама задает тон во всем.

Как достойное признание заслуг стало награждение Ким Любви Даниловны Грамотой совета Малой ассамблеи народов Казахстана. А когда случалось, что ее по каким-нибудь причинам не было в общественной “тусовке”, незнакомые люди спрашивали: “А чего это не видно

сегодня вашей боевой бабульки?” Вот такой имидж у тети Любы, прямо-таки по народной поговорке: “Старая мельница, а не бездельница”.

Отец ее детей давно на вечном покое, ей самой пришлось поднимать сыновей и дочерей, и она сумела всех поставить на крыло. И на минувшем юбилее гости и друзья говорили о ее женском мужестве, образцовом материнстве, верности семейному долгу. От имени правления филиала Ассоциации корейцев Казахстана Ким Кым Ок сердечно поздравила Алла Павловна Когай, подчеркнув, что тетя Люба в местной округе самый яркий представитель столичного общества пожилых людей “Юиндан”. А один из ораторов сказал: “Пройдя жизненный путь, полный невзгод и исторических трудностей, вы на удивление полны радости и оптимизма, светитесь добром и душевной щедростью. И Ваши 80 лет – это не просто преклонный возраст – это возраст победителя в этой жизни... Так держать!”.

В. Сон

Вадим и его команда

Тот вечер в филиале АКК значился как “Встреча трех поколений”, инициировал ее столичный молодежный центр. На его счету уже немало добрых, интересных дел, и, как показало время, очень удачным был выбор ее лидера – Вадима Цхе, энергичного, целеустремленного, с творческим прицелом вожака. Благодаря ему и его команде в Астане пульсирует молодежное движение, оно крепнет, обретает заинтересованных последователей. Подтверждением тому служит и эта встреча со старшим поколением соотечественников, в ходе которой наши юноши и девушки узнали многое из истории депортированного народа, о ярких представителях корейской нации, прославивших ее в годы социалистического строительства, колхозного строя, освоения целины и т.д.

Перед молодежью предстала блестящая плеяда советских корейцев, прославившихся в различных сферах народного хозяйства, науке, культуре, искусстве, спорте. Затаив дыхание, молодежь внимала рассказу председателя совета старейшин Николая Васильевича Муна. Он доктор наук, профессор медакадемии, человек большого авторитета в Астане, огромной эрудиции и глубоких душевных качеств. На память приводил Н.В. Мун цифры побед и достижений, высоких званий и наград, которых



удостаивались корейские труженики: Герои Советского Союза, Социалистического Труда, лауреаты различных премий, почетные академики и т.д. Подлинным открытием на этой встрече стало новое имя: Михаил Васильевич Ким. Политкаторжанин, узник Норильлага, инженер-гидротехник. Его, не имеющего научной степени и званий, привлекут к проблемам Севера. Спустя годы газета "Заполярная правда" напишет: "Михаил Ким основал самую северную в стране Мерзлотную станцию... Его метод строительства на вечной мерзлоте произведет переворот в строительстве на Крайнем Севере. Группе из шести ученых за строительство Норильского металлургического комбината будет присвоено звание лауреатов Ленинской премии, первым в списке было имя М.В. Кима." А на одном из домов Норильска есть мемориальная доска, на которой значится и особый "статус" М.В. Кима: "Заключенному Норильлага".

Гилен Васильевич Цой – почетный житель Астаны. Он был в пятерке лучших людей города, когда удостоивался этого звания. В этом ряду наш земляк дважды Герой Советского Союза Талгат Бегельдинов, летчик-космонавт Лев Демин. Г.В. Цой – участник корейско-американской войны 1950-1953 годов. Хирург-профессор, на его счету тысячи спасенных жизней, великолепный наставник. И на этой встрече он напутствовал молодежь: "Стремитесь к поставленным высотам, гордитесь старшим поколением, постигайте кладезь знаний, прославляйте нашу замечательную нацию". Почтенный патриарх попросил: не стесняйтесь, задавайте вопросы, не смотрите на мой возраст. И они посыпались. Рома Цхе спросил: как раньше начиналось сватовство, создавались семьи? Молодежь оживилась – понятно почему. О-о! Это и веселый вопрос и немножко грустный. Например, ранее, давным-давно, бывало так, что молодые виделись впервые только в день свадьбы. Вот так, дорогие, а сейчас совсем другое время. Но! Храните семью, это святое, говорил профессор.

Замечательная была встреча. Зампредседателя филиала АКК Роза Михайловна Пак рада, что задуманное прошло так хорошо. Правление всячески помогает Вадиму, его друзьям. Теперь в столице и молодежный корейский центр на виду. У него перенимают опыт, к нему потянулась молодежь, и не только корейская. По определенным дням весело в английском клубе, на уроках корейского, спортивных секциях, есть программа развития корейской культуры. По всему городу размещены приглашения, но и без них центр уже достаточно известен. "Мы гото-



вимся провести фестиваль под девизом “Мир боевых искусств против терроризма”. Наш актив сегодня – это 12 моих помощников – Ким Оля, Ли Николай, Ким Юля, Хо Настя, Виталий Чен, Олег Ким, другие единомышленники. Они студенты, старшеклассники, замечательные ребята”, – говорит Вадим.

Потом было чаепитие, караоке, песни. Но кульминацией встречи стал сеанс одновременной игры на шахматах, который провел чемпион мира среди юниоров Дармен Садвакасов. Прославленный казахстанский гроссмейстер был искренен, задушевен, сказав: я так много сегодня открыл для себя, услышав об истории корейцев, среди которых немало моих молодых друзей. Ведь с Вадимом Цхе мы одноклассники, и когда он пригласил на эту встречу, я отставил все другие дела.

Игра с чемпионом мира была, конечно, не в пользу “наших”, но все остались более чем довольны. Особенно член правления филиала Елизавета Александровна Ким, которая тоже “бросила перчатку” гроссмейстеру. По два раза с ним сыграли Н.В. Мун и Г.В. Цой. После проигрышей им присвоили звание “дважды Героев Советского Союза”. Вот так весело закончилась эта встреча поколений.

“КИ”



ПОДАРОК ОТ МАРШАЛА

Старый столичный рынок, что между величественной мечетью и чопорным отелем “Жасыбай” доживал последние недели. Он излюбленный пятачок, где “место встречи изменить нельзя”. Здесь случайно, на радость или горе, можно услышать новость, сплетню, версию. Сюда любят приходиться те, которых базар кормил, спасал в недавние тяжкие времена. Вот, к примеру, две сестры Ким Валентина Сергеевна и Надежда Сергеевна, они близки к 80-летнему рубежу. В недавнюю встречу с ходу напустились на меня: когда расскажешь в газете о нашей тете Ольге? Конечно, это хорошо, что печатают про “больших и грамотных людей, – горячились эти энергичные, боевые бабульки (базар их помнит такими), но и наша амя “тоже имеет заслуги”. Какие? “Какие, какие, – распалилась Надежда Сергеевна. – А вот такие: ей в 1935 году сам Блюхер машину подарил”.



И-да, какой-такой Блюхер? Ответ последовал незамедлительно: Василий Константинович, командующий Особой Дальневосточной армией. Он Маршалом был, понятно? В 30-е годы это было, Валя это помнит, она старше меня.

Понятно-то понятно, но верилось с трудом. Какая машина в те годы, неужели сам Маршал снизошел до какой-то корейской девушки? Надо выяснять. Поэтому двинул по указанному адресу. Встречает сын Эдуард Лим, энергетик в системе РГП “Казахстан темир жолы”, ему скоро на пенсию. Излагаю суть. Через минуту Эдуард Григорьевич хохочет: ну мои двоюродные сестры дают! Валя и Надя, действительно, сказали правду про Маршала, было это в 1935 году, и он подарил маме, но не автомашину, а машинку, швейную, знаменитой марки “Зингер”. Да вот, она сама пусть расскажет.

Бабушке Хан Бун Де в августе исполнилось 90 лет, она ровесница большевистского Октября. Поразительное старшее поколение: она не только еще крепко держится на ногах, хотя и с тросточкой, но помнит многое, спустя 70 с лишним лет. В 1935 году восемнадцатилетней, она работала в рыболовецком колхозе близ Находки. Днем работа, вечерами чтение книг, маленький поселковый клуб. Патриотизм большой был:



строили социализм. Женская бригада занималась тем, что обрабатывали улов морской рыбы, сортировали, укладывали в тару. Занятие нудное, но другого не было. У нее уже тогда было русское имя Оля, и была она хороша собой. Но более всего отличалась сноровкой, слыла ударницей, за ней невозможно было угнаться на рыбном конвейере. Однажды ей было велено срочно собраться для поездки во Владивосток, на красной слет передовиков производства. Вот там-то от имени Маршала Блюхера она была награждена этим на зависть шикарным подарком. “Зингер” во все времена была превосходной вещью. Бабушка вспоминает, что впервой попала в большой город, обеды, ужины в ресторане, большой концерт в театре. Какое было время, вспоминает бабушка Ольга.

А через два года грянули другие времена. Депортация, приговор корейскому народу. Сначала была Астрахань, снова какой-то рыбзавод на Волге, потом семью перебросили в Среднюю Азию. Обосновались в поселке “Ташсельмаш”. Муж Гриша стал земледельцем, жена тоже на полях. Тяжкие военные и после них годы. Как выручала эта машинка “Зингер”. Одежду для детей не покупали – перешивали из старья от взрослых. Даже вагные “позони” /чулки/ мама шила, добавляет Эдуард Григорьевич. Соседи, друзья просили попользоваться маршалским подарком. После войны такие вещи как велосипед, патефон, швейная машинка, да еще такой шикарной марки были роскошью, с ними семья считалась, как сейчас бы сказали, “крутой”.

Сгодился “Зингер” и в 60-е годы, когда семья переехала в Целиноград. Сын рассказывает, что мать плотно занялась индпошивом, строчила все, что заказывали: брюки, рубашки, модные в то время женские пальто. Надомушница, так сказать, а на базаре продавать тогда считалось зазорным делом, не то что сейчас. Где сейчас эта семейная палочка-выручалочка? Эдуард вздыхает: вернулся со службы в армии, обнаружил пропажу. Спрашиваю, где машинка? Оказывается, подарили знакомым, а себе купили новую, с ножным приводом. Мне почему-то тогда стало грустно. Действительно, сегодня “Зингер” был бы семейной реликвией, почти раритетом.

И еще об одном замечательном моменте поведала бабушка Ольга. Тогда, в далеком 1935 году, тот праздник подарка запомнился тем, что он проводился перед Днем 8 марта, “я это точно помню”, сладко вспоминает она. Поистине: “Жизнь не те дни, что прошли, а те, что запомнились”.



Просмотрели фото. Возьми вот это – я здесь с братом Володей, он в Ташкенте. Здесь молодые. Как хотелось бы вернуться в ту молодость, хоть и была она трудной...

В. Тен

И ЗВУКИ СЛАДКИЕ, И ВДОХНОВЕНЬЕ...

Ранняя электричка следованием “Астана-Кокшетау” рассекала утреннюю стынь зычными гудками, поглощая на малых станциях и полустанках утренних пассажиров. Этот субботний электропоезд всегда забит – многие стремятся в курортную Боровскую зону, на озера, где привольно душе и телу благодать, отдохнуть, расслабиться. Но в минувшее утро один из вагонов испытывал двойную нагрузку. В него, что называется, ломились. Отчего? – От того, что там состоялся бесплатный, импровизированный концерт, который сотворил столичный хор “Черю”. Уже в получасе сзды женщины вполголоса затянули первую песню, вторую, не замечая вмиг исчезнувшего людского гомона. Раздались дружные аплодисменты, певуны засмутились, пошли просьбы: спойте еще. И они не стали кокетничать, благо им и надо было “разогреться” перед главным выступлением, которое предстояло впереди. Среди пассажиров случился немолодой кореец, назвавшийся Владиленом Ефремовичем, он, кстати, “в тему” их предстоящего выступления прочитал стихи известного корейского поэта Ян Вон Сика, которые пришлись по душе всем:

Земле казахской вечно быть,
 О том твержу я неустанно.
 Здесь суждено мне жизнь дожить –
 В стране Абая – в Казахстане.

Ах, эти обаятельные и напористые певуны – они уговорили чтеца присоединиться к ним (потом доедете до своего Щучинска), привели серьезнейший аргумент: у нас “несчастливое” число, нас 13, вы нас спасете от возможных “проколов”. И Владилен Ефремович дрогнул...

Через два часа на станции Акколь гостей встречала обаятельная Зента Алексеевна Цой, директор местной музыкальной школы, а с отправляющейся электрички неслошь нашим певицам: спасибо, дорогие, за



ваши душевные песни! Волнения придали и аккольские красоты, сосновый бор, березняки, озера – приволье душе, песенный простор! И они, эти возвышенные чувства от созерцания ликующей в этот солнечный день природы, заряда, полученного от благодарных пассажиров, вылились в яркое искрометное выступление перед местным народом.

– Наша цель – встретиться с корейской диаспорой, порадовать чем можем, своим песнопением, – говорили хористки “Ченрю”, – Это и наш вклад в программу “Путь диаспоры”. Ведь посмотрите: и здесь, на севере Казахстана, во многих местах жили и трудились депортированные корейцы. Очень кстати нам встретился Владилен Ефремович. По пути он рассказал о директорах совхозов, школ, специалистах, простых людях, оставивших свое имя в казахстанской истории. Одно имя Героя Социалистического Труда Кан Де Хана чего стоит! Кавалер ордена Ленина тракторист Константин Когай, Трудового Красного Знамени – доярка Александра Ли, руководители совхозов – Николай Лян, Дмитрий и Афанасий Кимы, директор прославленной Щучинской птицефабрики Николай Цой и т.д. Десятки, сотни известных в местной округе, в республике имен, их дела продолжают дети, внуки. Их имена увековечены в мемориальных знаках, названиях улиц в селах, где они жили, создавали.

Удивительное совпадение: встреча была организована в кафе “Эдельвейс”, и стих с таким же названием есть у поэта Ян Вон Сика:

И ты, а не те, что в уютной долине,
Лишь ты – как обет, как зарок на крови.
За скромность, за стойкость, за верность судьбине
Стал символом верной и чистой Любви.

О трудной, многострадальной судьбине корейского народа говорил на встрече руководитель аккольского представительства партии “Нур Отан” Амангельды Оспанов. И с восхищением утверждал: несмотря на все невзгоды, благодаря своим уникальным природным качествам этот народ выжил, выстоял, явил собой образец национального стоицизма. Народ-труженик, народ-интернационалист, к своему 70-летию обитания на казахской земле он пришел в расцвете возрожденной культуры, искусства. И здесь, в нашем небольшом городке Акколь ваши соотечественники всегда радуют нас своим трудолюбием, открытостью, оптимизмом. Душевно, искренне отзывалась о корейцах Баян Акимова,

начальник районного отдела культуры и развития языков. Сегодня наша гордость, говорила она, в том, что на прошедшем недавно в Кокшетау мероприятии республиканского масштаба “Путь диаспоры” аккольцы вышли победителями в конкурсе “Корейская семья”, о них сказано в газете “Коре илбо”. А сейчас, в этом зале я благодарна столичному филиалу Ассоциации корейцев Казахстана, направившего в нашу глупику такой прекрасный песенный коллектив. Вы есте великолепно!

Вокальный ансамбль “Ченрю” действительно был на диво красив и изящен. И то! Ему уже семь лет. Нежные одяния, песни грустные и лирические, задорные и веселые, с притопыванием и восклицаниями вызывали восторг и волнение – прекрасны женщины Востока, пленительно, обворожительно их песнопение. Рукоплескали всему хору “Ченрю”, солисткам – двум Людмилам – Тяи и Мун, художественному руководителю Ляззат Хамзиной, с блеском исполнившей корейскую песню о вечном – о любви. Были персональные посвящения – песня “Омони для 78-летней Веры Романовны Когай, славной матери, ветеран труженицы. Сюрпризом для всех было появление в зале девушек из Кокшетау, специально приглашенных на эту встречу. Они красиво исполнили танец “Пидульги”, им пожелали и дальше оттачивать мастерство танца. Художественные номера посвящались аккольцам Тамаре Цхай, Людмиле Ли, Геннадии Чену, Рансе Ким, Брониславу Когаяу. “Плененный” Владислен Ефремович читал отрывки из поэзии корейских авторов, столичного поэта Владимира Гундарева “Я живу на Планете любви”. Педагог музыкальной школы Анна Кирилловна исполнила волнующие русские романсы, современные эстрадные песни. Время летело незаметно, потому что были экспромты, был настоящий праздник. Вот попросила слова русская женщина Татьяна Федоровна, но с фамилией Чен. Она преподнесла сюрприз, сказала: я врач, стихов не пишу. Но по моей просьбе специально к этой встрече 80-летний Борис Павлович Васильев, ветеран-педагог написал стихотворение “За что?”. Там строки:

Несчастных корейцев – их было немало,
Под солнцем палящим в Голодной степи,
За что же судьбина их так наказала?
Велела: молчи и терпи...



Молчали... Все претерпели... Выстояли! И несется сегодня мажорная песня, гимну подобна: “Край, где Запад с Востоком сошлись – это мой родной Казахстан”. Музыку написал алматинский поэт и композитор Геннадий Ким. Эта песня, как полет свободной птицы, как в пушкинских строках: “Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв”.

С. Хон



ЭТОТ ДЕНЬ МЫ ПРИБЛИЖАЛИ КАК МОГЛИ

В столичном доме-интернате для ветеранов войны и труда живет Дю Дон Ир. В этом году ей исполнится 97 лет. Ясный ум, цепкая память, живая, образный язык. Ее молодость – это глубокий казахстанский тыл, где она оказалась после прерванной учебы в Коммунистическом университете трудящихся Востока (Москва). Как жили они, тыловики, в те далекие годы, кажутся сегодня уже призрачными?



– Трудно передать словами чувства, которые владели людьми в то время. В двух словах – это огромный патриотизм и великое единение. В Теренозекском районе тогда было 30 колхозов, в основном казахских, а наша “Кантонская коммуна” состояла из 200 корейских семей, депортированных с Дальнего Востока. Плач и стон от похоронок, которые приходили в соседние аулы, глубокой скорбью отзывались в наших сердцах. Мы дружили с коренным населением, война была нашим общим врагом. И от корейских мужей из трудармии тоже приходили совсем не веселые письма. Что нам оставалось? Верить в Победу.

Как работали! 70-летние старушки и 10-летние пацаны выходили на рисовые чеки, зерновые тока, колхозные фермы. Летний зной, осенние холода, у всех латаная одесжка. А пища? Хороший рис был редкостью – все для фронта.

Никто не роптал. Перебивались тем, что бог оставлял: тольпи – это по-корейски, а по-казахски – курмек, рисовый сорняк, мелкий, черный. Его дробили, потом заваривали на травах – пустырнике, одуванчиках, подорожнике. Иногда подливали молочный обрат или перегон. Вкус той теренозекской похлебки помню до сих пор.

Председателем колхоза был в то время Хе Ун Хя. Замечательный человек, неутомимый труженик, очень справедлив был. Его уважали все. Вместе на правлении колхоза решали, сколько могут труженики тыла в этот раз отправить на фронт денег, одежды, продовольствия. Я тогда заведовала детсадом. Кроме того, меня выбрали председателем женсовета в колхозе. Забот хватало. Часто приходилось на перекладных добираться до райцентра, а это 25 км. Поэтому научилась верховой езде.

Люди работали на пределе, но, наконец, дождалась – настал день Победы. Какое ликование было – не забыть никогда! Ко мне пришло



большое счастье – казалось, из безнадежного небытия, из 15-летней политической ссылки вернулся мой муж. Мы пересели в Кызыл-Орду. Я вскоре стала работать в редакции “Ленин кичи”, потом была диктором и корреспондентом корейского вещания на областном радио. Частыми моими темами были война, труд людей в тылу. Считала это своим долгом. Справедливо сказал поэт:

Грядущее придет-прибудет –
Ему свой неизбежный час,
И сами завтрашние люди
Узнают многое о нас.

Это грядущее настало сегодня. Но нынешней молодежи трудно понять тяготы того военного лихолесья, поэтому я и решила поделиться своим прошлым...

P.S. Семь лет назад уважаемой Дю Дон Ир было вручено благодарственное письмо Президента РК в связи с 55-летием Победы. Там есть такие строки: “Никогда не изгладится из народной памяти величие подвига, совершенного Вами, Вашим поколением на полях сражений и на трудовом фронте. Вы вышли победителями”.

“КИ”



КИМ Павел

НА РОДИНЕ ПРЕДКОВ

Голые скалы. Вдали океан.
Сосны кривые. Ползучий туман.
Толпы туристов. Гора Сораксан.
Родина предков. Пьянящий дурман.
Впервые в Корее. Сеул. Канвондо.
Монашки в кроссовках и шляпах – чудно.
Буддийские храмы, футбол, таэквондо...
Все разом смешалось, как в пестром кино.
Смеющиеся лица, знакомый язык,
Раскосые взгляды, как много тут их.
Три дня я в Корее, но я не привык,
Я тут иностранец, и боль, словно крик,
Застывший на взлете мешает вздохнуть.
Как горько мне было в Корее взглянуть
На пагоду, Будду, на странной свой путь...
Как сырой листочек, упавший на грудь,
Гонимый судьбою, по свету летя,
Нашел я приют вдалеке от тебя.
Корея! Корея! Ты – мать, я – дитя!
К тебе я пришел, но не встретил тебя.
Другая взрастила, любила меня,
Учила читать по слогам букваря,
И я разрываюсь меж двух матерей,
Не зная, какая любимей, милей.
Тебя не виню, не корю я тебя,
Вот только без корня все чахнет на свете.
Язык и культура, войдите в меня,
Хочу вас постигнуть до сути, поверьте!
Хочу я познать тишину деревень,
Молчанье таинственных сопок,
Где пращура дальнего тихая тень
Скользит... Я пришел, твой потомок!

Сеул-Шымкент-Астана

❖

СОДЕРЖАНИЕ

Ассоциации Корейцев Казахстана	3
Александр Ким, председатель столичного филиала	
Ассоциации корейцев Казахстана	4
Время, Люди, Жизнь	6
 <i>В бережной памяти нашей</i>	
Слово об отце	10
Хван Уиден	21
Ким Василий Харитонович	23
Жизнь отца – мое прекрасное наследие	25
Падал снег в тот майский день	32
Живи и помни	35
Опенько Геннадий Степанович	51
Настоящим архитектором был	52
Пак Михаил Николаевич	58
Пак Трофим Михайлович	60
Цай Наталья Ивановна	60
Свет сердца оставивший людям	62
Лян Николай Иванович	62
Зот ты и вернулся из легенд	67
`етья Люба-партизан	70
Профессор Ли в математике	72
..И в памяти	74
Цой Анатолий Александрович	75
Ли Ерофей Антонович	76
Ким Леонтий Матвеевич	77
Цой Геннадий Александрович	78
Тот новогодний банкет	79
Хан Анатолий Матвеевич	81
Корейский колхоз на берегу Ишима	81
Тян Ир Сен	85
Его звали "железный Ю"	86
Что может человек	90
Когай К.И.	90
 <i>На страже здоровья нашего</i>	
Цой Гилен Васильевич	95
Цой Олег Гиленович	97
Цой Игорь Гиленович	98
Мун Николай Васильевич	100
Судьба высокой пробы	102
Ким Тамара Анатольевна	105
За эстетику тела и души!	107
Петр Александрович Пак	109
Ким (Цой) Людмила Александровна	110
Ким Игорь Вячеславович	111
Снимаем шляпу	111
Ким Секдюн Ильич	114



Опешко Владимир Геннадьевич	114
Ким Геннадий Матвеевич	115
Кодекс чести врача	116
Ученые, наставники	
Я возвращена на родительской верности	121
Судьба как у многих	126
Сон Афанасий Ефимович	129
Югай Адольф Сергеевич	130
Пак Никифор Данилович	132
Ким Петр Григорьевич	133
Ли Вячеслав Николаевич	134
Югай Жанетта Петровна	134
Вперед, к родному языку!	134
Вонгай Александр Дмитриевич	136
По закону и совести	
Югай Жанна Иннокентьевна	137
Эм Владимир Андреевич	138
Хван Федор Тельманович	142
Проклавшие землю целинную	
Цой Юрий Алексеевич	144
Соняним, патриарх целины	145
Жизнь – на белую зависть	149
Цай (Югай) Анастасия Михайловна	155
Цой Владимир Александрович	156
Зодчие, создатели	
А в совести будильник тот	158
Имеет честь созидать столицу	162
Мечтать – обязанность на земле	165
Мун Эмилия Эрневна	168
Чародей искусства	
Пак Валентин Валентинович	170
Мастер и Людмила	173
Активисты	
Идти по жизни с добрым сердцем	177
Все звезды Аллы Павловны	182
Провинциальный праздник	185
Чеп Лаврентий Алексеевич	187
Вести свою судьбу	188
Так держать, тетя Люба!	192
Вадим и его команда	194
Жизнелюбы	
Подарок от маршала	197
И звуки сладкие, и вдохновенье	199
Этот день мы приближали как могли	203
На Родине предков	205

БЕРЕГ НАДЕЖДЫ И СЧАСТЬЯ

70 лет на земле Казахстана

Редактор: Сон В.Е.

*Редколлегия: Мун Н.В., Ким А.Г.,
Цой О.Г., Гундарев В.Р.*



Отпечатано в Департаменте издательско-полиграфических систем РКП "Дирекция административных зданий Администрации Президента и Правительства Республики Казахстан" Управления делами Президента Республики Казахстан г. Астана, ул. Бигельдинова, 78. Тел: 75-12-59

Сдано в набор 20.09.2007 г. Подписано в печать 14.11.2007 г.
Гарнитура "Times New Roman". Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13. Тираж 500 экз. Заказ № 885.